

Лекция 1

~~потом балтийской и закончим курс построения~~
~~балто-славянской акцентологической системы. Давнее,~~
~~если кому-то это будет интересно, мы можем кос-~~
~~нуться и проблемы индоевропейской акцентологии.~~
~~В первую очередь, повидимому, нужна будет записка~~
~~славянской акцентологии, но прежде чем перейти к~~
~~рассмотрению~~ материала, славянской акценто-
логии, я хотел бы кратко обрисовать ~~балтий-~~
и славянскую ^{системы} ~~таким~~ образом, чтобы было ясно,
хотя бы ~~на~~ ^{каком} уровне терминов,
~~к какой системе мы~~
прийдем в результате сравнительно-исторического
анализа.

В последнее время очень часто встречается против-
поставление классической и современной акцентологии.
Это довольно ~~грубое~~ ^{грубо} деление, дело в том,
что и в рамках классической акцентологии были
~~совершены~~ диаметрально противоположные решения
и классическая акцентология не представляла
какой-то стройной системы, а были целый ряд
построений акцентологических, которые очень сильно
разнились. Например, если мы возьмем
построение балтийской главной акцентуации у
Порбаерса, то так мы встретимся с диаметрально

2. но противоположной оценкой акцентных типов, чем у Буди, Индзиня или Булаховского. Те шалом, которые Шорбьерсон считает баритонизированными, для Буди и Индзиня были старее акцентированные, т.е. конечно ударными. Аналогичную противоположность мы встретили ~~в~~ в работах Ван-Вейка, с одной стороны, и Мейе, когда мы будем рассматривать классическое построение акцентной системы ишени. ~~В~~ **В** реконструкции ~~и~~

~~того~~ **того**, что мы назвали сейчас подвижной а. парадигма **Ван Вейк** исходит из баритонизированного типа и объясняет возникновение подвижности как результат действия закона де Соссюра, в то время как Мейе упорствовал на значительной ^{той} ~~влия~~ старой индоевропейской подвижности в этой группе ишени. Вообще для Ван Вейка было характерно почти полное игнорирование морфологической подвижности ударения, в то время как в "Восточной школе", ~~и~~ в "школе" Булаховского, Индзиня и Буди, казилось понимание того факта, что очень многие славянские феномены восходят к старой морфологической подвижности еще балтославянского уровня.

Всё же мы рассмотрим современные акцентологические теории, в мы увидим, что совершенно обильно копенценции Курисовича и Статта. Исходящая из сталивса^{ой}, но обильноающаяся от нее рядом "радикальных", по Х. Статту допущений такая копенценция, которую выдвинули Я и Иммер-Свифт, она тоже в общем-то стоит несколько особняком.

3. Там то как будто бы на фоне этих фактов, камеру, особых отличий между классической и современной акцентологией нет. Но тем не менее имеются некоторые черты, которые отличают новый этап развития акцентологии. Это прежде всего то, что в современной акцентологии приобретает особое значение понятие акцентной парадигмы.

Что такое акцентная, или акцентуационная парадигма? Уилл-Свэн в своей книге в примечании к стр. 4 определяет ее таким образом: "Первичная акцентуационная парадигма (а.п.) подразумевает характерную для определенной группы слов, относящихся к какой-либо грамматической категории, совокупность акцентных отклонений в различных формах слова, своего рода "акцентуационную кривую" грамматической парадигмы".

~~Это касается только одного слова, но это слово имеет много форм.~~
Возьмем, например, три слова:
~~Вот есть (слово) рука:~~

Род. руки'
Дат. руке'
Вин. руку

~~Сделаем сравнение - баба.~~

2) Род. ба'ба
Дат. ба'бе
Вин. ба'бу

3) меня'
мне'
меня'

Эти три слова, собственно говоря, не отличаются морфологически

они от слов, имеющих различную морфологию

4. Т.е. в одних случаях в Ш.п. совпадают тема
и рука, в Род. тоже совпадают, в Вил.п. — не совпа-
дают. Если мы, допуская, обозначим это какими-нибудь
~~крупными~~ ~~иероглифами~~ и квадратами, то получится вот такая
схема:

Мы можем провести линию.

В двух случаях у нас получилась прямая; в этом
случае — ломаная линия, отсюда и идет термин —
кривая, движение акцента. Аналогично ^{на} ~~в двух~~
других ~~случаях~~ мы тоже переносим термин "кривая" —
акцентуационная кривая.

Ср

Сравнительно-исторический и исторический анализ показы-
вает, что в славянском соотнесено все слова по двум
~~лексико-грамматическим~~ категориям можно было разбить ~~вот~~ на
три типа, ~~каждой из них лексико-грамматический~~
~~категория~~. И в каждой ~~фактически~~ можно найти или
тип, тем-р близкий к типу рука или тип с характер-
ным ударением, или тип с характерным ударением.
Я не беру остальные формы, там получаются некоторые
осложнения, связанные с историей современного русского
языка.

Аналогично кривые ~~всех грамматических~~ ~~категорий~~
~~допускаем~~ i-основ, u-основ, имен ср. рода и р.р.

5.

В различных языках мы встречаем различные формы: в именах мужского рода, какой-нибудь воз ударение ^{иногда} будет на корне, род. п. - на корне, а во мн. ч. мы встречаем уже, ~~фигурирует~~ творит. - возы, (др. рус). Эти аку. кривые ~~дополнительно~~ ^{дополнительно} распределены в зависимости от типа основы, в зависимости от того, к какой граммат. категории относится эта акцентная кривая. В целом и в имени мы просто не найдем одинаковых форм.

Так как акцентные кривые дополнительно распределены, то вообще говоря та акцентная парадигма обозначается одним знаком, то в структуре а. п. следует определить как класс акцентных кривых, класс дополнительно распределенных, тем-то схожих, имеющих тенденцию сходства между собой и функционирующих в одинаковых условиях функционирования. Это и будет класс.

Так вот, Сравнительно-историческое рассмотрение праславянских языков показывает, что все слова этого языка, ^(каждое из этих слов) ~~скажем так~~ - все непроизводные слова ^{имели} ~~имели~~ ^{одну} из трех акцентных типов, а, передних, которые примерно сейчас после работы Станга обозначают латинскими буквами а, в, с. При этом а - это род пил, который мы находим в слове баба, в - это род, который мы находим в слове мек и с - это подвижный аку. тип.

Понимая, с которыми я сейчас познакомил вас, являясь фундаментом современной акцентологических исследований. И эти большинство современных работ относятся от работ 30-ых - 40-ых годов, когда в центре исследований

6, славянской акцентологией летало понятие словотных 1 акцентов, или интонаций.

Акцентная парадигма не является открытием последних работ, работы Станка — она появилась значительно раньше. Собственно сама термин был введен де Соссюром. Представление об этих акцентных типах, описанное в работе Бранда "Категории славянской акцентологии", но в дальнейшем исследователем просто как-то ушли от этого понятия, центр интересов сместился в сопоставление рифм разных интонаций словотных и в сущности это понятие было потеряно, и представление о том, что акцентная система праславянского, как и акцентная система славянских потомков была именно система, очень строгая система взаимозависимых единиц, перестало существовать на поверхности этих исследований. Можно сказать, что классическая акцентология проходила под знаком словотных интонаций.

Новое возвращение к акцентной парадигме имело очень большое значение для сравнительной акцентологии. Именно это значение прежде всего потому, что строгое исследование, очень тщательное показало, что в сущности словотные интонации играют в языке подчиненную роль в славянском. Они в большинстве случаев могут быть предсказаны акцентной парадигмой, если мы знаем акцентную парадигму, то мы можем ^{легко} сказать, что в слове руса — ударение не у, в слове баба она акцент, а мне, ~~и~~ допускаю, в Рос по интонации новому акценту.

7. В сущности если мы карисую, какими реконструкцию
прислав. а. п. ^н, по ударам, то для каждой формы
и для каждой а. п. мы совершенно механически
можем приписать от них удары интонации. Это имеет
то значение, что оказывается, что долгое время игнорировав-
шиеся показания акцентированных памятников, которые
в славянских языках очень много и которые начинаются
с 13-14 веков, могут быть использованы в исторической
акцентологии. Они игнорировались главным образом потому,
что там интонация не указывалась, а указывалось
только место ударения. Поэтому исследователи, которые
было интересно в основном изучать расхождения
интонации и их различия, проходили мимо этих
памятников, строили всю систему на основании сравне-
ния современных славянских языков, современ. диалектов,
а французские — на основании сравнения двух языковых
систем — современной русской и современной сербской,
мтокавской системы. Очень в небольшом количестве
привлекались материалы чеховских говоров, потому что
они до сих пор все-таки очень недостаточно
хорошо описанными, очень осторожно привлекались
показания словенского языка, а все остальные слав.
языки просто изучались на основании реконструиро-
ванной уже системы и объяснялись на основании
реконструированной ~~системы~~. Вот не такая недооце-
нока количества данных системы. Так, в сущности ботир-
ское ударение Булаховский было не изучено, а было
просто объяснено, т. е. не мы имеем genuinely
болгарского языка. Объясняется введением из

8. этой реконструированной системы. Там же вводятся
различия западно-славянских долгот и редуцированной
долгот в полновоскресенье. В то же время система
совершенно не учитывает курса междоузлия и в тех
случаях, когда это междоузлие, ~~показано~~ ^{напрямик} ~~показано~~ ^{привлекается} и
привлекается, то все, что относится к тому, что
ожидали получить в результате этой реконструкции,
просто не объясняется или объясняется как внешнее;
для русского языка говорили о болгарских влияниях,
о чернов.-слав. влияниях, болгарских акцентах в
намерениях и т.д., не говоря уже о ю.-славянских
системах, к которым и не приступили.

Возвращаясь опять к проблеме акцентной парадигмы.
Что получится в результате всех изысканий?

В праславянском восстанавливается при акцентных
парадигмах, эти типы, которые я показывал, можно ^{определять} в
общем виде следующим образом.

Акцентная парадигма С — это парадигма, которая складыва-
лась из двух типов поведения акцента: в одних формах
слово ударение падало на окончание, причем первично
по-видимому для конца слова: $\sqrt{\quad}$ \circ $\sqrt{\quad}$
корень тем. окончание.
начало

По-видимому, первый тип словосложения — это ударение на окончании,

Второй тип, который входил в это, — это $\sqrt{\quad}$ + \circ
корень тема

— это начальное ударение. Становится ясно, что эти формы не очень
ясны. Это те формы, в кот. восстанавливается
циркуляционное, циркуляционное и т.д. Во вторичных
— порок. Но очевидно то, что эти словосложения, как

9. удерживалось в начале только в абсолютной позиции:
$\bar{V} + 0$ между какими-то падежами. В тех случаях,
когда впереди стояла проклитика, $\rho \bar{V} + 0$, ударение
падало на эту ρ . В тех случаях, когда здесь стояла
энклитика: $\rho \bar{V} + \alpha \bar{z} \bar{e}$, ударение падало на эту
энклитику. Такие формы я назвал энклитическими.
Надо сказать, что теория славянских энклитических
форм была уже давняя. Впервые предположение об акто-
европейских энклитических в таких формах было выдвинуто
Полубановым в статье о токийском ударении, япон-
ском ударении. В дальнейшем оно было развито
Романом Якобсоном, но он не использовал, конечно, никакого
дополнительного материала и, несмотря на очень слабое
историческое обоснование, он пришел совершенно прави-
льно к моей тогдашней мысли о вводе, но этот вывод скорее
догадка, совершенно интуитивная догадка и ^{с точки} результатов
интуиции, чем результат строгой научной догадки
ср. ~~Вот факты~~ Вот факты — почему возникают
такие правильные решения при совершенно недостаточном материале
— это одна из любопытных загадок науки.

Вторая акц. парадигма выступала в славянском как
акцентный тип, у которого ударение в основном было
на окончании, редко на окончании. В тех случаях,
когда ударение падало на корень, на основе, — то это
результат оттяжки его с редуцированных или
в других, не совсем ясных позициях. Я сказал — на
окончании. Это, может быть, не совсем верно.
Фактически, если присмотреться внимательно, то во всех

10.

этих слов ударение стоит на тематическом гласном. Только в том случае, когда окончание и тематический гласный совпадают, например, мы можем приписать им окончание. А в тех случаях, когда это окончание и тематич. гласный дает редуцированный, то подвижный ударение очень рано было перенесено на предшествующий слог

$$\bar{V} - \acute{o} - V$$

$$\bar{V} - \bar{z}$$

и вот здесь-то и возникает та интонация, которая в славянской называется новый акцент. При этом если этот слог был долгий — то это был новый акцент долготы, а если он был краткий, то это — новый акцент краткости. Это а. п. в.

А. п. а. Для производных слов эта а. п. — с постоянным ударением на корне. При этом это ударение всегда возвращается на акцент:

$$\bar{V} + \circ$$

Оно никогда не меняется, т. е. не передвигается, не другие гласные слова.

Эта а. п. не зависит от каких-то особенностей слова. Они традиционны, они собственно могут каждому слову приписываться. Вот мы восстанавливаем праславянские слова, словарный фонд, но мы должны каждое слово пометить — парадигма а, парадигма в, парадигма с.

Вот традиционность акцентных типов и является первой функцией парадигматического акцента.

Но есть и вторая особенность праславянской и балтославянской

11. Это второй принцип парадигматического акцента.

Если мы рассмотрим все систему производных, то окажется, что в той мере, в какой мы можем реконструировать, все производные, те, которые мы можем реконструировать и рассмотреть, выбираем акцентный тип в зависимости от акцентного типа, а.п. производных. При этом в производных акцентный тип может быть и не соответствовать акцентному типу производных, т.е. какой-нибудь сур.-блэк не имел подбитого типа, т.е. не имел а.п. с, но его акцентовка, акцентовые слова с этим ударением в той мере выбирались в зависимости от акцентовки производного.

Сейчас

Можно продемонстрировать это на ряде слов. Вот так слово dōlga 'долг' это а.п. с.

Т.е. в им.п. здесь реконструируется ударение, т.е. это группа энклитическая. С какой-нибудь согох i :

"

ударение переносилось на это

согох i : i dōlga. Род.п. будет ot dōlga - ударение переносилось на начало. Если мы прибавим слова какой-нибудь энклитическую, например, vo, то ударение в наметочных фиксируется на vo : dōlga vo. Какой-н.

Мног.п. мнот. (в ед. - все формы энклитическая) -

dōlgy с конечным ударением, т.е. во производный а.п., а.п.с.

Что же получается, когда мы обратим от этого слова производное с суффиксом -bñkz. Мы получаем:

dōlznik, dōlznika :

dōlžbñkz.

Без. dōlžbñka

и т.д.

12. Здесь будет dról'niko с новым акцентом голос, т
Gen. dról'nika - а т.д.

А если мы выберем другое произво-
дщее - производящее от а. п. а, то

здесь будет акцентный тип с ударением на конце,
применя с акцентом, наклонными акцентом: родник от
рода.

Мы можем брать слово а. п. в. Здесь более сложное
слоги. Допустим, грѣхъ, грѣхъ, грѣхъ, грѣхъ, грѣхъ
а т.д., т.е. слово с ударением на окончании. Я
Я восстанавливаю здесь новый акцент: родникъ по
этимологическим данным новый акцент.

грѣхъникъ.

От а. п. в. мы получим тип с некоторым ударением,
новонастроенным, т.е. с т. зр. сравнительно акцентуальным
этим тип с ударением, перемещением с эра.

Целевое слово,

при акцентуальном типе -никъ до отмены с эра
было так: грѣхъ-никъ;

от второго типа до отмены с эра было ударение
здесь: грѣхъ-никъ, а

от третьего с - грѣхъ-никъ.

Вот так распределились эти акцентуальные типы - в зависи-
мости от акцентной традиции производящего.

Это так называемый второй класс суджидов.

Первый класс суджидов - это суджиды, в которых
акцентуальный тип [повторяется] повторять полиморфно акценту-
альным производящим.

13. Возьмем пример прилагательного на -ънъ. (-бнъ, I
Какой-н. рп. слова а.п. с. - хотя в земель: земля́,
зе́мля с краткостью, на́ землю, землю́ те́, допущен
с переносом ударения, т.е. форма экинирована.
В савр. русском мы имели земельной, не земельн,
не зе́мельной, а земельнѣй. В др.-рус. памятниках
здесь будет так:

в верхних формах ЗЕМЛАНѢ,
ЗЕМЛАНѦ - т. род
ЗЕМЛАНѦ

Все эти формы не засвидетельствованы, но засвидетель-
ствованы подобию, например, дере́внѣ, дере́внѣ,
лѣ́днѣ и т.д.

Какой-н. слово воронѣ кожа - воронѣн
баритонизированный рп., т.е. тип акцентуат а. а.
Будет: ко́жанѢ, ко́жанѦ, ко́жанѦ. Между др.,
вторичный рп. какой-н. не удовлетворит, можно без
пример от слова медь, которое относилось к
рядовому а, т.е. было непадежным, было
мѣдьнѢ, мѣдьнѦ, мѣдьнѦ.

Или возьмем стекло́: стекля́нѢ, стекля́нѦ,
стекля́нѦ, т.е. ударение всегда не сдвигалось (рп. в).

Т.е. образ, существовало два класса судригнѢ
^{каким из} них можно задать списать. При одних судригнѢ
мы получаем вот такую картину вариантов
акцентов, при других судригнѢ - предпочтительно
картину, т.е. одни суд при одних судригнѢ образ
ваших имели подбитие а.п., и они образовывали

14. от имен а.п. (с), т.е. опер-таки от подвижного
имен, при других условиях а.п. не было, а
имен или конечного ударного типа, или, если ударные
акцентированные, то на ударном слове.
В последнем случае просто тип от а.п. (с) и от
а.п. (с) совпадают, но это совпадение — результат
вторичной нейтрализации.

И вот такая в сущности система проходит
по всей именному словообразованию в той степени,
в какой мы можем реконструировать. Но дело
в том, что в сущности тот же самый тип выбора
а.п. - и в назолонных словообразованиях
мы наблюдаем, т.е. если мы возьмем хотя бы
назоль на -и, производное от имен, то
мы обнаружим тот же самый характер взаимоотношения.
В назолах на -и от имен подвижного а. типа
образовывался также подвижного а. типа:

городъ → городи́ть, городи́шь, городу́

(gōrdjě),

1-мущо — множественно, следовательно при присставке
ударение переходит на присставку: по́городу, разгору́
и т.д., а 2 и 3 мущо будут с конечным ударением

2 л. gordi's'ě

3 л. gordi't'ě

и т.д.

Какой-нибудь суд-суда́ мы обнаруживаем
другой тип: суд-суда́ — парадигма (с)
поэтому и такое здесь парадигма (с)

sɔdʲjɔ'

15.

невозможному, с какою-то далью. Как и
поэтому ^{он} отшатываясь мы еще посмотрим пора,
я сейчас просто даю общую тему, общую харак-
теристику, и не буду затрещивать все эти моменты,

само
самое

Для акцентной парадигмы (а) я, пожалуй, не
подберу сейчас примера, но поверьте мне на слово,
что при акц. парадигме (а) будет акцент на корне:
т.е. $\sqrt{тв}$ и т.д. и при полной акцентуации типа
ста́влю, ста́влюсь и т.д.

Примеч., ^{саму} ~~такого~~ ^{налогичную} ~~сущность~~ ^{сущность},
мы можем рассматривать как какою-то слово-
образовательную сущность, т.е. мы ~~ее~~
возьмем ~~роаеsens~~ как производный, акц. пар-ту
~~роаеsens'a~~ и будем рассматривать все остальные
^{какой-то} формы как производные от нее. И окажется, что акц.
тип ^{таких} производных, т.е. пригласий, аориса, сущес-
ствительн-сущих, все эти формы будут ~~точно~~
подчиняться правилу второго аориса, т.е. их акцен-
товка будет соответствовать акцентуации ~~роаеsens'a~~,
соответствовать, но не повторять ее.

Итак, в той степени, в какой мы можем
реконструировать акц. сущность в именн. и в глагол.,
мы получаем сущность, построенную на двух
принципах: на трех акцентных характеристиках,
т.е. трех а.п.-ках, т.е. вся сущность регулируется
основным правилом, что в непроникновенных именах
и глаголах акц. для каждого слова ^{дается список — он} (задан, он

16. признан, он традиционен, его мы просто установили
поги не можем. Ну, в некоторых случаях мы можем
говорить о каких-то ограничениях, но это тоже традици-
онные ограничения. Вроде, он признан. В то же время
вся система акцентации производных строится в зависи-
мости от произношения гласных и акустическому про-
изношению.

Такая акустическая система, когда она вырисовывалась в
результате исследования, казалась в общем-то уни-
кальной системой. Она характерна для славянского,
она характерна в большей мере для балтийского,
индоевропейского, особенно в его ранних разделах. И даже
можно сказать, что в большей своей части ей
соответствует акцентация Даурии (XVI в.), но для
других и-евр языков она в общем-то не характерна.
Какие-то остаточные явления наблюдаются в древнеиндий-
ском (архаизм в ведийском); Вакернелле. Мало
найденно несколько примеров в греческом (по Тонеру),
какие-то остаточные явления, но в общем-то это не
очень характерно. И в других языках она тоже не очень
проявлялась. Собственно исследование ^{их} акцентации сейчас
находится сейчас на таком уровне, что они просто не
актуальны.

Можно думать, что это-то подобное — в японском.
В последнее время мне, правда, удалось обнаружить совсем
рядом акустическую абхазскую, акцентация которой
строилась ~~по~~ по такому ^{же} принципу, на основании
таких ^{же} ~~ее~~ принципов.

Думаю, что в дальнейшем исследование акцентации

17. систем различных уровней значимости и величины количества типологически сходных систем.

По видимому, то, что я привел, в общем-то верно
показывает, что принципальность языка такой реконструк-
ции. Это не совсем совершенно другое, чем предполагалось
исследованиями и-еб-ахуна в предшествующие времена.
Дело в том, что очень сложно решить вопрос о том, как
можно возмущать язык сидел. Дело в том, что возмущаю-
щие язык сидел, вот таких модифицированных
язык сидел, язык всего сводится к какому-то сегмен-
тному единству. Вообще все происходит с сидел,
по видимому возникали из в результате редукции
каких-то сегментных сидел, каких-то сегментных
единств. Это очень хорошо прослеживается и вводит
в ряд случаев, когда мы имеем дело с тем, что более
просто, то есть в темных случаях возникали в резуль-
тате перераспределения слов-ид сидел и слов-ид
односложных слов.

Вот тайские рюа, по-видимому, несмотря на то, что
эта гипотеза не получила доказательств, может быть,
во многом agrees не с той системой аргументирования,
с которой хотелось бы, возникла в результате исследова-
ния определенных конечных звуков, т. е. система
давала один рюа, X — другой, и т. д. По-видимому,
так же возникали русско-бирманские тона ~~и т. д.~~
~~и т. д.~~ и китайские рюа ~~и т. д.~~ — бирманские и т. д. —

18, меньшие токовые сдвиги. Это есть какой-то сдвигу
единица отпадает, ^и ~~редуцирует~~ ^{зависит} — давая токовым
компенсацию не алог. ^{Тогда же, как} (В одних случаях мы имеем
компенсаторное удлинение, в других случаях мы имеем
компенсаторное токоограничение.

Или есть другой путь формирования. В сущности то же, но несколько другой вариант формирования почтовых сетей - это в случае, когда рт или аав решается связываться со абонентами - психосоматическими индивидами; при пухом слово производится в более высоком режиме, а при хонах - в низком режиме. Тогда эти звонки и гудки нейтрализуются и ^{мы} получаем фоновый речевой фон. Вот приблизительно такая схема того, как возникает при формировании почтовых сетей, фоновый речевой фон суперсегментных сетей.

Когда мы обнаруживаем равновесное ударение, то в белишиице суграев, в тех суграях, когда мы можем проследить его — это результат нейтрелизации каких-то количественных отношений, т. е. мы имеем первую главно ударение фиксированное в зависимости от морфологического состава слова, хотя эти различия в морфологическом составе инвариантны, а ударение обазу не на ^{самом} месте, на котором оно существовало еще в ту эпоху, когда существовали различные долготы.

Есть похожий способ возникновения разнонаправленного физиологического урарения — это когда в ерше существуют поперек два типа песчаных, а один тип — редукцированных песчаных, неоднородные песчаные, а другой тип —

19. - устойчивые гласные, и ударение выбирает позицию
в этом слове, фиксированное на определенном слове
ударение делает поправку на характер гласного —
если при этом стоит ряд редуктированных и
устойчивый гласный, то ударение переходит на устойчивый.
В дальнейшем развитии языка разница между этими
двумя типами звуков стирается и мы получаем морфологически
локализованное ударение, при помощи которого различают
слова, словосоразмер. Таким способом возникают, по-
скольку различия актуальны в языке, — не только
в древних языках, но и в современном русском, например
в морфологическом отношении, так как в

тогда же мы видим, что в языке различия между
словами по месту ударения очень велики. Вот
такие вот различия мы видим. С точки зрения
за звуком. Звук, который не фиксируется, и который
таким образом в фонетическом языке является
примечательным. Но мы знаем, что в современном
русском языке различия между словами, которые
такие же, как различия, но в то же время различия
с помощью ударения, с помощью ударения, с
помощью ударения из языка, как мы знаем и сейчас
— мы знаем, что различия между словами, которые
не фиксируются, но различия между словами, которые
фиксируются, различия между словами, которые
фиксируются от того, что различия между словами,
которые различия между словами, которые различия
между словами, которые различия, и различия. Вот так

2/ must a Reproduction ~~of~~ parent percentage
year. ("Cm. Riparian species" 1975)

2) кратко; новый акцент долгий и новый акцент краткий.

В тех случаях, когда как известно, какое ударение, или даже всего - когда мы не знаем, какой тип ударения, я буду ставить просто вертикальную палочку.

Напомним, что для обозначения словесных акцентов современных славянских языков употребляются следующие обозначения:

- ˘ долгое нисходящее в сербском, и словенском
- ˙ краткое нисходящее
- / долгое восходящее
- ˘˙ краткое восходящее.

В словенском знаках обозначают краткое ударение, которое может быть только конечным, а это - долгое восходящее:

˘˙ / ← долгое восх.
˘˙ ← краткое
↑
долгое нисходящее

Теперь, в тех случаях хорватских диалектов употребляются следующие знаки знамен (здесь имел в виду загребский и нотавацкий):

˘˙ / ← долгое восходящее, но
имеет иное значение:
это ударение в загребском
обычно падает на гол
месе, где мы реконструируем
новый акцент.

Для нотавацкого и в работах по ~~э~~ всем хорватским диалектам вместо / употребляется ~.

3) В примерах у палингнинов (сербского, балг. и др. гр.)
будут встретаться следующие значения:
/ акут, или окцид
\ гравис, или в́арис
^ кáмора

Окцид в основном употребляется в середине слова.
Варис употребляется, как правило, в конце слова.
Камора употребляется самыми различными образами.
Они обозначают просто утверждение и не имеют других
значений. Они заимствованы из византизма, из греческого
и различные писцовые школы по-разному передавали их
разные значения. Иногда это даже селективное значение
или такая несколько сдвинутая сфера, в которой варис
может быть и в середине слова, но в том случае, если
слова, на которых она стоит, имеют значение уменьшитель-
ноуменьшитель, уменьшитель и т.д.

Интерес и более сложная сфера. Особенно вот этот
камора заключается в том, что она, как правило, появляется
в закрытом слове. В открытом слове писцы избегают
соавта камору, т.е. стритуса в это время очень редко
появляется вот в такой виде (в закрытых словах
употребляются стритуса) и легко смешиваются, но
каждо сказано, что ^{зная} стритуса и окцид ^{уже в 15 веке} в ряде писцовых
школ просто сливаются в единый знак и пишется
или $\pi \rightarrow \nu$ или λ или ι (перевернутое
камора, как, равняется, следовательно, сочетанию двух
значений. [Стритус имел то значение, что обозначает
непрямой слог. Для писцов, кроме того, это имел и
более глубокое значение: все буквы были женскими и мужскими]

4)

соединял был мужскими, а маске — женскими.
 Пособию женские хорошо появлялись без мужских,
 без полного убора, ее нужно прикрывать.

В ряде древнерусских, точнее средневековых
 памятников появляются случаи, в которых канона
 выступают в духе оборачивания закрытой подударного б
 в словах типа воля, комя и т.д. Эти памятники
 были изданы в свое время Васильевым. Это следы отмены.

Наконец, в наших сравнениях был древнерусский язык
 из работ Юрия Кимжатица, который дал очень много
 случаев оборачивания и коимедв, о которых часто говорят,
 что они выражающие и интонации, сиювие тоны. Рядом
 с тем такое утверждение не основано, потому что
 собственно различные слоготы интонации в его оборачивании,
 не выражены. Он обозначает акцент — краткое ударе-
 ние, краткий ударный слог, ^ — долгий уд. слог,
 — — безударный, которая в его диалекте всегда предудар-
 ная, долготу и, кроме того, он употребляет древне-
 который в его обозначениях, в обозначениях человека, хорошо
 знающего классическую филологию того времени, в сущности
 означал безударность. Это представляется собой то (X)
 значок, не совсем ясно. С одной стороны, он ставит его
 всегда на конце и всегда не после акцента, т.е. один и
 те же слова могут быть оборачиваны как с акцентным ударе-
 нием, так и с таким (X). Приведу по рассказу канона,
 что это появляется в конце фразы, причем не возмущаю-
 щий. Значит ли, что в его диалекте уже какой-то
 редкий ударный, и слова появляются равноударные
 это — это не очень ясно. В "Грамматике" сего.

5) ствует следующий прием (у него) обозначения; акцент^н
 он обозначает относительные слова, кот. в двусложных и
 многосложных формах не имеют ^{нигде} ударения, ударение
 остается на корне, а вависом он обозначает слова
 в односложной форме, которые в двусложной или
 многосложной форме ~~нигде~~ ^{в других падежах} переносят ударение на
 окончание.

Ну вот, собственно, когда повидимому все о знаках
 и обозначениях ударения, Кроме того, как известно, существуют
 случаи обозначения долгих, которых в гетском
 обозначают акцент^н. Это с тем, чтоб не возникало
 путаницы,

Акцентная парадигма (a)

ā - основы

Sg.	Nom.	* līra	
	Gen.	* līrū	(я бы реконструировал здесь долготу.)
	Dat.	* līrē	Я реконструировал праславянский
	Acc.	* līrō	того периода, когда акцентные основания сохранились
	Instr.	* līrōje	Здесь есть основания для реконструкции долготы - это сербохорватские языки)
	Loc.	* līrē	
	Voc.	* līro	

Dualis

Nom-Acc	* līrē
Gen-Loc	* līrū (и dualis)
Dat-Instr.	* līramā

Pl.	* līru
Gen.	* līrō
Dat.	* līramō
Acc.	* līru
Instr.	* līramī
Loc.	* līramō

(Здесь мы встречаемся
с одним непосредственным
контрастом: в показавшем
такой контраст ~ и он
будет обозначен у нас
новым знаменем.

Можно было бы предложить
и вот такую дикую реконструк-
цию: долгий - ē. Новый
знаменем обозначается всегда
перед долгим: * līrē.
В тех формах, где сохранился долгота
в шведском, не происходит перехода
или даже в новый знак. Там же →

она исходит, как правило, повсюду новой цифрой.
Это описывает условия реконструкции. Пусть для z_0 , z_0 по-прежнему,
 z_0 здесь z_0 не так, если z_0 странное.
Здесь мы имеем более того странное происхождение z — из
долгого)

ŏ-основн masculinum

Sg.	N *rākz	PL N rāci	Du.
G.	*rāka	G. rākz // rākz	N-A rāka
D.	*rāku	D. rākomb	G-Loc rāku
A.	*rākz(-a)	A. rāky	Dat.-Instr. rākoma
Instr.	*rākomb	Instr. rākū	
Loc.	*rācē	Loc. rācēxz	
Voc.	*rācē		

Тогда мы будем заниматься а. н. (а), все будет постепенно переходить.

Мы потом подробно рассмотрим все эти вопросы постепенно, а пока придется привыкнуть к этому.

ŏ-основн среднго рода

Sg.	N dělo	PL N dělā	Du.
G.	děla	G. dělō / dělō	N-A dělē
D.	dělu	D. dělomr	G-L dělā
A.	dělo	A. dělā	D-Instr děloma
I.	dělomr	I. dělū	
L.	dělē	L. dělēxz	

Далее ŏ-основ^{ные} не известно ни одного ^{слова} а. н. (а), поэтому мы пропустили их.

<u>Sg</u>	<u>N</u>	<u>nīto</u>	<u>Pl</u>	<u>nīti</u>	<u>Du</u>	
	G	nīti	G	nītoje	N-A	nīti
	D	nīti	D	nītomv	G-L	nītoj'ā'
	A	nīto	A	nīti	D-I	nītoma
	I	nītoje	I	nītomi		
	L	nīti	L	nītoxr		

Здесь 2 слова из непроизводных довольно хорошо показывают остатки а. н. (а). Это кнѣзь и лицинь.

Как видите, характерная черта этой а. н. для всех ее алуэтичных кривых — неподвижное ударение на корневом слове — для непроизводных, ну, а для производных — для ударение может быть и на корне, и на суффиксе. Но мы рассматриваем непроизводные члены, которые алуэ. кривые здесь совершенно не разлагаются. Ударение неподвижное. В болонинском случае — это алуэ. Единств., исключение, вернее два исключения — мы их коснемся позже сравнительно, после доказательства этой реконструкции. Сейчас можно равно сказать, что к ним относятся для основ на ā там вѣнѣ, кѣнѣ (не алуэ, а какое-то ударение), кѣнѣ, золѣ, т. е. подтвержденные основы с неподвижным ударением.

	Русский	С-х (шрок.)	Чаканск.	Словенск.	См. на обороте
<u>Sg</u> N	лѣна, короѣ	лѣна краѣа	kräva	kräva	lira
G	лѣнѣ, короѣн	лѣнѣ ① краѣѣ	krävē	kräve	lire
D	лѣнѣ, короѣ	лѣнѣ краѣви	krävi	liri	krävi
A	лѣну, короѣу	лѣну краѣву	krävni	lipo	krävo
I	лѣноу, короѣов	лѣнѣ краѣвѣ	krävān	lipo ②	krävo
L	о лѣнѣ, о короѣе	лѣнѣ краѣви	krävi	liri	krävi
<u>Pl</u> N	лѣно, короѣн	лѣнѣ краѣѣ	krävz	lire	kräve
G	лѣнѣ, короѣн	лѣнѣ ③ краѣа	kräv	lir	kräv
D	лѣнѣм, короѣам	(лѣнама) (краѣама) [форма не ископана]	krävān ④	liram	krävam
A	лѣнѣм, (короѣ)	лѣнѣ краѣѣ	kräve	lire	kräve
I	лѣнѣм, короѣам	(лѣнѣма, краѣама)	krävami	lirami	krävami
L	о лѣнѣх, короѣах	(лѣнама) ⑤ (краѣама)	krävah	lirah	krävah

→ конечная долгая гласная и ударение как - ново-
акт (по рефлексам). И к неподвижному ритму относятся также
многочисленные слова с присавками. Большинство из них - зр.
о-основа с присавками: типа закон, закона, поход-похода
завод-завода, ^{и т.д.} но с ними водят еще более сложные,
покажи, как с типом вождь. Вполне вероятно, что они
все вторичны, т.е. происхождение этого типа относится уже к
познеславянскому периоду, а может быть, он возник в отде-
льных славянских языках, [там может быть и краковичин
писан. Среди всего здесь воссоединяются новый акт
краковичин].

Посмотрим, как это отражается в современных
славянских языках.

а-основа.

Здесь мы ограничимся [русским], украинским сербохорватским
и чехословацким и словенским.

- ① Обращаю внимание на долгую раз. ледя, ^[ед.з.] долгую шиву-
су со времен Вавилу пытаюсь объяснить ее восточным
отходившим средствами, путем допущения здесь какой-нибудь
внутренней формы прилагательного. Но по-видимому особых осно-
ваний здесь нет, и мы вынуждены принять, что это оконча-
ние раз. ледяе йотированных основ, которое распространи-
лось здесь вместо y , содержащее в себе ^{в себе} старую не сохранившуюся
из праиндоевропейскую долгую.
- ② Вот что получается перед этим отмеченным в словенском:
долгое нисходящее, т.е. мы наблюдаем тут же сильней-
шее развитие нового направления за счет индивидуации вот
этого вот долготы. По-видимому. Во всяком случае, как только
мы будем находить здесь или здесь долготу, а здесь
различие акцента в ижонявском и галавском, то в словенском
мы будем находить вот такое перерождение интонации. Когда
мы вернемся к еще очень многим случаям такого своего-
го.
- ③ Долгое нисходящее. Три тона и сохранение долготы.
- ④ Долгая здесь предупреждает, что эта долгота — чисто
галавская. Она появляется в закрытых неактивных созвучиях
словах, при впадении ея, всегда. Это сакральнейший
процесс.
- ⑤ Тоном Dat - Inst - Loc по происхождению из
Dat - Inst глотательного гласа.

Здесь мы в основном увидели рефлекс по трем, или четырем вариантам для основ на -а. Но эти рефлексы совершенно не являются исключительными, потому что я уже сказал, что существует вторичный тип - котированный. Рассмотрим его. Тип воля. * võlja.

Русск. воля,
(новый
акцент
краткого)

диал. вѡля, др.-рус. вѡла

В старорусских текстах, исследованных Васильевым, это слово пишется с каминой. Также другие приводят Васильевым на стр. 62

Сербско-хорв.
(шток.)

вова

, краткое нисходящее,

но не переходящее на предлог, т.е. ударение переходит на предлог но уже в виде

восходящего. Напр., в вѣн. ред.

нѣволя ударение перенесется

на предлог, но уже как восходящее

это просто шtokавская рефракция, а не перенос с дореф. энклитикой

Татарское

võfa

Словенское

võlja

Закрывающее о. В тех случаях, когда на нем уже было ударение типа нового акцента. В тех случаях, когда это вторичный перенос ударения, по этой закрывающей пер. так это здесь по этому закрывающему характеру о мы видим, что этот элемент является рефлексом нового акцента.

В словенском, камибуском - võla

↑
каме-р
закрывающее о.

Кружок над а - это рефлекс долготы а. Как раз в словен. основ, где сохраняются такие рефлекс, осталось немного.

10) Древнепольское wola (так же будет в малопольских диалектах). II

В чешском сохраняется vůle

Можно привести еще несколько примеров.

* koža (^{скорее всего из} < kōzja)

Рус. кожа, диал. кōма, в др-рус (среднерус. 16-17 в.)

— кōжею

Сербохорв. шкокевское кōма

Словенское kōža

Чешское kůže

* vōnja (заим). Пример интересной реч. зр. от имени др-рус сохранился.

др-рус. вōнѣ, повидимому, и еще один его вариант, но это не единственное выражение, об этом в потом слышу.

сербское вōня. И имеется у кареджича другое — вōня, т. е. как будто происходящее с коша,

Словенск. vōnja

др-польск. wonia

чешск. vůně (то же в словацком) но реч. очень умеренно резнее.

Может быть, еще можно с польскими диалектами дать примеры.

* gōrdja (загородия, сгорю. мажурал, пилотик)

Русск. горōма

Серб. грађа (горное кустов.)

Словен. grāja

Польское диал. малопольское grōża

↑
то же самое

Может быть, можно тоже привести сторона.

* storžja

Русск. сторо́ня, сербохорв. шток. стра́жа,
чак. stráža

др.-польск. stróža

Можно привести еще целый ряд примеров. К ним относятся такие слова, как но́ня, во́ня, ло́ня, тья́ня (с-х те́ня), су́ня, гу́ня, ку́ня, ко́ня, ста́ня (по́ня), ку́, и даже русск. ро́ня, те́ня. Можно довольно много набрать таких слов. Здесь бывают и длинные, и короткие, причем эти длинные могут относиться и к словам [а, н, ©], т. е. иметь ро, го мы не знаем упрямо-древесно, и в этом случае они дают редукцию нового акцента, труднее обстоят дело ... В тех [словах] которые я перечислил, — везде редукция нового акцента. Ку, например, если мы возьмем слово ту́ня, то здесь редукция будет иного рода. Они, правда, очень сильно разовьются под влиянием ... и здесь мы ожидаем редукцию нового упрямо-древесно, потому что здесь акцент в самом корне, ср. танка́я, мюво́ня — ба́но-сява́, а́ня. И этот акцент здесь передается в новоупрямо-древесную интонацию, и это действительно видно по ряду по редукции ряда етнов, каяр, по полосу акцента, уже будет не ъ, а ѝ: те́ся.

Теперь — как возник этот неподвижный ритм?

На прошлой неделе мы говорили, что новый акцент — это результат отпадения ударения с предшествующего слова.
последующего

12)

II

Вот этот тип всегда был и остается до сих пор
 весьма сложным для объяснения. Дело в том, что Ван Вейн
 в свое время попытке объяснить новый акцент путем
 простого перемещения слога из баритонированного ряда:
 т.е. $vól/ja \rightarrow vó/la$, что было какое-то кратчайшее
 ударение. Но это объяснение никак не согласуется со
 всеми современными представлениями о сдвиге акцента
 парадигм. Стало очевидно другое предположение. Он
 считал, что тип $vólja$ возник из типа $vól/ja$
 с ударением на v , и сдвигение его приводило к
 долготной конечности, которую мог наблюдать в лехи-ском,
 и преобразование ударения на предшествующий слог:
 $\rightarrow vól/jā$. [Действительно, когда j или v ослабевает, то
 ударение переходит на предшествующий слог].
 Здесь возникает другой вопрос. Ведь левый тип словооб-
 разования в общеславянском. И в этом ряде, действительно,
 произошел перебор ударения на предшествующий слог, но
 erb -ро остался. Почему он сохранился в отдельных
 славянских языках, но не везде и когда их. А этот
 тип мог возникнуть всегда раньше, без всякого erb .
 Так что проблема в общеславянском сложна. Сложность
 заключается еще и в другом: дело в том, что если мы
 невольно расширяем материал и хотим от него непосред-
 ственных примеров литературных языков и церковно-слав-
 янских, то окажется, что этот тип не такой уж универ-
 сальный. Из слов, которые я приводил, мы уже встречаем в
 сербском слово $vója$ ^{слова о. 42.} Дело в том, и в Юдоском
 Новом Завете в греческом языке мы встречаем и $vónto$ - вин. п.
 и винит. м. - $vónto$

II

(13) И имен. п. ВОЛА 117' (употреблено дважды),
Большое тоу, глубоко употреблено и слово волѣ,
т. е. и ВОЛА, и ВОЛА, кричит ВОЛА даже чаще,
Очень заманчиво сюда же отнести и редкое, третьего
слова в Чудовская Н. З. это стража — Им., хотя он
употребляется в церк.-слав. писаниях, но ударение в
таких случаях может быть искомым. Асс. — СТРАЖЮ (дважды)
и СТРАЖЮ с вариет употреблен 4 раза. И Лог.
о стражи 1 раз. (рожа — знак старости).
Вот. В то же время так же встречаются редкие
с конечным ударением у слов куня, кадѣна, мама,
кремь, рука, буря (но рука, буря — это акцент скорее всего),
пища и т. д. Как же объяснить это? Как войти из
положения — почему здесь такие редкие редкости? Они
встречаются и в других памятниках письменности. Они
отмечены и в монографиях Колесова, и в монографиях
Смирнова по украинскому ударению. Думаю, что
нужно исходить, так же как Станко исходит, из
этой долгой конечной, но Станко не свертывает в кено-
средственно возникновение этого типа с долгой.
Он считает это результатом одного и того же процесса —
сжатия ера и окончаний. Я думаю, что уже тогда, когда
возникла эта долгота (не важно, каким способом она
возникла), после возникновения этой долгой произошли
или происходили процессы возникновения данного ак-
цента. И возник он скорее всего под действием того
фактора, который я называю законом Крижанича.
И с этим законом мы будем встречаться дальше при
рассмотрении акц. парадигмы. Пока я только скажу, что

14) по-видимому, уже не ^{поздней} ~~ранней~~ стадии приславского ^{II}
или не ранней стадии развития всех славянских языков
существовал закон, по которому какое-то ударение,
какое не было, которое было не долготным слогом,
переходило на предшествующий слог, если он был
долгим: $-\underline{1} > \underline{1}-$. Конечно, какой ритм ударе-
ния был там. Вот по-видимому ударение во время этой
ситуации привело по крайней мере к возникновению
Байбининского слова с долгим шестым предшествующим
этим акцентным ритмом. Эту ситуацию ситуацию можно
в каком-то смысле объяснить законами Кривякина, я не
~~хочу~~ ~~идти~~ а пойти вправо. Я не хочу здесь
настаивать, это же решение [что есть слова с шестым],

но это определенный морфологический ритм, и
после того, как возникала ^к такая ситуация, этот ритм начал
обращаться, распространяться. Поэтому во кратких словах
очень сильно колеблется (ср. волъ, волъ'), а долготные
каждо больше сокращаются. Но не эта объяснение я не
настаиваю, я только пытаюсь не возмущаться этим
объяснением. [Долгота конечного а — вероятно, явление
очень раннего времени. Важно лишь, что здесь конечная
долгота]

Нужно сделать уточнение к тому, о чем говорилось в прошлый раз. Я говорил, что рп и vol'ja может быть объяснен несколькими способами. Среди них можно назвать следующие: (1) предположение Ван-Вейки, что бароншировский рп со сдвигом логоса в при отпадении ударения сдвигается (vol'ja > vo/l'a), и получается новый акцент. Это предположение, по-видимому, должно быть отвергнуто с точки зрения современных представлений о славянских акцентных парадигмах. (2) другое предположение в том же роде предложено Вайном. Он обращает внимание на то, что большое количество слов этого ряда являются производными от глаголов акцентной парадигмы в и (т.е. сохраняют) акцентацию этих глаголов. Но дело в том, что здесь надеются и такие слова, как sh'ja, которые связаны с прилагательными и никак не могут быть сопоставлены с глаголами. Затем (3) для предположения, которое сделал Станг. Об этом я говорил: бароншировский рп мог иметь ударение, с б перенос на о, и затем происходило сужение — vol'ja > vol'jad > vo/l'a. Но дело в том, что рп с переносом ударения с б сохраняется несущественным, поэтому сам Станг с сомнением рассматривает этот пример. Второе объяснение Станга, о котором я не упомянул (сознательно), — это объяснение по закону Станга. Это объяснение строится не по закону Станга, но Станг этот закон существовал, но только в концепции Станга он приобрел очень важное значение. Это очень извилистое объяснение. Сам закон Станга

объясняет лишь многие явления внутри системы праславянской акцентовки, но до сих пор, пока мы ограничиваемся непроницаемой областью — непроницаемых имен и непроницаемых глаголов. Вот тут этот узел слов объяснения Станга сплелся на следующем предположении:

volja > volja. Это циркулярное никак не связывается с циркулярным в форме есслиомля. Это просто какой-то тип несдвинутого долготного ударения, который возник на праславянском уровне. И вот Станг выдвигает предположение о следующем процессе.

любой внутренний циркулярный акцент или в какой-то период переходил с конечного циркулярного нированного или с внутреннего циркулярного нированного слова на предшествующий, при этом давал новый акцент: volja.

Эта закономерность имеет большое значение для объяснения системы акцентных парадигм в языке. Предполагается, что posiśb переходило в posiśb. Тут этот узел основательно объяснение

напоминается на написание в славянских языках и древнерусских памятниках вариантов с конечной акцентовкой, а у крайних имен, т. е. я приводил уже volj — volj, volj — volj, volj и даже volj. Написание этих вариантов как будто может свидетельствовать о том, что в данной группе основ действовало несколько иное правило: ударение переносилось лишь в том случае, если предшествующий слог был долгим. Это объяснение я называю законом Кривжанина, поскольку версия Кривжанина сократилась

CVSjā

[...]. Это объяснение я называю законом Кривжанина, поскольку версия Кривжанина сократилась

③

сам Крижанов замечая её в своё время и называя
"мелкой завякалов". Эта закономерность такого рода,
что очень многие явления в мелочном языке могут
быть объяснены из такого процесса, процессом переноса
с ударения с одного слова, по-видимому, ударно-
фрикаторованного, с какого-то исходного ударения,
на представляющие слов отдай, хотя в некоторых
случаях полного объяснения получить не удается. В
таком случае мы будем сталкиваться с возможност-
ми применения закона Сванна и закона Крижанова,
в акцентном парадигме в и затем в акцентном
парадигме в иголов.

Мы рассмотрим соответственно акцентный парадиг-
мы а по основным языкам: русский, сербохорват-
ский, словенский, чехословацкий. Но кроме того следовало бы
привести еще 2 группы фактов: финноугорские факты,
которые сохраняли эту акцентную парадигму в том же
виде, и среднеболгарские (собр. болг. не дает возможности
проследить движение акцентных слов и акцент парадигмы,
среднеболг. текст сохранил еще склонение и
акцентное ритм). Эта парадигма а ~~наблюдается~~
довольно просто, прикладывая, но следовало бы заметить,
основное правило. Нужно указать, что в текстах
мы, конечно, не имеем полной парадигмы, потому
приходится брать несколько слов.

Пудовский Колон Забс, XIV в.

И. вѣра кнѣга птѣца сѣла слава[±]

Д. вѣрѣ, пти́цы, си́лѣ, сла́вѣ
(по) мѣрѣ

В. вѣроу, рѣзоу, си́лоу, сла́воу
мѣроу

Т. вѣрою, рѣзою, си́лою, сла́вою
мѣрою

М. вѣрѣ, рѣзѣ, си́лѣ, сла́вѣ [· spiritus]

Множ. число

И. кни́гы, пти́ца, рѣ́зы, си́лы

Р. пти́ць

Д. рѣ́замъ, си́ламъ

В. кни́гы, пти́ца, ра́ны, рѣ́зы, рѣ́бы, си́лы

Т. мѣ́рами, ра́нами, рѣ́зами

М. в кни́гахъ о си́лахъ

Среднеболгарские послы

Полъ находится 2 группы послъ.

Пирновская группа

И. си́ла, сла́ва

Р. вѣ́ры, мѣ́ры, рѣ́зы, рѣ́бы, си́лы, сла́вы

Д. рѣ́зѣ, си́лѣ, сла́вѣ

В. вѣ́рѣ, кни́гѣ, ра́нѣ, рѣ́зѣ, си́лѣ, сла́вѣ

Т. си́лохъ, сла́вохъ, вѣ́рохъ

М. въ вѣ́рѣ, въ си́лѣ, въ сла́вѣ

Зв. си́ло

Множ. число

- И. кнѣги птѣца рѣзы сѣлы
 Р. рѣбѣ сѣлѣ (вариант: сѣлѣ)
 Я. птѣцѣмъ рѣзамъ рѣбѣмъ сѣламъ
 В. мѣры на птѣца рѣны рѣзы сѣлы
 Т. кнѣгами сѣлами
 М. въ кнѣгахъ рѣзахъ сѣлахъ

Кирилловская группа

В сущности нигде, кроме орфографии, не отличается
 акцентировка в группе лексем, приписываемых кириллице.
 Кириллице.

- И. вѣра птѣца рѣза сѣла сѣлава
 Р. птѣца сѣлѣ сѣлѣ
 Я. сѣлѣ сѣлѣ
 В. рѣзѣ сѣлѣ сѣлѣ
 Т. рѣзоѣ сѣлоѣ сѣлоѣ
 М. въ рѣзѣ въ сѣлѣ въ сѣлѣ

(ѣ - еротовое хар
 перко).

Множ. число

- И. птѣца рѣны сѣлѣ
 Р. птѣцѣ рѣнѣ рѣзѣ сѣлѣ
 Я. рѣнамъ сѣламъ
 В. сѣлѣ
 Т. рѣнами рѣзами
 М. о рѣнахъ въ рѣзахъ въ сѣлахъ въ сѣлахъ

М. рѣбах

Зв. форма : рѣби

Чтобы завершить обзор рефлексов аццанской гласной а в слав. языках, рассмотрим рефлекс а в словинском (кашубский словинский диалект):

Ц. rãvā (очень сложная фонетическая транскрипция Лоренца)

Р. rãvā

Д. rãvjā

В. rãva

Т. rãvōu (· = знак неслоговости)

М. rãvjā

Множ. число

Ц. rãvā

Р. rãv (это рефлекс днго, но это не связано со старыми консонантами от коме и у, это результат того, что ва падает в и слог закрывается звонком).

и варианты, вторичные:

rãvōu

Д. rãvōum

В.=Ц. rãvā

Т. rãvamī (без смещения, индогерманское о ва и и Т. п. множ. числа лужск. рода на у)

есть и варианты еще богатого ва и и:

rãvī

II Это важно важные окончания идеи богатого значения и в южнославянской область, не должна отню окончания

⑥

Н. Кражанг в своей грамматической сочинении
дает следующую акцентную систему (гакатсь - как-либо
диалект XVII в.):

И. рѣба (этот знак обозначает краткостное ударение)

Р. рѣби - (при этом указ, что хорватск и все задужайто "по

Д. рѣбѣ (при этом указ, что хорватск и все задужайто "по
мислѣ на е", так что по его диалекту эти формы
можно реконструировать *рѣве и т.д. Дело в том,
что Кражанг писал грамматику общеславянскую,
потому он пытался давать те формы, которые
он считал необходимыми для того интерпретиро-
вать, который он предлагал в качестве рекон-
струкции славян языка. Поэтому в морфологичес-
кой части он берет много окочалых русских, и др.
а славян ударение своего диалекта. Поэтому
такие формы не должны существовать).

В. рѣбѣ

Т. рѣбоу - (при этом он отмечает, что по-хорватски
идет не от, приводит другие слова: дрѣп,
и еще отмечает, что сокращенно произносятся
на у. Так что можно реконструировать
*рѣви, так как конечных ударных должно у
Кражанга не, но и должно быть
краткое. Он не приводит примера, не акцен-
тную парадигму а, только в и е, как
должна наблюдаться).

М. рѣбѣ - (отмечает, что по-хорватски не и, при э
в другом месте грамматики есть след, при
при рѣби)

Зв. форма рѣбо

Множ. число

И. рѣби

Р. рѣб

(это просто долгое ударение, характер его как
нелест. Так обозначается и не ударение, где и
бываются рефлексы долгого акула, ното, так
и, где циркулирует, и ното циркулирует.
В данном случае это рефлексы ноты циркули-
рует)

Д. рѣбамъ

В. рѣби

М. гāвāх

Достоенно не будет ника рассла. релакс.

Перейдем к рассмотрению различий в о-основах мужск. рода.

<u>Русский</u>	<u>Сербохорв.</u> <u>шtokавск.</u>	<u>хѣр</u> <u>Чак.-Каик.</u> <u>(крижанск.)</u>	<u>сѣв.-</u> <u>чакатск.</u> <u>(Нови)</u>	<u>Словенск.</u>
И. рāк	рāк	брāт	čās	чāк (краткое)
Р. рāка	рāка	брāта	čāsa	чāка (длинное)
Д. рāку	рāку	брāтѣ	čāsu	чāка
В. рāка	рāке	брāта	čās	чāка
Т. рāком	рāком	брāтом	čāsōn	чāком
М. о рāке	о рāку (Вторая форма, из и-основ)	брāтѣ	čāsi	чāки (Вторая форма с рефлексом <u>новго</u> <u>закрѣпленна</u> ; это М. п. <u>полнѣе</u> и-основ имею <u>подданно</u> <u>долготу</u> ; в рез-те акута → <u>новго</u> <u>через</u> <u>флекс</u> <u>ж</u> Во <u>множ.</u> <u>числе</u> <u>им.</u> <u>творится</u> с <u>расто</u> <u>роста</u> <u>рефлексом</u> <u>уже</u> <u>в</u> <u>перестроенных</u> <u>формах</u>

Множ. число

И. рāки	рāки	брāти	čāsi	чāки
Р. рāков (из и-основ)	рāкa (новго-закрѣпленна, ожидаемо)	брāтов (перестроенна ожидаемо)	čās	чāков (перестроенна) <u>длина</u> <u>по</u> <u>имею</u> <u>рефлекс</u> <u>н.ж</u>
Д. рāкам (из а-основ)	рāкима	брāтом	čāsōn (с удлинением характерно для закрѣпленна <u>слова</u> <u>слова</u> <u>то</u> ; это удлинение <u>вторично</u>)	чāком
В. рāки	рāке	брāти	čāsi	чāке
Т. рāками	рāкима	брāтми (новго) <u>ф.</u> <u>и-осн</u>	čāsi	чāкi

Вот слогные: čäsih — здесь отражается эта долгота. ⑨

П. М. Николаева: Она даже рефлексы в виде перемены ударения?

В. А. Дубо: Да, рефлексы ударения. Вот в данном слове (čäsi) мы не имеем в чукотском рефлекса долготы, в окрестном слове гаш, как правило, не отражается. Но мы можем найти ряд чук диалектов, где сохраняется это и долгое.

П. М. Николаева: По-своему пониманию: слово — как бы констатируется, если в данном месте ударяется, в чукотском прибавляется?

В. А. Дубо: Ну да. Переброс дифференциального признака. Тут гаш — долгота, долгота исчезает, получается чаш — чаш — чаш.

П. М. Николаева: Выходит, чукотские долгие акценты?

В. А. Дубо: Может быть. А может, это позднее просто происходит.

М. аѣтъ о брѣтѣ по хлѣбѣ в ѡзвѣцѣ (иже)

(2)

Зв. форма брѣте

Множ. число

И. хлѣби ѡзвѣци

Р. вѣтрѣ ѡзвѣкѣ

Д. брѣтомѣ вѣтромѣ ѡзвѣкомѣ

В. недѣги хлѣбѣи ѡзвѣки (и: -кѣи)

Т. со хлѣбѣи ѡзвѣкѣи с ѡроудѣи ѡбрѣки

Зв. форма = И. : ѡзвѣци

ѣи - исключительное явление в русской письменности до XV в.

М. вѣ ѡзвѣцѣхѣ

Пирновская группа (Среднебол. период XIII - XIV вв.)

И. и аѣтъ (я даю с союзом и, потому что это важно. В это время
уже парадигма с в. И. п. переход ударения на союз и:
и мир, и землю...)

хлѣбѣ

ѡзвѣкѣ

Ка конде в зависимости от орфографической традиции
регулярно пишется го в, но в. А иногда - нерегулярно,
в данном случае - нерегулярно.

Р. аѣда же (я даю с захрицей: это служебное слово поном)
брѣта и краѣ недѣга раѣа хлѣба

Д. брѣтѣ вѣтроу кѣ плачу чѣсѣ ѡзвѣкѣ

В. вѣ аѣдѣ брѣта недѣгѣ плачь хлѣбѣ вѣ чѣсѣ ѡзвѣкѣ

Т. сз брѣтомѣ вѣтромѣ недѣгѣи и плачемѣ ѡзвѣкомѣ

Т. НЕДѢГОМЪ ПЛАЧЕМЪ РЪЗВІКОМЪ

Зв. БРАТЕ Ѡ ИНОЧЕ

(Общая примечание на это написание.

В парадигме а это Ѡ не получает на себя ударение; ср. Ѡ роде (в 19-ом в.), ударение Ѡ).

Множ. число

И. ИНОЦИ РЪЗВІЦИ

Р. Ѡ ИНОКЪ Ѡ РЪЗВІКЪ

Д. ИНОКѠМЪ РЪЗВІКѠМЪ

В. ЧАСЫ НА РЪЗВІКЫ

Т. не заставляются от двух слов

М. ВЪ ИНОЦѢХЪ НЕДѢСѢХЪ НЕ Ѡ РЪЗВІЦѢХЪ

Зв. Ѡ ИНОЦИ

Эту же парадигму мы можем проследить и в

Словинском: (транскрипция Лоренца)
~ означает короткое ударение

Ед. И. brāt

Р. brātā

Д. brātāi

В. brātā

Т. brātā,

Мн. Им. ~~ва~~ brācā', вариант: brātā'

И есть вариант. brācā с а-оубленными.
Последний вариант — это 'братъ' (ср. значение)

Род. brātōц, ср. хлѣбъ и вариант с -роц

Дат. brātōum

Вин. brātōum

Тв. brāti' ← наиб. старая форма с
долготой и рефлексом у
brātmi' ← (а краткий рефлекс — ä)
brātami' ← тот же долготный рефлекс, но в виде
концов, первого варианта.

Три варианта творит. п.

М. brācēх и brātāх

Перейдем к основам среднего рода а.п. (а).

В русском много из этих основ перешли в подвиж-
ной тип, ср. дѣло-дѣлѣ, лѣто-летѣ и т.д.

Русск.	Серб. шок.	Крымск.	ракав.	словенский
Им. гáдо дѣло	мѣсто	Лúто	ràlo	lěto ①
Род. гáда дѣла	мѣста	Лúта	ràlo	lěta
Дат. гáду дѣлу	мѣсту	Лúтѣ	ràlu	lětu
Вин. = Им.				
Тв. гáром дѣлом	мѣстом	Лúмом	ràlōn ②	lětom
М. о гáде о дѣле	мѣсту (оторванное)	Лúмѣ ③	ràli	lěti

① с восходящим долгим

② с долготой — это, как мы уже говорили, — вторичная
долгота, как в словах...

(Мн.)

Им.	та́да ⁴ (де́ла)	ме́ста	лу́та	ра́ла	ле́та ⁵
Роч.	та́д де́л	ме́ста	лу́т ⁶	ра́л ⁷	ле́т ⁷
Дат.	та́да ⁸ (де́лах)	(ме́стами)	лу́том ⁹	ра́том ¹⁰	ле́том ¹¹
Вин.	= Им.				ле́та
Тв.	та́дам (де́лам)	(ме́стами)	лу́ти ¹²	ра́ли ¹³	ле́ти ¹⁴
М.	о та́дах (о де́лах)	(ме́стами)	лу́тѣх	ра́лих	ле́тих

(12) Теме отсутствует ударение, но засвидетельствовано другими текстами. Ср. пѣто — пѣтми, бѣдо — бѣрми

(13) В Нови сохранилась старая форма с редуцированной акуловой и

(14) С новыми фиксациями; (старая форма оборот. лезла — форма пр. первоначалом, потому здесь долготы. Долгота фиксируется другими диалектами. Там же здесь она короче

(4) В памятниках засвидетельствовано и как е-основа: дѣло — дѣла. Но пѣдо — пѣдеса. Пѣдо как раз — одна из немногих е-основ, которая показывает а. п. (а), причем и в др.-рус. ком., и в болг., и в древнесербских памятниках: пѣдеса, пѣдесах и т.д.

(5) Здесь в словенском мы встречаемся с новыми фиксациями. Это должно отражать долготу конечного а. Вот вопрос, насколько эта долгота и вообще форма первична — это один из сложнейших вопросов акцентологии и, по-видимому, решение его возможно только в результате очень трудоемкой работы по изучению диалектов и старых памятников.

(6) С долготными ударениями.

(7) Теме с редуцированной новой фиксацией.

(8) Обе формы вторичны, но ударение вторично в ф. де́ла.

(9) В выражении, приводимой Кривичевым, в этой форме отсутствует ударение, но оно фиксируется другими текстами.

(10) Старая форма сохранилась (Нови — слав. чак).

Возникает вопрос, как же объясняется рефлекс нового циркулярикса в Ич. и Вик. падежах в словенском (lěta)? Ну, то что дательный здесь вторичный, это вполне понятно — если все падежи имеют рефлекс нового циркулярикса, то дательный вполне может поддаться этому влиянию, тем более, что нужно отличать его от творительного. А вот это вопрос более сложный. Станк считает, что это тоже вторичное распределение, ^{вторичное} распространение нового циркулярикса. Он приводит форму из кайкавского диалекта _____, описанного Ротигел. Можно сказать, что ~~кайкавские~~ ^{кайкавские} диалекты в большей своей части ~~представляют~~ ^{составляют} в сущности акцентологическую часть словенской языковой [зоны], и лишь то, что я называю, вслед за Швингел, кайкаво-кайавскими типом, к которому я отношу и Крайнича, эта часть диалектной области резко отличается именно отсутствием рефлекса нового циркулярикса в основных позициях. Тот диалект, который приводит Ротигел, это скорее все-таки словенский диалект, диалект словенского типа, хотя он довольно ^{маленький} перестроен: масса отглагольных различий рода и очень трудно разобраться в его акцентологических особенностях. Так вот там есть такая передилка:

Вд. Ич. šilo (с кратностью ударения, т.е. того удлинения, которое дает в словенской долгие восходящее ударение, там не происходит)
 Род šila

Ич. Ич. šila (с кратностью уд.)
 Род šil (с рефлексом нового циркулярикса)
 Дательный šilam

По сути вот это как будто та исконая протосистема. Принимая вот это за начальную систему, мы должны предполагать, что здесь а было сокращенное (в И.и.и.), здесь было ер (Род.и.и.), здесь -ат из -от (под влиянием женского рода) - в Дат.и.и. А здесь - положение перед ^{конечными} долгими релаксами (зв. ?). Это все было в очень раннем. Вообще проблема конечных долгих - одна из сложнейших проблем; все считают иначе, что они сократились. Но фактически мы имеем во многих случаях релаксы долгих в конечных положениях. Если мы знаем, что в праславянской были какие-то долгие, ^{в конце слов} и если мы попытаемся их реконструировать, то в общем-то, отсюда некоторые вторичные вещи, например, долгих на у и и в Тв.и.и., на которых было было твор. и. муж. рода, и с.р. рода, то мы обнаружим какое-то ядро этих долгих, как если мы будем сравнивать их с балтийскими, то окажется, что эти долгие - на месте старых удвигленных долгих, которые были ударными в подвижной а.п. Т.е. те долгие, которые в подвижной а.п. не были ударными, они не сохранились, даже в том случае, если они были удвигленными. Отсюда вывод, что ^{сокращение} ~~неудовольствие~~ долгих произошло еще до возникновения а.п. (В). И затем эти сохранившиеся в подвижной а.п. долгие распространились. Этот вывод был сделан...

Возьмите -у Род. падежа, которому соответствует лит. -ос. Оно было ударным в подвижной а.п.

IV и в славянском оно сохранилось в типе рука́, рука́ (9) и т.д. Тип женá в этом случае в это время по-видимому имел вот такое ударение: žéna.
Так как -os, давшее -y, попало в ударную позицию в парадигме (с), то оно сохраняется несократившимся. А, допустим, -o в Ван п., которое во всех парадигмах было безударным, сокращается. И вот редукция вот этой долготы (-y) сохраняется в -ē в сербском (в потемкованных осязках), а o дает и - кратное, поскольку оно уже сократилось.
~~Тип~~ эти Ванны. является то, что когда мы видим какое-то количество окончаний, или даже долготы, то они окажутся как раз теми, которые как в праславянском, так и в балтийском были ударными в позднейшей а.п. Этот вывод и это наблюдение было сделано Шмидтом-Витовцем в период работы его над монографией, но он не вошел в монографию и обсуждался кратко, он нигде не опубликован. Впрочем я уже писал об этом. Так вот в этом случае, принимая эти особенности, конечно, долгота вот этого a все-таки является непонятной (а в Нрв) и мне лично очень симпатично объяснение Станга, которое опирается на диалект Бриговъ. Тогда получается а красивое, обычное сокращение, а новый циркумфикс возникает перед эом, перед у долгим тв, перед и и перед -эх тоже долгим. ~~Но говорили о сокращении циркумфиксированных долгот, а акту~~

Мы сказали, что циркулизированные долготы не сокращались, а акутированные долготы сократились так же как и в балтийском: ведь в слове руха́ мы не имеем в -а Им. надежды рефлексов долготы — это акутированное окончание. Т.е. следует предполагать для праславянского картину, близкую к литовскому: конечные акутированные долготы всегда сокращаются, но имеется одна поправка — кроме того, сокращаются и безударные циркулизированные долготы. В отличие от литовского, в праславянском можно предполагать ситуацию, при которой безударные циркулизированные долготы в конце слова сокращались.

[Никто не опроверг того блестящего анализа просодических отношений, который был дан де Соссюром, и можно сколько угодно рассуждать на тему латентных итогадий, но сама логика сравнения ... называет их как хотите — сверхдолготы, полудолготы, называет итогадией. Дать фонетическую интерпретацию — это дело не сравнительно-вообще-го, а ^{говоря} типологическое.

[Типологи] должны определять, какие ~~высшие~~ изменения наиболее характерны, какие системы более вероятны и на этих основаниях давать интерпретацию. Дальше сравнительный метод ничего не дает. Можно говорить о различии ... Принимайте акут и циркулизацию как способ обозначения каких-то единиц сравнения.]

IV Все-таки нужно признать, что явление
 безударности a многое не объясняет. Дело в том,
 что все-таки это a выступает как долгое во
 многих диалектах, и даже если оно вторично, если
 сюда долгота была внесена каким-то аналогичным
 путем, тем не менее an в основе классической
 славянской парадигмы могла быть и уррван
 парадигма: *lěta*. Долгота *-ā* зафиксирована
 в посканом: *sěla*, *kŭlā*. И тогда, когда оно
 появляется под ударением, оно несет долгое ударение.
 Ивншт дает *drŭā* (он так обозначает новый
 акут), *kolā*, *plēmā*, *kolēsā*. Так представлена
 долгота в этом языке в посканом. ~~В Нови~~
 [Я писал в докладе ^{о занятии Василием Долово} ^{скорее всего} о том, что настоящий славянский
 циркумфлекс, ~~новый~~ старый циркумфлекс, который
 сохранился в неподвижных а.п., переходил не в
 циркумфлекс славянский, а в восходящую интонацию
 типа нового акута. Сравнение славянского циркумфлекса
 с балтийским циркумфлексом некорректно. Почему?
 Потому что в балтийском он существует и в
 подвижной, и в неподвижной а.п. И также в подвиж-
 ной и неподвижной а.п.-ях существует акцентная
 интонация. Славянский циркумфлекс — лишь признак
 баритонизированных форм подвижной а.п. В тех
 случаях, когда в славянском представлен старый
 акцентированный подвижный парадигм с акцентирован-
 ным корневым гласным, этот акцент переходит в
 циркумфлекс (по правилу Мейе). Это касается иго-

национальных противопоставлений в парадигме неподвижной, но в большинстве случаев там они перешли в противопоставления акцентуационные, т.е. ~~без~~ акцентуация осталась баротонированной, а циркумфлексированная стала оксигированной. И лишь в определенных позициях, допуская, в позиции Род. п. подвижной а.п. там же — это конечное ударное а.п., сохранилась и долгота, и интонация, но здесь как раз интонация восходящая в славянском; т.е. литовскому циркумфлексу, который тоже восходящей интонации, соответствует славянская восходящая интонация типа нового акцента.]

В чешском Noví конечные безударные долготы сохранились, но в подвижной а.п., которая зафиксирована в таком-то извлеченном виде от -en-и -es-основ, мы имеем nevesá (это от нового акцента), briméná (это вторичная подвижность), iméná, raméná и т.д. Долгота этого окончания сохранилась в словацком. Там она распределена по словачному балансу долгот, т.е. конечные долготы там сохраняются только в том случае, если коренной слог краткий. Поэтому там сохраняется эта долгота или в бывшей а.п. (а) : mestá и perá. Вот видите, долготные окончания выходят за пределы южнославянской области. Они фиксируются и западнославянскими языками, правда сменными.

Очень трудно судить о р.п., откуда здесь долгота.

IV

Дело в том, что \bar{a} ср. рода должно иметь
как монофтонг акцентированную долгую, а тут возникает
вопрос вообще обо всей истории этих форм в и-евр.
языках. Это явно образование первоначального женск.
рода. Санскрит дает редкие краткость. Там это тоже
вопрос сложный.

(13)

Мы прошлый раз остановились на долготных окончаниях. В славянском и, мне кажется, не совсем уяснили этот вопрос. Поэтому я хочу возвратиться немножко и к нему в связи с тем, что мы раньше времени сошлись с жик, и приведем это в порядок. Существует общая точка зрения, что во конечные долгие гласные в праславянском сохранились. Но непосредственное сравнение славянских языков приводит к значительно более сложному выводу. Окажется, что при сравнении целый ряд окончаний следует считать долготными. Давайте внимательнее рассмотрим все относительное, большую часть во всяком случае относительных окончаний и посмотрим, что у нас получается.

- а Им. п. м. рода (из старого ā долгого)
- у/ѣ, ѓ Все. ж. рода на -а
- і Мот. м. рода, основа на -ō
- у Все. м. рода (... изгнали Варягов)
- а Им. - вин. дв. ч. м. рода
- ѣ М-А дв. ч. ж. рода
- ѣ Дат. п. ж. рода ā-основ
- ѣ Вин. п. ж. рода
- а Ген. м. и ср. рода ō-основ
- и Дат. п. м. и ср. рода
- ѣ Лок. м. рода и ср. рода.

Эти все окончания дают различия краткотных

2)

$$\bar{y}^{(*)} \bar{y}^0)$$

Неизвестно, имел ли мы право предполо-
жить, что у здесь было галломное.

и лок. и рода ез. р. и-основ

у Пв.п. ли числа и и со рода 0-основ

\bar{u} Gen-Loc du (\bar{q})

Эти вот долготы оконаний ^ипроходят как \bar{e}
долге в сербском янше и в хорватской области (\bar{e}).

Локатив и-основ хорошо зафиксирован в леху-
область (по паметишкам). у зафиксировано в хор-
ватской области, в словенской, у Крижанича и в леху-
область - в словицской. И \bar{u} dualis по \bar{u} паметишкам,
он есть у Крижанича по некоторым косвенным, ^{правда,} пометкам
и сербскохорватские шtokавские, ну Гориче Горичу
ноу, ружу. Перенос - это явление вторичное, о чем
свидетельствуют факты текстов, даже сербских, ^{назов,} а вот это
состояние более первичное ~~до~~ новошtokавской рефракцией и
долготой. Такие вот состояния ~~это~~ помечается.

Сам процесс неравномерного сокращения конечных
долгих ~~и~~ ^{их} ~~область~~ — это явление, в индоевропейских языках
происходящее очень рано. И аналогичное славянскому
состояние мы имеем в литовском, где циркуляризи-
рованные конечные долгота сохранились как циркуляри-
зационные, а акцентируемые сократились в конечные
положения и дали краткости. Аналогичный процесс,

3) вероятно, происходит в германских языках. Но в данном случае у нас не наблюдается такого распределения. Если мы рассмотрим эти окончания с т. зр. балтославянского акута или циркумфлекса, то у нас окажется, что вот это вот долгий — это акут, акутированное окончание, этот долгий — это циркумфлекс и эти окончания были циркумфлексированными. Такой результат сразу же вызывает в славянской акцентологии значительные трудности, потому что этого и такого распределения долгих и кратких, соотвешивших окончаниям не получилось. Когда существуют такие трудности, то возникает тенденция объяснять те факты, которые по количеству значительно меньше место занимают, как процессы внутриславянские. И такие объяснения существуют, т. е. вот эту вот форму из неслоненных основ — получила ходячие теории (происхождение сербского инфикса как результат стяжения в неслоненных, в неслон. формах — $\{$). Это окончание, которое мы рассматривали прошлый раз, — это \bar{a} в ср. роде — наиболее характерные рефлексы словацкие рассматриваются с т. зр. словацкого количественного баланса гласных, соответствующие аналогия, идущая в рамках этого баланса (тоже) ($\bar{a}, \bar{y}, \bar{u}$) (работа Торбьернсона), а остальные окончания, как плохо зафиксированные раньше, они просто не рассматривались особо. Но сейчас вопрос о них снова поднимается, поскольку материал памятников значительный материал реконструкцию всех этих окончаний

4) ний как долгих. Обычно это все трагуется таким образом, как известно, в славянской конечные долги сократились, ^{хотя} говорить о том, что это все ^{совершенно} известно и ясно мы не можем, а поэтому все факты появления конечных долгов объявляются вторичными в праславянской, праславянскими явлениями или вторичными явлениями на почве отдельных славянских языков.

Я на прошлой лекции предложил другое объяснение, то объяснение, которое было предложено в общем виде Илличен - Свистовым, когда он работал над своей книгой. Дело в том, что если исходить из той теории, что акцентная парадигма (в) возникла вторично, то во возникновения этой парадигмы в славянском существовало лишь два типа: тип с неподвижным ударением, акцентированным или фиксированным на корне, и краткостатый. Т.е. тип женá не существовал как конечнударенный тип, а был тип жéна с постоянным ударением на корне. Тогда кроме этого неподвижного типа существовал еще тип с подвижным ударением, в котором одни формы имели ударение на окончании, другие формы имели ударение на начале слова и никогда в данных формах, в данных падежах ударение на окончании не стояло. Это тип рука́. Тогда окажется, что существует целый ряд окончаний, которые никогда в праславянской в этот период не несли

5) которые имели ударение в а.п. (С): тип рука' и т.д. Так вот сравнение окончаний по этому признаку, разделение окончаний по этому признаку приводит к выводу, что вот эти все окончания ~~то~~ это те окончания, которые (долгие) — несли на себе ударение в подвижной а.п. Что касается вот этих окончаний (акцентированных), то здесь по крайней мере вот это окончание несло на себе ударение в подвижной а.п., а вот эти были безударными (ѣ, ѓ, а, и, ѓ) ^{тоже} ~~тоже~~. Кроме этого можно найти, допустим, местоименный падеж, который тоже был акцентированный женского рода и тоже является сокращенным, т.е. он относится к этой же группе. Все вот эти циркумфлектированные окончания — это те окончания, которые все же, будучи циркумфлектированными, были всегда безударными в а.п. (С). Вот такое разделение позволяет построить гипотезу, по которой в праславянском созвучию подвергались окончания ^{все} — акцентированные, независимо от того, были ли они ударные или были безударными, и все ^[те] циркумфлектированные, которые были безударными в подвижной а.п., следовательно были всегда безударными. Те же окончания, которые несли ударение в подвижной а.п., сохраняли в подвижной а.п. долготу, которая по-видимому распространялась и на другие акцентные парадигмы.

Вот такая гипотеза, с которой я хотел вас познакомить более подробно.

5) Что касается сербского варианта и рода по
делоте, то, хоть было ясно, я напишу
схему; кот. приводит Торверисен, как традиционно
представляется распространение зого влоготного
окоулатия, вторичное распространение, т. е. это
традиционная т. зр.

Краславское	sily	dušę	местом. оноје јеје
	(с краткотом)		
Сербский			
I период	sili	duše	оно (је)
II период	sile	duše	оное (возмещение j)
		(действует аканом)	
III период	sile	duše	оно̄ (*оно̄) (стяжение, которое (?) применяется по аканом, т. е. возникает оно̄ вместо *оно̄ под влиянием стелувавшейся формы (n)jē
IV период	sile	duše	оно̄, (n)jē
(современный)			
(отарошаквавший)		(появляется долгота под влиянием местоименных форм)	

Вот видите, такое объяснение требует целого ряда
предположений, целого ряда фактов. Ну, если это можно
быть доказано, то только на основании каких-то
сербских текстов, сербских фактов. [Пока таких фактов
нет. Я думаю, это объяснение и не будет дано, но это
еще ни о чем не говорит].

7) Относительно словацкого \bar{a} долгого в ср. роде, о котором мы говорили прошлый раз, то здесь интересно было бы исследовать положение в западно-словацких диалектах, которое до сих пор не исследовано. Насколько известно, там отсутствует \bar{a} — в моравских говорах, а в то же время в моравских говорах существует, засвидетельствовано Бартошем долготное ополчение \bar{a} . Как оно распределено — это остается пока загадкой, потому что материалы не очень значительной, до сих пор.

А теперь вернемся к нашим основам ср. роде а.п. (a). В прошлый раз мы не записали ничего материала по древним текстам.

А.п. (a) очень хорошо сохраняется в древнерусском, в 14 веке, в Судовском Новом Завете. Приведу примеры.

Вд. Им. дѣло жѣло зерно колѣно лѣто мѣсто
стадо падо
Род. дѣла колѣна лѣта мѣста оутра
Дат. дѣлоу зерноу лѣтоу мѣстоу стадоу оутроу
падоу

Вин. дѣло лѣто на мѣсто на радо стадо

Плв. зерцалоу (только множественная форма)

М. дѣлѣ лѣтѣ на мѣстѣ о стагѣ

Мн. Им. дѣла мѣста пада свѣтѣм (многосложное)

Род. ѿ дѣлѣ мѣ

Дат. по дѣлоу и лѣтоу и падоу *

Вин. дѣла жѣла жѣта лѣта на мѣста

8)

на ра́да коѡ'ка
 Пв. дѣ'лы по́уѣ с. ра́ды
 м. на ра́дѣ^x лѣ'мѣ^x
 Зв. ра́да (ниже не отливается от Им-Вин).

В отношении к древнерусскому среднеболгарские
 текст дают систему в определенном смысле
 более продвинутой по расчленению, в направлении к
 расчленению. Мы потом, когда будем разбирать а.п.
 (в) и подвижную а.п. увидим, что для того, чтобы
 возникло конечное ударение в Им. и Вин мн. не
 а в среднеболгарском и болгарском, было довольно
 веские основания, потому что там получилось такое
 распределение: во-первых, подвижная парадигма имела
 ударное а и, во-вторых, два варианта а.п. (в) —
село', кот. в среднеболгарском было уже се́ло, и
 какое-нибудь число', которое тоже стало чи́сло,
 во мн. числе распались на 2 варианта: мн. было
се́ла', а этот долготный тип было чи́сла. Вот
 подвижному под влиянием этого акцентного типа
 парадигмы (в) подвижной акцентной парадигмы и
 тип а подвергся влиянию. Мы уже находим напе-
 ду с мн. ра́да в 14 в. — уже ра́да', храни́е'
 даже, по мѣста́м, сѣлѣх (?), о ра́дѣхъ.
 Мы сейчас просто обратимся к обзору материала.
 Что здесь можно видеть?

9)

Погрбовская группа текстов (13-14 века).

Ед. Им. ж'ла л'та масл м'ста стадо
(есть и с 0 обогнати) (есть тоже с 0 обогнати)

г'до

Род. д'ла л'та ѿ м'ста стада за оутра
в болгарском тексте, переписанном русским текстом

Встраси Ошмийкой (текст восходит к 14в.)

встретился не совсем ~~ошмийкой~~ ^{помятая} горня - масл,
привел в единстве ед. г. явно; совершенно
непонятно - скорее всего опечатка.

Дат. д'лоу зр'ноу л'тоу стадоу оутроу

Вин. д'ло зр'но л'то ~~и~~ масл м'ста (так!)
на р'ло р'мо стадо оутро г'до

Плв. - д'лѡм зр'нѡмъ

М. д'лѣ на м'стѣ въ оутрѣ (малый слитный)

Мн. Им. колѣна г'да (вариант: г'дѣ)

Род. д'лѣ

Дат. по м'стѣм (встретилось 2 раза) в одном и
том же тексте, никак не может быть

Вин. д'ла (р'лена)
по основам
на - н

Других форм Дат. п. б.
но этот пример очень
характерный.

Но в то же время
в подвижном типе переходят
и многосложные - вот есть форма хранила.

Плв. ѿ д'лов ж'лѣ

М. м'стѣ (есть другой вариант: м'стѣх);

из не введенных форм можно дать - въ н'дурѣх
и въ г'дрѣх

Вок. [характерно скорее для противопоставления
подвижному типу]

ѿ ч'да [когда подвижный тип, то здесь появляется]

10)

в подвижном типе, в а.п. (а) и в некоторых формах женского рода а.п. (в) — ѿ оформляется таким образом, а сама форма остается без ударения]

Другая группа текстов — это текст, приписываемый Киприану.

Ед. Им. дѣло, ма́сло, из многосложных — правѣло
(с т. зр. словообразовательной акцентации эо — вторично).

свѣти́ло

Род. ѿ жѣла ма́сла свѣти́ла

Дат. ни ма́сла ѿ правѣла свѣти́ла

Вин. жѣло ма́сло въ мѣсто свѣти́ло

Тв. дѣломъ правѣломъ свѣти́ломъ

М. въ на́дрѣ (только одна форма вот в таком написании, : (с в кезде'))

Мн. Им. только многосложные формы: жѣлѣза свѣти́ла

Род. лѣ' мѣств ѿ точи́лѣ

[характерно распространение на и ударения. В отрывки от догм, приводимых Х. Кодовичи. Они использованы в работе Станис с целью показать, что в болгарском как будто бы наблюдается перенос при ковом ударении на предшествующий слог, так же, как и в шtokавском, в сербском и кайкавско-гакавской области, но об этом мы будем говорить на следующей лекции.] У Станис как раз приводятся формы женского рода: го́дины, но я думаю, что они не очень показательны, так как вообще перенос, со ретракцией болгарский очень распространен и для

того, тогда это-то ^{утверждать наверняка,} ~~показать вообще~~
необходимо ~~показать~~, что в данном
тексте, в данном диалекте этот
перенос охватывает только род. п.
Но мы об этом переносе будем
говорить потом подробно, так что
я только обращаю внимание на то,
что в моих текстах таких переносов
не встретился. А когда они есть,
они могут быть трактованы как
перенос вообще.]

Дат. по дѣловѣ лѣто^и и свѣтилоу

Вик. жита въ кѣдра свѣтила
основы встретились,

Плв. только многосложные: правила

М. обилие такие варианты: дѣлѣ^х лѣстѣх^х

о точнѣхъ, но в то же время внешние подвиж-
ного типа ощущаются и в этих текстах;

наряду с дѣлѣ^х есть дѣлѣ^х [отражает ли эта
форма дѣлѣхъ или это ударение в самой форме
дѣлѣ^х — неясно], о чадѣ^х. Этот тип в
среднеболгарском оказывается более развинутой, чем в
древнерусском в тот же приблизительно период.

Ну, и неподвижный акцентный тип очень хорошо
сохранился в словенском, из западославянских языков.

Бг. N. lāto

Мн. N lātā

G. lātā

G. lāt

D. lātū

D. lātōum

Acc. = N

Acc. = N

I lātā

I lātī — наиболее архаичная
форма (результат долгого ū)

Loc. lēsā

и новая, возникшая по аналогии,
форма — lātami (тоже долгого ū)
возникла: отглагольное отглагольное гово-

Лос. lēsēx - это наиболее архаическая форма, собственно точно соответствующая праславянской. И есть вариант: lātāx.

Вот собственно рисунок этого акцентного типа в западнославянском языке, сохранившем подвижной тип ударения.

i-основы

Когда речь идет о i-основах, то обнаруживается, что во всем случае большая группа непроводных основ этого типа в современных славянских языках перешла в другой тип, в основном - в подвижной тип. Но а. н. (а) сохранилась довольно хорошо в производных именах: болѣзнь, болѣзнь и т. д. Сам состав этой а. н. для непроводных i-основ является проблемой, ^{т. е.} мы до сих пор не можем реконструировать само распределение, так как многие из этих слов, например, слова типа мошнь, которые раньше относились к неподвижному акцентному типу: (еще в Доломатов мы находим род. п. мн. ч. мошнѣ); это же слово встречается в заголовке древнерусского перевода "Бороба мошнѣ и леушнѣ"; и в форме Умѣнѣ рл мы можем обнаружить в Умѣнѣ мошнѣ. Довольно хорошо сохранился неподвижный тип в словах, в i-основах, которые употребляются только во мн. числе: перси, уши и еще в неск. словах, и кроме того - в слове нити. Это слово мы и возьмем

13) как образец, как представляется ^{(а, н. (а))} i-основ в современном русском языке.

русск.	штокавские	чакавские	словенский
Бд. н Им. нить	нѣт нѣи (там переход в и. род, потому мы ограничиваем только Им.п.)	(*nĭt) (эта форма зафиксирована во множеств.)	nĭt (такая форма скр. уд. сохранилась только в Им-вн.) тѣс (тоже с кратким но есть вариант, возникший из аналогии с долгим ударением тѣс)

В словенском в конце есть и долгое и краткое ударение. ~~долгое~~ В нормальных условиях, то есть восходящее ударение — это признак нового акута.

Так как новое ударение не запрещено, то естественно морфологически нулевым оно переносится и в Им.п. — в тех случаях, когда форма довольно одинокая среди других форм.

Род. нити (нѣта, нѣи)

— (nĭti) — с нисходящим долгим ударением — форма аналогичная а нормальное сокращение: тѣсi.

Вполне возможно, что Род. п. i-основ для более долгих, но это не совсем ясно.

Дат. нити

(nĭti) тѣсi

Если в род. во-таки для долгих, то, возможно, здесь обобщение вравдываи противоположное вравдываи

14)

Вик. китъ

nit mīš

Плв. китъю

nītjo - резиле
нового циркуляра.

mīšjo - тоже резиле
нового циркуляра.

Падение арз приводит
к удлинению, подвижности,
и за долготы, как и долготы
та сформировался, воздвигнут
на предшествующий акцент.

(nīti) mīši

Аналогично резиле сам
идет дальше акцент

Все это
снова, за иском
Вик., - резиле
аналогично

Мес. кити

Мл. Мл. кити

кити, ийи

nīti

(nīti)

mīši

Идио
вторично нормальное
отражение

Роз. кити

(кити кити)
- перестроенные
формы

nit

тоже
перестроенные
формы

nīti

- нормальное
резиле сам
новый циркуляр.

mīši

За форму
показывает,
что здесь
вполне
нормальное
выражение ~~формы~~
новый циркуляр.
Может показаться
степени окочка-
ния $vj \rightarrow i$,
которое дает i' далее
первоначальное и
дает акцентуацию интона-
цию, кот. переходит
в новый циркулярный
в результате выкино-
вения вторичной
двигатель.

Дат. (кити)

- перестроенные
формы

nītim, mīšim

Обе формы -
результат аналогии.

Вик. = Ич.

15.)

Плв. (китаян)
— перестроенный
группе

nĩtmi mĩšmi

~~Правильно~~

Такую рефлексию
я считаю нормальной
фонетически — для
словенского, так как
не какавские гласные,
которые сохранили
конечное ударение,
а гласные конечных
(нужв. а. п.) фиксируются
э i, на кот. падает
ударение, — как даго-
нар. Дагонарэ зде
по видимому все-таки
вторично. Факторы,
при которых она
возникла, — это вообще
довольно сложно: здесь
и влияние у, и, возможно
рез. падение ерѣ. Без
целом ряд примеров, кот.
показывают, что при падении
эа возникла ф канне-р
заместительная долгая
следующим слогом, что
вообще-р довольно странно

~~Мест. китаян~~

Мест. китаян

nĩtih mĩših

То же, вероятно, следует
предполагать фонетическую
рефлексию, но возникшую
уже на словенской
почве.

Приготовили ^{расширили} ~~каши~~ i-основы. Как я сказал, в этой группе основ исторический процесс привел к классу разрушений, к переходу в другие группы, как морфологические, так и акцентологические. Поэтому вообще состав а. н. (а) от i-основ предельно, чтобы его реконструировать просто. К этой группе относятся: *nĭtĭ*, *mŭsĭ*, *čātĭ*, *dōlnĭ*, *mĕdĭ*; вероятно, *vĕtĭ*, хотя первоначально, может быть, относились к другой группе основ, *zĕlĭ*, а также три слова, которые употребляются только во инт. числе: *rĕčsi*, *gŏsli* < **gŏdsli* (отмечено образование от *гудеть*), *jĕsli* (< *jĕd-sli*). Кроме того, ряд слов с явными суффиксами - эр слова *šĕznĭ*, *kāznĭ*, *volĕznĭ*, *vojāznĭ*, *vāznĭ* (от глагола *vajati*), *rĕšnĭ*, *rĕčĕtĭ*, *rĕčĕlv* 'пераль'. Может быть и *mŭsĭ* сюда же принадлежало, хотя рефлекс его не очень ясен. Вот, пожалуй, все неприводные и производные слова, которые можно отнести почти без сомнения к этой а. н. История их сложилась по-разному, в Большимське сугаев, Большая гать - просто перешли в другой тип, ну, напр. *сĕн* в сербохорватском будет и рода, *jāsla* в словенском перешло в ср. род с соответствующим рефлексом нового акцента, в то время как сербохорватский сохраняет *jāsi*, *jāse*. Слова, которые употребляются только во инт.

VI типе, сохраняются лучше: с-х түсле, слов. dō'sli; (2 рус. диал. долонь с характерным редеющим, с-х dlä'n (с акцентом), в словенском перешел в подвижной тип: dlä'n.

Перейдем к памятникам.

В др-рус и зрму типу относилось также слово скорбь, которое, по-видимому, первоначально относилось к а.п. (б). В др-рус период а.п. (б) очень сильно редуцировалась для i-основ, и часть из этих слов, которые можно отнести к а.п. (б) перешла в неподвижную а.п., т.е. парадигму (а). Первоначальный характер устанавливается только в результате сравнения с южно-славянскими формами. Т.к. это слово очень хорошо представлено, мы будем вводить его в этот материал для Пудовского Нового Завета. [В совр. рус. яз. это слово - скорее подвижного акцентного типа. Для современного русского вообще трудно говорить об акц. парадигмах, потому что существует много акцентных типов, получившее распадение старых, компактных акц. типов на целый ряд различных. Они хорошо описаны в статье и в книге Зализняка.]

Чудовский Н. З. (14 век).

Бг. и. боу́знѣ жи́знѣ ско́рбѣ ра́достѣ
Р. нѣ мѣдѣ ^① ско́рби жи́зни пѣгѣм пѣгѣти
Д. мѣдѣ ско́рби пѣсѣи рѣсѣи
В. на ка́знѣ ра́тъ
Ииср. боу́знѣю ра́достѣю
Месѣн ^② в ско́рби в жи́зни стѣнѣ на купѣли въ ра́дости ^③

VI Мк. II. вѣтви гоусли скорби богазни нѣсли рѣти (3)
 Р. ѿ печѣлий
 Д. бѣснемъ, ѿ мѣслемъ (У) напѣсте (5)
 В. гоусли на перси печѣти на бѣси скорби нѣкори (6)
 рѣти напѣсти пѣсни (записано)
 Пв. скорбѣми нѣкорѣми прѣ^д степѣньми
 М. въ вѣтве^х о персе^х в нѣсле^х в скръзѣнѣ^х
 на степѣне^х

Аналогично ведут себя эти основы и в среднеболгарских текстах.

Порноковская группа писцов (13-14 вв.)

89. М. ѿ жѣзнь мѣсль ни свѣ
 Р. ѿ жѣзни не без^с казни ѿ печѣли
 Д. не отмечен в акценту^р текстах не отмечен (или не
 замечен)
 В. въ жѣзнь мѣсль печѣль (4) пѣснь свѣ
 Пв. печѣлѣх
 М. въ длѣни жѣзни въ мѣсли пѣсни

③ В подвижном акад. типе все эти формы будут ударяться на окончании. Если от скорбѣ относилось к подвижному типу, было от в скорби и какое-нибудь крѣпость — крѣпости.

④ Это слово представлено довольно хорошо, но мы его ^{слова} не вводим.

⑤ Это слово производное, но так как мало примеров, то мы его берем.

⑥ Любопытно, что изредка по этому типу заимствованное нѣкорѣ.

Мн и. сѣки⁽²⁾

Р. болѣзней напѣсти пѣсней нѣсней⁽³⁾

Д. болѣзней

В. мѣси пѣси (скрижали)⁽⁴⁾ сѣки

Пѣ. вѣтѣхъ казньми

М. печалехъ въ нѣсехъ на скрижалехъ⁽⁴⁾

Другая группа текстов — Кириановские гексы — показывают в образе совершенно аналогичную систему и отличаются только орфографически.

Вд. и. боази жѣзи мѣси печаль же пѣси сѣи

Р. и боази жѣзи бес печали пѣси ѿ рѣти

Д. [не отиерек]

В. вѣтѣхъ (корѣсть — корѣсть)⁽⁵⁾ печаль печаль пѣси и рѣть

Пѣ. печаль сѣ пѣси

М. въ печали въ пѣси на рѣти

(2) В этих гексах редко встречается гравис, а в гексах. Кирияка гравис ставится регулярно на словах обозначающих уменьшение, понижение, уменьшение, уменьшение. Т.е. какой-нибудь МРОВЕ будет всегда так: дамсеко МРОВЕ. Како-ро мубоко изд. Или, допустить, ПАДЕТЬ будет так: ПАДЕТЬ. Это уже из греческих текстов.

(?)

(3) И вот есть один случай акцентации слова мысль ког. или свидетельствует о переходе в подвижный гласный, или может быть, говорит о том, что здесь была первоначально а.п. (в). Если это, конечно, не опечатка, потому что это не в рукописи, а в печатном издании гекса: мысли

(4) Слова како-ро отглагольное ударение. Ср. в лозебави гоме — скрижали.

(5) Все оба варианта.

(6) Без переноса ударения. Впрочем, в этих же гексах может и отсутствовать перенос. Там по-прежнему...

различные писцовые школы, которые по-разному
акцентовали. Ведь можно много акцентовать, отделившись
от всего предложения, и акцентовать только гласные буквы:
сделать гласные буквы в гласных падежах и сделать ударение
словарное. Есть текст, который явно не имеет ни одного переноса
в то время, как они все-таки очень разные. Прочитав тот же
самый орфографический текст, такой же материал писателя.
Явно должны быть переносы и в то же время они
отсутствуют. Прочитав текст и избегая, что картина не вообще
избегая акцентовать текст - это очень редко акцентуальные на-
метки. Да во все время с 13 в. по начало 15 в. акцентовать в опре-
деленном смысле, редко встречаются слова акцентуальные текст. Акцентуаль-

Мн. и. и г҃сли рѣти
 Р. печѣленіи пѣсней
 Д. и болѣзнемѣ рѣтемѣ
 В. и болѣзнемѣ мѣсли прѣси рѣти
 Тѣ. не отменен
 М. въ г҃слехъ (и въ г҃слехъ)
 въ пѣснехъ рѣтехъ

Тут возвращаю определенное слово, которое по реконструкции
 относится к а.п. (а). Все они имеют определенную
 акцентную кривую, т.е. значок, которые ставь там (пожимание
 голоса, повышение, усиление ^{голоса} или вообще просто
 стоит значок). [Я думаю, что текст важен было в
 текстах, которые читались, подчеркивать, может быть, логичес-
 кое ударение. Логическое ударение совпадает с ударением
 слова. Такие моменты возможны. При каллографическом
 переносе, чтении библейских текстов подразумевается нечто
 похожее, т.е. какой-то смысл, который как-то налагается
 на... Ну вот, допустим, я недавно как раз присутствовал
 при хорошем чтении Библии, и меня несколько поразило
 то, что повышение голоса, хотя без усиления, совпадает
 с речью в общем словом, которое как правило ак-
 центовали в тексте Судовского Н.З. Я думаю, что
 лингвисты в какой-то степени делают ошибку, не изучая
 традицию псалмодаического чтения церковных книг,
 которая в общем-то в скором времени может исчезнуть,
 и тогда мы потеряем многие данные, важные для
 реконструкции системы ударения.]

VI У Кривянига тоже встречались случаи сохра- (6)
нения этой а.п., например, есть форма тв.п. от слова
нѣтъ : nĭtmi (в "Кривянике"); ну, вот, по-видимому,
вѣтъ так ил. акцентуется : Дѣт. падет vā'sni.
Колеблется акцентуация слова мѣтъ, которое падает у него
то тjĕd, то мjĕd (~~тjĕ~~ с долготой), то есть в
соответствии, видимо, с действительным состоянием этой
а.п. в его диалекте. В "Грамм. иск." приводится
им.п. слова нѣтъ как nĭt, то есть это слово сохра-
ет полностью акцентуацию парадигмы, ту, которую и
следовало ожидать.

Для лехитской группы, в словинском, характер-
но очень хорошее сохранение этой акцентной парадигмы,
если даже не расширение нескольких составов основ,
которые в нее входят. Вот сейчас мы запишем, как
мышь склоняется в словинском.

Sg. M. māš

Pl. N. māšā

G. māšā (реднее)
краткое

G. māši

D. māši

D. māšim (это более архаич. форма,
а вторично : māšōim)

A = N

A = N

I māšōu

I māšmi, вторично : māšami
(по а-основам)

L = D

L māšax

Вот, видите, совершенно неподвижный тип. Какие же
слова склоняются по этому типу там? —

dl'oiu 'ладонь', māslā 'мышь' (реднее), kĭsā 'книга'
(тоже реднее всего во мн.), rjĕzšā 'перси' (мн.).

Вот совершенно и все из того, что мы можем считать

IV Кроме того, есть несколько слов, которые кажутся
 странностями и они сохраняют ^(старый) акцентный тип лучше,
 чем другие славянские языки. А может быть, это вторичные
 имена: *дѣс* 'дѣть', кот. во всех славянских языках дает
 рефлекс подвижного типа (с-х *dāt*). Но вполне возможно,
 что это ^и (какой-то другой тип. Кроме того, в этих непод-
 вижном типе совпадение а.п. ⑤, потому здесь трудно
 предполагать, что вот это слово будет акцентной парадигмой
 ⑤, потому что краткоств показывается, краткотный рефлекс.
 Ну, и некоторые слова явно вторичны ^{перешли}. Любопытно, что
 в типе ⑤ славянский показывает также рефлекс
 от слова *остъ* (*ost*), который Фиттов в свое время
 тоже реконструировал как тип ⑤, но он не привлек
 славянского материала.

Вот мы рассмотрим несколько основ. Ну, в данном
 случае мы пока (ничего) не можем заметить различия
 в акцентных кривых, потому что акцентные кривые здесь
 тождественны. А дальше у нас, конечно, будут сильно
 варьироваться акц. кривые по типам основ и по
 языкам. И так как раз возникают трудности. Если
 здесь особых трудностей в реконструкции ~~ак~~ самого
 движения акцента не наблюдается, то так пока каждая
 форма требует внимательного рассмотрения и возника-
 ющая трудностей при установлении того, каково же
 было первичное ударение этой формы. Но сами
 акцентные кривые — а.п. ⑤ и а.п. ⑥ реконструируют
 с большим трудом и в некоторых формах весьма
 и весьма гипотетично, хотя реконструкция самой

акцентной парадигмы, общего акц. типа или класса, 3го-м, акц. типов не представляет в общем-то никаких особых затруднений. Но прежде чем перейти к этим следующим акц. парадигмам, мы должны рассмотреть одно явление штокавского диалекта, которое потом нам будет страшно мешать в реконструкции акц. типов, особенно акц. типа (б). Это вот какое явление.

Мы уже видели, что в род. п. мн. числа в штокавском появляется новый циркулярлекс. Это единственная форма, в которой новый циркулярлекс совершенно закономерно возникает и в штокавском, а не только в словянской и в каякавской областях. Так вот когда он находится в односложной основе, то это ^(его наличие) ~~не вызывает~~ никаких проблем. Но как только мы обращаемся к формам двусложными, то здесь наблюдается в штокавском любопытное явление — это передвигка ударения с новоциркуляризованного слова на предшествующий слог. Характерно является то, что эта передвигка происходит только в том случае, если предшествующий слог — краткий. Эта краткость предшествующего слова может быть и первичной, праславянской, а может быть и результатом сокращения. Но важно то, что при долгом слове — вторичном или каком-то отвлеченном создавшемся, а особенно при долгих праславянах (это очень часто бывает) — такой передвигки нет. Вот я приведу примеры по трем акцентным типам.

VI

восходящей краткостью, т.е. с переаессением ударением из (< копрѣва), а Род. мн. будет: копрѣва (на т. должен быть новый циркулярис — ударение передвинулось). Им А Им. мн. вѣрѣ (можно сравнить с русским по типу ударения), а Род. мн. будет вѣрѣга (Над т. появился новый циркулярис, как он появился — до его ржес, но впереди был слог с кратким, и ударение передвинулось на предшествующий слог. Причем это ударение не тождественно вторичному краткому ударению, потому что здесь если стоит предлог, то ударение не передвигается, а на предлог.). То же самое происходит, и если этот слог не первичный, а вторично сокращенный: Им. мн. мѣсина — Род. мн. мѣсинѣ. Это в а-основах.

То же самое явление в о-основах. Можно привести пример: Им. јѣзик — Р. мн. јѣзика (обращая внимание, что эта вот краткость явно позднейшая). То же самое: Им. п. јук — Р. мн. јукѣ. Это с вторичным краткостью. Теперь с первичным: Им. ед. брах — Р. мн. ^{товар — товара.} браха, [В Им. ед. ударение вторичное, это новостоканское ударение. Все ударения, помеченные одним значком ' — это нове. Для того, чтобы установить первичное ударение, нужно просто подставить русское слово или передвинуть его на один слог: ема, вма и т.д. Это же ударение (в Р. мн.) — первичное, это ударение — не новостоканское, это старостоканское ударение, это не переаессенное ударение в результате штоканской ретракции. Современное сербское (штоканское) ударение им может

V совершенно механически в тех словах, когда это (10) совпадает с русским, ввести из русского путем просто передвижки его на предшествующий слог и постановки глас в зависимости от долготы предшествующего слога или знака краткости (·), при долготы (—)].

Теперь средний род:

кòлено < * колѣно (акут) ~ в рл кòлѣна

кòрито < * когѣто ~ в рл кòрита

(мн) кòведа < * gověda ~ в рл кòвѣда

(мн) влāкала < * vlakāla ~ в рл влāкала
(тип волокуши) -

В последнем примере — вторичное свращение.

[В а.п. ©, когда мы имеем рука́ — ру́ку (русск.), мы можем поставить предлог и в этом случае будем ударение на́ руку. (Ну, здесь я взял не краткосyllовый корень, а можно со те самое показать на слове нога́) Вот этот перенос существует и в сербском. Это очень старый перенос, он зафиксирован в древнерусских памятниках очень хорошо, в сербских — в старых грамматиках, которые описывают диалект Дубравника, этот перенос очень во многих позициях происходит — и на союз переносится, и т.д. Так вот в этом случае в сербском будет союз вот такое ударение: ру́ка — на́ руку (ру́ку) — на́ ногу (но́гу)

Если это не акут, а циркумфлекс, если это форма

(моги формы будем рассматривать специально), (11)
 происходит вот этот перенос на предлоги, на союзы,
 на отрицание. Кроме этих переносов, которые красна-
 вские, в штокавском есть какие-то другие переносы,
 но тоже очень ранние, которые я называю старо-
 штокавскими. К ним относится перенос с ново-
 циркумфлексом на предшествующий краткосyllabic слог.
 Это еще староштокавский перенос, до новоштокавской
 ретракции ударения. А вот новоштокавская ре-
 тракция — это та, которая перемещала механически
 все акцент на слог вперед, к началу слова, и
 в результате этого возникли восходящие акценты
 или даже двуслоговые, которые можно при сравнитель-
 ном исследовании ...]

Для этого переноса в Род. мн. важно то, что он
 запрещен, он не происходит при предшествующей долго-
 те: Ил. брѣница 'брунѣ' < *brānīsa ~ br
 (с долгой) брѣница.

Здесь появляется следующая долгота, отрицающая место
 нового циркумфлекса, но ударение ' — не передвинуте,
 т.е. оно передвинуте вторично, эта форма происходит,
 по-видимому, из brānīsa, где ī мог обозначать
 новый циркумфлекс. Переноса не произошло, это
 просто механическая новоштокавская ретракция,
 передроска ударения. Эта машина в общем работает
 так же как будто совершенно без каких-либо
 ни было исключений и можно брать любые

вѣрница — в рл вѣрница

кѣница — в рл кѣница
(с вторичной долготой)

Им для основ мужского рода:

[Распространение долготы в таких образованиях — вообще как будто вещь вторичная в иноканском. Тем не менее характерен сам характер переноса].

Им. жѣнька 'дальний' ~ Род. им. жѣнькѣ.

(Здесь явное распространение самого производящего).

При долготной препозиции:

зѣвет — в рл зѣветѣ

прѣяз — в рл прѣязѣ 'перезава, род'

сѣсрет — в рл сѣсретѣ

[Собственно] вот это распределение кажется очень показательным и по-видимому оно проходит во многих областях сурского словообразования и формообразования. И кажется, оно не относится непосредственно только к долготной акцентуированной форме, скорее акцентуированной, хотя возникло оно по-видимому первоначально именно вот в том типе, в типе с новым циркумфиксом. Дело в том, что такое же тип распределение мы наблюдаем, допуская, в род. падении на -ov; где ему подчиняется уже группа основ а. п. (в). Но имеет в иноканском vōlovā, но délovā.

Важно также и наличие географического распределения. Оно имеет место в А. Это явление...

каких-то нисходящих долгих ударений внутри слова, возникший в какой-то, довольно поздний по-видимому, период штокavian, охватывает всю штокavianскую область, полавский диалект и южнославянскую область, т.е. мы не о Хваре обнаруживаем такие же формы, правда, там ударение колеблется: допустим, в слове besida род. мн. будет be'sid, (южнославянская ретракция не произошла), но имеется вариант и besid; divica - divic, но есть и вариант divic. Ну и так далее. Можно не приводить всех примеров. Этот процесс захватил очень сильно систему этих диалектов, а вот старая система сохраняется в северославянском (в Нови) - там никакого передвижения не наблюдается.

Это происходило с приставками, с приставочными образованиями. Я сейчас хотел уже об этом сказать, этот поток уже не возвращался, то есть возвращался уже только к изучению словообразования.

Во-первых, я хотел обратить внимание на то, что этот процесс вовсе не одинаков типологически для сербохорватской диалектной области, потому что по-видимому многочисленные ^исамые разнообразные системы ударения кайкавские, в том числе и не только новокай-кавские, но и старокайкавские системы, как показало описание бедийского диалекта, возникали в результате переноса ^е внутренних слов, ставших новоупреждающе-глагольными. Но там этот процесс не был све-

зак с наличием - отсутствием предшествующей
долготы или краткости, с различием предшествующих
слов. Предварительный анализ этих явлений
необходим нам прежде всего для того, чтобы в даль-
нейшем, когда мы перейдем к а.п. (В), мы могли
увидеть, насколько шаткие были основания у Станга,
когда он строил свой закон (Станга), опираясь в
основном на показания акцентных кривых аку.п. (В).
Дело в том, что этот тип, который предполагает
Станг: рорехъ ^(с бывшего циркуфлексирования), это перенос, формально в полной
буде появляется и для кратких, и для долгих
появляется лишь в полавско-диалекте - диалекте,
в котором засвидетельствован как перенос на кратко-
тый слог, так и ^{то}перенос, который я называю законом
Крижанича - перенос на долгий слог. Как только
мы переходим этот район и движемся дальше в
кайкавско-пакавскую область, район диалекта Крижанича
и, по-видимому, многочисленных словенских диалектов,
которые не совсем, правда, ясны, - там мы не
встречаем вот этого переноса (на краткий слог),
там существует другой перенос - перенос на долгий
предшествующий слог нового долгого конечного.
То есть там нет рорехъ. У Крижанича будет
rorisch, но, допустим, dêlich. Вот такое распе-
деление. И это распределение следует реконструировать,
по-видимому для диалекта Novi. Там все это до-
вольно сильно смешалось, но именно для него характерно

VI напелньо расематриваць нди расематреним (15)
а.п. В). А тепер я хочу абратитъ виманне
только на этот момеьт.

Я думаю, что этот тип переноса, который для
Род. мн. характерен, и породил то сильное различие,
которое наблюдается между штокавскими присла-
вочными отглагольными именами и приславо-
чными именами других славянских языков. Я думаю,
что первоначальное распределение — следующее:

штох. <i>do dōsada</i>	—	рус. <i>доса́да</i>
<i>ōbrana</i>	—	оборо́на
<i>ōgrada</i>	—	огоро́да (двух.)
		словен. <i>ogrāda</i> (с новым удар.)
<i>ōdluka</i>	—	рус. <i>отлу́ка</i>
		слов. <i>odlōka</i>
<i>ōdmejna</i>	—	рус. <i>отме́на</i>
		словен. <i>odmēna</i>
<i>rȯzlata</i>	—	рус. <i>позоло́та</i>
		слов. <i>rozlāta</i>

Это случаи с краткостной приставкой.

А при долготных приставках, сохраняющих долготу
приставках, такого переноса не происходит. Я только
подтверждаю, что эту группу фактов я считаю перво-
ной. Но в современном языке очень сильно ве-
величилось и так может происходить перенос, но
в так случае приставка долготная переходит в
краткостной тип, получает краткостное ударение:

шт. <i>na'vada</i>	—	рус. <i>нава́да</i> , слов. <i>navāda</i>
(перенесенное, вторично)		

náuka — рус. нау́ка

názeva — словен. nazēva.

príjèvara — слов. prevāra

rázlika — рус. разли́ка
слов. razlīka

zábava — рус. забáва
слов. zabāva

zápara — рус. за́пара, слов. zapāre

Перейдем к а.п. (в).

Реконструкция самой а.п. в общем-то не представляет больших затруднений, но когда мы переходим к акцентной кривой этой а.п., то здесь ~~возникает~~ возникает несколько решений, и мнение здесь не сходится у различных исследователей. Надо сказать, что часто даже в русле единой концепции можно предложить только какие-то альтернативы.

А.п. (в) по-видимому возникла из неподвижной а.п. баритонизированной посредством переноса ударения с кратчайшего или циркумфлексированного балтославянского слова на следующий слог. Можно предполагать, что какое-нибудь žēnā первоначально было с ударением на корне: žēnā, а затем происходит процесс, который я называю законом Пилига-Стургея; Эбелинг и представители его школы называют законом Эбеля. Этот закон был обоснован посредством внешнего сравнения с балтийскими и другими индоевропейскими Пилигал-Стургея, поэтому, хотя предположение о его существовании было выдвинуто мной несколько раньше, он все-таки древнее, по моему мнению, называется его именем, поскольку закон такого рода древнее, по-моему не только имени того исследователя, который доказал существование, а не того, кто выдвинул предположение о его наличии. Это процесс. Сам характер этого процесса не очень ясен.

Вполне возможно, что это продолжение того процесса,⁽²⁾ который мы наблюдаем, в литовском — это изменение интонации циркумфлекса в восходящую интонацию, а потом дальнейший переброс ударения на следующий слог: $\text{—} \text{—} \rightarrow \text{—} \text{—}$.

Возможно, что это какое-то продолжение — или типологическое, или процессуальное, которое происходит в литовском языке, процесса, по которому циркумфлексная интонация, которая была нисходящей, первоначально, переходит в восходящую, а затем переносится на следующий слог. То, что такой процесс происходит, мы во всяком случае наблюдаем в славянском, — этому не противоречит наличие славянского циркумфлекса, так как славянский циркумфлекс зафиксирован лишь в формах подвижной а.п., а именно — в формах энклитика, и в сущности сравнение его с балтийским циркумфлексом не является корректным. Дело в том, что балтийский циркумфлекс не связан непосредственно с формами энклитика, с баритонизированными формами подвижной а.п. Он наблюдается как в подвижной, так и в неподвижной а.п. Славянский циркумфлекс, напротив, оказывается не связанным со старым балтийским циркумфлексом, потому что он наблюдается в формах энклитика, допускает в форме aitm, в баритонизированной форме подвижной а.п. как основ, которые восходят к циркумфлексированным

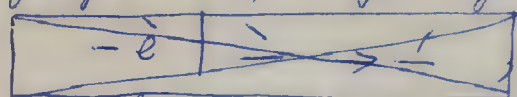
VII старая интуированная основа, ну, например, (3) dōlvu, где мы наблюдаем в славянском чаруцареле, в то время, как в латовском соответствии здесь наблюдается акут. Это известное правило Мейе, ~~но~~ по которому все имена подвижного типа со старой балтославянским акутом переходят в славянское чаруцареле. Это правило часто рассматривалось как результат аналогии подвижного интуированного типа типу чаруцарелецированному подвижному. Но если мы внимательно рассмотрим всю массу славянских имен с чаруцарелеком, то мы обнаружим, что такое количество имен, в которых мы должны реконструировать акут, исходя из теории происхождения балтославянских интонаций, предположений де Соссюра, то окажется, что в общем-то такая аналогия очень странная, потому что огромное количество имен (не менее сотни), где мы должны будем реконструировать или долгий монослог, или старый диглог с *и*-индифференциацией, или ларингалом, что хотел говорить в этих терминах, в славянском относится к подвижной парадигме и имеют чаруцареле. Поэтому я ^{бы} предложил считать, что в славянском ~~в~~ подвижной а.п. вообще в брито-интуированных формах ^{систематически и исчезло полностью} противопоставление между балтославянским чаруцарелеком и акутом, а та славянская интонация, которая называется славянским чаруцарелеком, является в сущности неким промежуточным аналогом безударности данной словоформы. ^(интонация) которая ~~имеется~~

есть лишь в ~~формах~~ случаях постановки этой
формы в сильную позицию, т.е. в позицию между
двумя паузами, и когда словоформа совпадает полно-
стью с тактовой группой в праславянской фразовой
системе. В тех случаях, когда тактовая группа более
широкого вида полагается, то ударно-интонационного ударе-
ния здесь просто не существует, а происходит перенос
ударения на предлог или же на энклитику:

zīmz - (собственное ударение), но
na' zīmz или zīmz žē.

Это свойство подвижной а.п. переноса ударения или
на предлог, или на энклитику является, по-видимому,
очень древним свойством. Оно отражается в целом ряде
явлений балтийского праязыка, собственно — в литовском,
правда, в значительно редуцированной форме, и,
может быть, является индоевропейским явлением. Во всяком
случае каждый шаг в исследовании индоевропейского
ударения приводит нас к выводу, что или ~~во всяком~~
~~случае~~, если не приводит к решающему ^{или} выводу ^{или}, то
накапливается факт, подтверждающий вот такую
характеристику данных форм. А если это явление
очень старое, то чиркумфлекс, который вошла здесь,
— это явление, совершенно не связанное с балтийским
чиркумфлексом, с литовским чиркумфлексом. Что
касается самого славянского чиркумфлекса, то он естественно
образом не мог сохраниться вот в таких формах
(žēna), потому что ударение ^{в тех случаях} переходило на следующую

царюмрелеса, устойчиве, сохранившиеся на том месте, где они были в балтославянском, — это формы конечные, формы окончаний, гонимый, родит, падает. Но как раз в подлинном падении в южнославянских языках мы обнаруживаем на данном месте не [всходящую] интонацию типа славянского циркумфлекса, а ^{исходящую} восходящую интонацию — новый акцент. Отсюда напрашивается вывод, что и в конечных позициях происходило перерождение славянской нисходящей интонации в восходящую, но $(-2 | \rightarrow \frac{1}{2})$ переобращавшиеся здесь ей на следующий слог было просто невозможно, потому что это позиция конечная, и следы балтославянского циркумфлекса здесь сохранились в виде восходящей интонации новоакцентированного типа. Но эта теория (в таком виде она кажется очень простой и ясной), она как раз приводит к очень многим затруднениям в характеристике характера ударений конечного и второго [от конца] слова в а.п. (в). Если мы возьмем, допустим, род. падет с какой-то реконструкцией долготы:

žēnū

то в данной форме мы все-таки не в состоянии о какой-то степени надежности сужать о характере ударения. Если ударение в типе žēnū мы можем восстановить как восходящее, то ^{вывод} восходящий характере этого ударения не может механически быть перенесен на а.п. (в), потому что в данном случае мы имеем

(?) ^{потребности} перенесение

ударение на следующий слог, поэтому уже на данной стадии реконструкции, зная место ударения

мы все-таки не можем гарантировать его характер, хотя даже то, что формы южнославянских языков и представляют нам в этом типе вот такую реконструкцию, но это явление может быть вторичным, поз. влиянием. Вот эти вот основ. Поэтому что вообще то говоря, вполне возможно при таком переносе, что данное форма получила не восходящее ударение, а какой-то тип нисходящего ударения. Далее, когда мы будем анализировать некоторые другие формы, мы встретимся с такими явлениями, которые как будто бы косвенным образом подтверждают мысль о том, что ударение, перенесенное такого типа (перенесенное с первого) слова, несшего на себе или краткое или циркулярное, ровное ударение), имеет ^{или имело} (существенно иной характер, чем ^{ударение} в этой, в подвижной а.п. Такие случаи, как будто бы подтверждающие это, обнаруживаются в удлинённых формах кратких окончаний, например, в безличном говоре если на окончании -оу подвижной а.п. (Род. мн.) мы имеем явление новое акута, то в формах оу а.п. (В) мы имеем здесь нисходящее ударение (оу). Может быть, эта объясняется словесный тип на -ота, который не может восходить к перенесённому ударению. Но эти два факта все-таки остаются не очень ясными, потому что здесь может аналогия форм с новым циркулярным.

Поэтому при реконструкции я во всех таких случаях анализа не являю, или я думаю, что неясно, я буду ставить перед вертикальной чертой $\frac{1}{2}$.

Я предлагаю следующую реконструкцию.

Имена и рода на -а.

Ед. И. ženà	Мн. И. ženŭ	Дв. И-В. ženě
Р. ženŭ	Р. ženŭ (2)	Р-М. ženŭ
Д. ženě	Д. ženāmz	Д-Пл. ženāma
В. ženě	В. ženŭ	
Пл. ženōjs	Пл. ženāmi	
М. ženě	М. o ženāxz	
Зв. ženō (1)		

① Вокализм *ženŭ* здесь перед ударением имеет ударение на конце. Так показывают не славянские летописи и памятники. Надо сказать, что во всем возможно, на фоне этой формы *ženŭ* (или *ženŭ*). Во всем случае в средне-болгарских памятниках, когда зв. фоне *ženŭ* (или *ženŭ*), то она оформляется вот таким способом *ženŭ*, т.е. *ženŭ* стоит с ударением, а форма сама не акцентуется.

② Здесь по-видимому все-таки новый акцент краткости, результат обратного передвижения с *ženŭ*.

О-основы и. рода.

Ед. И. dvorŭ (новый краткий)	Мн. И. dvorŭ	Дв. И-В. dvora
Р. dvorā	Р. dvorŭ	Р-М. dvorŭ
Д. dvorā	Д. dvorāmz	Д-Пл. * dvorāma
В. dvorŭ	В. dvorŭ	(не-хорошо)
Пл. dvorōmb	Пл. dvorŭ (с <i>ŭ</i> голым)	не-хорошо для реконструкции этой формы
М. dvorē	М. dvorēxz (ар. голым)	

Не-хорошо
свидетельств о

Ег. и. selò	Мн. и. selā ¹ (?) ①	Дв. и-в selē ¹
Р. selā ¹	Р. sēlv (новый август)	Р-и selū ¹
Д. selū ¹	Д. selōmz	Д-тв selōma
В. selò	В. selā (с той же авторитарной)	
Тв. selōmь	Тв. selū ¹ (с у воим)	
М. selē ¹	М. selēxz (с аргоима)	

① Мы не знаем, что здесь реконструировано — а долгое или краткое. Без основания и для той и для другой реконструируем.

Для i-основ хорошо зафиксированной, порочимый материал имеется только для акцентной характеристики слова куть и слова двери, но двери — всегда во мн. числ. Поэтому я выбираю куть и предлагаю следующую реконструкцию:

Ег. и. pētò (новый август)	Мн. и. (pētije) dvōri ②	Дв.
Р. pētī (не ясен характер краткого или воим.)	Р. pētījz	и-в pētī
Д. pētī	Д. pētīmz ③	Р-и pētōjz
В. pētò	В. pētī	Д-тв pētōma
Тв. pētīmь ①	Тв. pētōm (с новой август)	
М. pētī	М. pētīxz ④	

① Здесь над в, видимо сохранилось ударение, ибо в др. в сильной позиции. Во не время темный род в Тв. др. по-видимому (можно предположить, но нет пока никаких данных). *dvōzjz — здесь уже в слабой позиции, мог отходить и

- ② Такая форма в памятниках отсутствует.
 ③ Сохраняется ударение на *эре*.
 ④ Форма местного падежа по теории должна быть такая: *рѣтъхъ*, но то, что есть в памятниках, отклоняется от этого положения и дает — Возможно предположить такую реконструкцию *рѣтъхъ*. Вообще это не совсем понятно, потому что это все-таки силовое выражение. Но, может быть, и есть какие-то основания.

Купе всего обстоит дело с реконструкцией и-основ а.п. ⑤. Но и здесь можно ~~предложить~~ предложить более или менее убедительное построение аку. кривой. Возьмем *vòlvъ*.

И. <i>vòlvъ</i> (с ковки, ^{акт.гол.})	Мн. И. <i>volòve</i>	Дв. И.В. - <i>volŭ</i>
Р. <i>volŭ</i> (и-данное)	Р. <i>volòvъ</i>	Р-М <i>volòvŭ</i>
Д. <i>volòvi</i>	Д. <i>volòmvъ</i>	Д-Пл. <i>vòlvma</i>
В. <i>vòlvъ</i>	В. <i>volŭ</i>	
Пл. <i>volòmvъ</i>	Пл. <i>vòlvmi</i>	
М. <i>volŭ</i> ①	М. * <i>volòvхъ</i> ②	

① Здесь мы могли бы задать вопрос, что это и было должно.

② Меньше всего записывания *горя*. Можно предположить, что *vòlvхъ*, с *гор.* Но может быть и как *рѣтъ*: **vòlvхъ*.

Вот собственно предлагаемая реконструкция какого-то состояния, но я не уверен, что все правильно, которые я предлагал отнестись к одному и тому же ^{к.р. ~~слова~~} *сезу*. Дело в том, что с самого начала здесь наблюдается целый

ряд расхождений в реконструкции акцентных критериев. Во-первых, в парадигме а-основ. очень тяжелой проблемой является возникновение современного русского ударения этих основ: *жѣнѣ, жѣнѣ́, жѣнѣ́, жѣнѣ́, ~~жѣнѣ́, жѣнѣ́~~ ^{женѣ́, оженѣ́}*, но многие ственные *жѣнѣ, жѣн, жѣнѣ, жѣнѣ, о жѣнѣх*. Это расхождение на две полупарадигмы данной парадигмы является в общер-р до сих пор нерешенной проблемой русской исторической акцентологии. Уже в Чудовской Новой Завете, т.е. наиболее древнем памятнике, мы наблюдаем по крайней мере одну форму вот такого перехода, правда, лишь один пример: слѣ́ги. Пример о́вцы, имеющийся там, он является в общер-р исключительно для текста этого памятника, так как встречается в поговорке, включенной в текст самого памятника или писур, или переводном, и явно ритмического характера: не аки волцы а аки о́вцы. ^{Собственно,} из народного языка этот пример вышел, но это не свидетельствует о распространении этого типа в этом слове уже потому, что скорее всего это слово относится не к а.п. (б), а к а.п. (с), подвижной, где такое ударение было нормальным. Правда, это слово в самом тексте памятника издано строго по парадигме (б), но это явление уже вторичное. Так что это скорее пример а.п. (с), а слѣ́ги все-таки говорит о том, что уже в данный период возникает тенденция, которая приводит к современному состоянию. То, что современное состояние вторично — это не вызывает никаких сомнений. Но — из какого прасостояния оно развилось? И здесь предлагается альтернатива нашей реконструкции, по

которой первичности общеславянским, краславянским
 состоянием для данной группы основ — состояние некой
полуподвижной парадигмой, которая во мн. числе будет
 не *мѣи - мѣа*, а *žěny, žěnz, žepā'mz, žěny, žepā'mi,*
žepā'xz. Такое реконструирование в последнее время для
 предложено и развито в работе Силаренко. Он исследо-
 вал украинские памятники 16-17 вв и показал вот
 такой характер аск. парадигмы этого времени. Он считает,
 что та реконструкция, которая предложена мною перед
 этим, — с полностью конечным ударением, является
 результатом некоторого лишнего сопоставления двух групп
 форм, развившихся в результате разных условий. Это, во-
 первых, сербское ударение, где обобщение конечного ударения
 в форме *Ии-Вии* ^{или} связано с ^(отсутствием) противопоставлением ^я раздель-
 ному падежу ед. числа, потому что в Род. возникло
 долготное окончание и собственно эти формы (форма
žěne Ии. мн. и форма *žepē* Род. ^{ед.} ~~так~~ в крашотовацком)
 — собственно это противопоставление было уже изначаль-
 ным, так как форма Род. п. отличалась от Ии-мн-Вии
 уже долготой окончанием, и противопоставление ударения
 здесь было не нужно, а аналогии всех остальных форм
 приводила к тому, что форма И-В получила оставшие
 основы. В сербском это противопоставление было лингвиро-
 вано в результате изначальности самого противопоставле-
 ния и давления остальных основ, а в древнерусском
 данное ударение является по-видимому чисто искусствен-
 ным. Это мн. церковнославянскому по происхождению то

VII имевшим основания в живом языке. Тут-то (12)
возникает вопрос — это же такое церковнославянское
ударение? Оно не является болгарским, древнеболгарским,
потому что, как мы увидим, ударение в памятниках того
же периода среднеболгарских сочинений иное. А своего реконстру-
цию он строит на основании памятников украинского
и сопоставляет их с русской ^{известной} тенденцией, которая возни-
кает в этот период и проявляется довольно хорошо
в памятниках 16-17 вв., когда такие формы встречаются
довольно интенсивно в русском языке. И, наконец, он
указывает на ударение им. числа этих основ в болгарском
языке. Надо сказать, что среднеболгарские памятники в
отдельности поддерживают связь с болгарским языком.
Среднеболгарское ударение этих форм значительно ближе
к современному ^{русск.} болгарскому, чем древнерусское — к со-
временному русскому.

Эта альтернатива все-таки имеет один серьезный
недостаток — это то, что ударение им. числа все-таки
не полностью с т. зр. отужей теории. И непонятен
характер интонации в данном случае. По видимому,
она должна быть типа нового акцента, потому что никако-
го переноса не предположи в памятниках в этих не
наблюдается, во всяком случае он крайне редок. А
тогда мы должны предположить какую-то раннеславянскую
реконструкцию ударения, условно которой остался все-таки
неясным. Но полностью отбрасывать от возможности
(рассмотрения)
такой реконструкции, я думаю, не следует, потому что

того рода отступлений, т.е. встречаются тексты, в которых род. ед. в этой группе основ тот же, получающий ударение на корне: жѣну. Так это возможно при каких-то типах очень ранней ретракции мы должны учитывать.

Теперь о второй, более сложной группе проблем, связанной с реконструкцией Ва. п. имен на -о.

В свое время Стангом была предложена несколько иная реконструкция этих имен. Для основ на -о м. рода отличия, которые предполагал Станг, наблюдалось только лишь в Местном п. мн. числа. Он предполагает не dvogěxъ, а dvogěxъ. Это предположение строится на основании выдвинутого им закона (закон Станга). Закон этот заключается в том, что ударение с внутренних и конечных (по-видимому) долгих фиксированных слогов переносилось на предшествующий слог, при этом на предшествующем слоге возникала новоявленная интонация: dvogěxъ < *dvogěxъ. Это предположение строится на том основании, что в памятниках 16 века, 16-17 вв. в древнерусских, наблюдается варьирование ^{фр.ч.} гворѣхъ и гво-рѣхъ, холодѣхъ и холодѣхъ и т.д. Причем это варьирование чисто лексическое. Это вещь не очень изумительная и непонятно, с чем его соотносить — фонетическое это явление или это явление — влияние каких-то болгарских dialectов. Это первая группа dialectов, на которые опирается Станг. Вторая группа dialectов — это dialectы Юго, северо-кавказских dialectов, где тоже наблюдается это ударение: dvogěxъ.

Станг, однако, не учитывает того факта, что там, в этих диалектах такое ударение — тоже лишь вариант и так же часто встречается и другое ударение dvorik с новым акцентом. Причем, как мы потом подробно рассмотрим это ударение, можно видеть, что здесь действовало очень сильно аналогичное. Вот совершенно эти факты и можно было бы привалить с большим основанием факты петавского диалекта, где ~~есть~~ такие формы рецидивов — это все факты, которые приводятся Стангом для реконструкции этой акцентной кривой. Надо сказать, что эта теория в таком виде выглядит менее обоснованной, чем если ее рассмотреть с т. зр. всей фонологии Станга. Дело в том, что если в этих основах данной теории кажется несомненно приведенным, то при реконструкции системы ударения петавского она оказывается все же недостаточной, во всяком случае альтернатива ему (для непронизованных основ петавского диалекта) не может; в производных не действует совсем другое правило. ~~Затем~~ Между законом Станга и законом Кринкина получается какой-то принцип дополнительности; иногда ^{удобно} ~~пользуются~~ пользуются тем, а иногда — другим законом. Может быть, этот принцип дополнительности действует и в самом языке.

Если принимать действие закона Станга, то, может быть, следует изменить реконструкцию данной акцентной кривой и в других формах. Так, например, Instrum. dvorik. Мы знаем, что здесь долгота. Если

на этой дороге для циркулирования, но мы вынуждены (15)
 будем тогда либо реконструировать первоначальное, т.е.
 общеславянское созвучие в Пв. мн. так: dvòry.
 Аналогично в жен. р. мн. числа: dvorì > dvòrì.
 Естественно, что тогда нужно будет перестроить и реконструи-
 рую жен. р. ед. ч. а-основ: žèny. Такая форма
 встречается в памятниках, но она не очень хорошо раскре-
 плена. И Род.-м. жв. мы должны будем вот так
 реконструировать: žèni, т.е. по той же самой причине
 отпадения ударения. Это очень сильно должно изменить
 реконструкцию о-основ с род., где во мн. числе мы
 должны будем предположить: П-В sèlā, если мы
 предполагаем долгие а и при условии, что мы предпо-
 лагаем ^{и-а} циркулирование на конце; Пв. sèly, м.
sèlaxz и Р.-м. жв. sèli. i-основы, вероятно, не
 очень подвергаются той закономерности, если только
 жен. р. ед. ч. не долготен, а в и-основах мы должны
 будем предположить жен. р. ед. ròli, показыв. ròli

Вот так изменяется реконструкция, если мы при-
 нимаем закон Станя. [Возникает вопрос — что показывают
 текст? Текст в большинстве случаев никак не показыва-
 ют — очень бы впрямую. Можно предположить, что ко-
 нило выравнивание в ряде случаев.]

Теперь та альтернатива Станя, которую я предла-
 гаю. Это закон Крайника.

Я думаю, что очень рано, скорее всего в краснявс-
 ком, хотя франк очень раскопаны, работы и не очень

VII по которому какое-то ударение с внутреннего и (16, конечного долгого (скорее всего это ударение — циркулярное, ^{переносилось на предшествующий долгий,} нисходящее). Почему я говорю — скорее всего циркулярное, нисходящее ударение? Уже потому, что при конечном новом акценте или при последующем новом акценте очень рано в красавиценом начинает действовать тенденция — а может быть, даже это был закон, — сокращения предшествующей долготы. В свое время я пытался показать, что согласуются графы верхнелужицкого языка в старых памятниках и вот графы ^{юмьтх сербохорватских} ~~юмьтх сербохорватских~~ гуляцков. Когда стоит новый акцент, то предшествующая долгота сокращается и какой-нибудь звѣхъ с новым акцентом — вот здесь уже очень рано, я думаю в красавиценом период ~~то~~ не было долготы, а была краткость, т.е. сразу долгота сократилась. В то время как в а.п. (в) мы наблюдаем сохранение этой долготы, но происходит устранение вот этого типа отношений — — (долгота и следующая долгота с ударением), т.е. мы имели, например, гдѣсѣхъ (это а.п. (в)) ^{такое ударение!} \rightarrow гдѣсѣхъ. Но при этом в этот период сохранилась форма дриного типа: дворѣхъ (с кратким предшествующим). Вот такое распределение — это то, что кадетно прослеживается по всей хорватской области и словенско-кайтакской области, а также в старых текстах, в текстах Кривича. Как мы увидим потом, ...

Если такое состояние было в какой-то период, то получилось, что а.п. (в) у ряда основ раскололась на два подтипа в зависимости от долготы или краткости (от количества) предшествующего гласного.

VII Такой раскол акцентной парадигмы мы (17)
наблюдаем в равной степени в различных языках и
наименованиях. Но основан ср. рода он наблюдается в
средне-болгарских текстах, правда, прослеживается только в
Им-Вик мн. числа. Какие-то следы этого раскола, по
видимому, наблюдаются в древнерусских и в среднерус-
ских наименованиях, и, может быть, вот эти колебания
типа дворѣхъ - дворѣхъ в древнерусском, во всяком
наличии ^(2-х вариантов) и дальнейшей аналогии с этих ^{двух} ~~вариантов~~ вариантов
Потому все же я не думаю, что явление в диалекте
Криванца и во всех хорватских диалектах - какое-то
новое явление, уже возникшее в поздний период?
Дело в том, что эта закономерность в диалекте, в
текстах Криванца настолько пронизывает всю структуру
языка, что без ее учета как-то кажется трудным
объяснение очень многих соотношений в этой систе-
ме. Какие это соотношения? - Дело в том, что
такого рода распределение там происходит по всем
системам. Ну, допустим, много. В ^(отличительных) аналогах на -i,
образованных от основ а.п. (в), мы наблюдаем
очень характерное распределение: служили, но
постижи (постъ - поста). Это есть то же самое
распределение. Ну, может быть, это вторичное явление
системы, но ~~мы~~ мы можем посмотреть другое рас-
пределение: допустим, в причастиях на -ах, от
писахъ будет писанъ, но скресахъ. (от скресахъ ^{многократн.})
с краткостью). Все эти явления в причастиях, очень
характерные по закону Криванца в его

диалекте, они имеют очень сильный отклик, или можно говорить о точном соответствии как с древнерусским, так и со среднеболгарским материалом, где мы наблюдаем аналогичные явления. И для одной, и для другой группы основ в древнерусском (допустим, в Чудовском К.З.) мы должны предполагать такое же типа распределение. И по-видимому такого рода распределение мы наблюдаем в целом ряде ятков. И тогда мы приходим к такому выводу: или мы будем объяснять все единообразно при помощи одного этого процесса (а распределение совершенно тождественно и в тех, и в других формах), или же мы должны будем каждый раз искать какие-то другие объяснения совершенно одинаковых явлений в системе яткы.

Удобнее все-таки, мне кажется, здесь не отходить от этой закономерности; во всяком случае она дает массу преимуществ при классификации акцентных систем. Но если мы сразу можем сказать, что древнерусская, сербохорватская и хорватская системы Крижанича относятся к типу, где прослеживается закон Крижанича, в то время как среднеболгарская восточного типа прошла ряд инноваций по сравнению с ней, т.е. там вот этот тип ^(послѣдний) перешел уже в ряд с ударением на корне. Аналогично ведут себе некоторые другие сербские диалекты. Вот такие вот внешние, не относящиеся непосредственно к самой акцентной системе и тем самым заставляющие строить реконструкцию на основании закона Крижанича, на основании такого

VII процесса, который как будто он во всяком случае (19)
начал действовать очень рано. А в этом случае
нужно будет, значит, предполагать различные формы для
долготных и краткосрочных случаев.

Понятно, что такое закон Кримашича, можно по материалам его работ. Я сразу приведу выдержку некоторых материалов. Мы остановимся там на слав. п. лн. 7. м. ряда. Его распределение очень характерно. Допустим, мы берем в а.п.: возьмем далослосные основы — в этом ставике и краткослосные. Для сравнения приведем формы а.п. с.

в а.п.

Далослосн.

Им. лн. Крали^① (=Крали) —
Краляехтрѣди^② — trûdech^③пѣти — пѣтех^④woiakî — woia^кech^⑤kloviki — klovî^кech^⑥хервѣти — Cherwâtech^⑦

Краткослосн.

na dwoгѣch

torogî

ргѣ torogѣch

коньи конуѣch

свидокъ свидо-
кѣchw'zlwotѣch
(Dam. zlwotâ)~~Краткослосн.~~

с а.п.

дрѣги — дрѣгѣch

сѣни — сѣнѣch

Lêsi — Luscѣch

mъmъ — mъmѣch

wъkl — Bпкѣch

глѣси — глѣсѣch

① Далосла в памятниках Кримашича — только предположительно. Эта форма может быть написана в рукописях и другим способом: Крали с акцентом или Крали с запиской. Обе формы — из "Грам. иск."

② Также может быть написано с акцентом, и с запиской.

③ Форма из "Полирика". ~~тоже~~

④ Перегруппировка форм.

⑤ Форма тоже из "Полирика": пишется акцент и облик не обозначается далосла. " " "

Особенность этого переноса — то, что он касается довольно молодых, потому что аналогичным же предвзвизная ударения подвергаются и слова, в которых они редуцированы после долготы:

СВѢТЦИ ("Поим. сог.")

— М. мн. свѣтцех

Им. ед. ПОУДѢТОК —

М. мн. ПОУДѢТКѢХ

~~Это очень легко сравнить со словами краткословного типа:~~

Аналогично, как и в первой группе (долгословных), здесь присутствуют имена с редуцированными:

коцѣ — коцѣх

Послѣ — послѣх

допсѣ — допсѣх

Характерно, что это различие, это распределение проходит только в а. н. (в). Оно совершенно не характерно для а. н. (с) в этой группе. (См. табл.) Для всех этих примеров характерно, что они долгословные первоначально, тем не менее в них закон Криваша не действует. Чем это объясняется?

— Характерно, что в этих случаях никогда не пишется знак долготы, следовательно, имевший в этой а. н. был в безударном положении сокращенным и рассматривался как краткий. Чем это объясняется? — По-видимому, правилом устранения долготы перед новым акцентом. В этом случае очень рано, по-видимому, даже

на праславянской уровне долгота, предшествующая
 ему (новому акценту) сокращалась. Можно привести еще
 ряд примеров, ^{в тех формах,} в которых это действие закона могло
 протекать очень рано, рассмотрим, а потом перейдем
 к новым формам, вторичным. Дело в том, что само
 это правило распределения кажется очень противоречивым:
 с одной стороны, оно охватывает явно новые образования,
 с другой стороны, оно кропикает в такие элементы структу-
 ры диалекта Крайянига и согласуется в них с
 аналогичными ~~и~~ распределениями в других славянских
 языках. Такая особенность этой закономерности приводит
 к выводу, что закон начал действовать довольно рано,
 но он продолжал существовать как живое синхронное
 правило на всем протяжении развития данного диа-
 лекта и вообще на всем протяжении развития
 хорватских диалектов до 17 в. Или, может быть,
 он прекратил свое действие несколько раньше, но
 распределение осталось функционировать и было
 таким живым синхронным правилом языка.

Сейчас мы рассмотрим целый ряд других
 падений и увидим, как так это развивается.

Тв. мн. м. рода

А приведу сначала те случаи, которые относятся явно
 к старым образованиям.

И. мн. кра́льи — Тв. мн. кра́льи

мн. вѣгъри — Тв. вѣгъри, т. е. совсем не то, что у нас
 в реконструкции.

ја́рни — Тв. ја́рни

Из суффиксальных образований:

Нѣмци Тв. Нѣмки

Клѣнци Тв. Клѣнци

Јѣрки Тв. јѣрки

Вот вам примера тв. н. для краткосложных основ.

Ич. Орлѣ Тв. Орлѣ Здесь долгие ударение в
Послѣ Тв. Послѣ тв. н.

Отцѣ Отцѣ

Овнѣ Овнѣ

Огнѣ Огнѣ

Концѣ Концѣ

Новѣ Новѣ

По-видимому единственно отмеченный [пример] единственная форма тв. н. такого типа от а. н. © является бывшая долготная [основа]

зѣбѣ Тв. ич., как видите, здесь переноса не происходит. (Ич. зѣбѣ).

Вот в этом случае, который я сейчас приведу, — в тв. ич. на =і= это распределение должно быть вторичным, явно вторичным, потому что в а. н. © как будто бы в тв. ударение должно быть всегда на корне, независимо от того — краткосложными или долготными основы были. По реконструкциям там полушлого dr̥ezьmi < dr̥ezьmi (ударение, стоявшее на в, должно переходить на предшествующий слог) Вот такая должна быть картина.

И такое ударение показывает Гудовицкой Новѣ

Завѣтъ, бапареши паиетники и сѣрбѣши.

В диалекте Крыжанича, в рукописях его, мы имеем совсем другую картину. Мы имеем, действительно,

<u>Долгосложные</u>		<u>Краткосложные</u>	
Им. грѣхи	Тв. грѣхми	Им. воли	Тв. волми
кльѣчи	кльѣчми	конь	коньми
пѣти	пѣтми	левъ 'львъ'	левми
крѣви	крѣвми	топоръ	топорми ¹
И вот как будто бы от [первоначальн. краткосложного] слова как раз ДВОР (Им. мн. дворѣ) будет исключение дворѣми. Но это исключение объясняется тем, что в диалекте Крыжанича, как, впрочем, и в других с.-з. диалектах, это слово идет с удлинненной основой (дворѣ), т. е. оно точно подги- дается этому закону.		'мѣ'	Мѣстѣ ²
		Постолъ	постолми
		свидокъ	свидокми

И вот как будто бы от [первоначальн. краткосложного] слова как раз ДВОР (Им. мн. дворѣ) будет исключение дворѣми. Но это исключение объясняется тем, что в диалекте Крыжанича, как, впрочем, и в других с.-з. диалектах, это слово идет с удлинненной основой (дворѣ), т. е. оно точно подгибается этому закону.

Следовательно, в этой категории [краткосложных основ] ударение совпадает с тем ударением, которое собственно было первичным в а. н. ©:

Им. гради	Тв. градми
кнѣзи	кнѣзми
мѣти	мѣтми и т. д.

[Т. е. акцентные формы краткосложных основ (в а. н. вторичны, это новые формы].

1) В "Политике" [Крыжанича]. Явно парадигма (в)

2) Нет у меня в материале Им. мн.

Вот вам другие новые формы

Ред. мн. на = оу = о = основ:

Долгосложные

Ред. Грѣхов (Им. Грѣхи)

Крѣльев (Крѣльи)

Авѣров (я уже привел эту
форму с удлинением
= о =)

Блѣдов (Ред. ед. Блѣдѣ)

трѣдов

пастѣров (пастѣри)

господѣров (господѣри)

Таких форм можно дать очень много.
Не буду приводить их все, для приме-
ра какой-нибудь многосложный:

В то время как в краткосложных (В) а. п. уда-
рение идет своей чередой: на окончании:

Волѣв (Волѣ-были)

левѣв (левѣ-были)

коньѣв

палошѣв (Им. мн. палошѣи)

тесѣѣв

торогѣѣв

Можно привести еще массу примеров, и могу
заверить, что закон действует без исключений. В
то же время как а. п. (С) в первом долгосложном
будет иметь ударение на окончании.

влакѡв (влѣци)

знакѡв (знаки)

синѡв (форма, где это ударение явно первично)

(Им. мн. сѣни - вторично морфологически; это =и- основа)

Ну, тоже можно привести массу примеров такого рода, и везде мы будем иметь одинаковое соотношение ударения так при долготонах, так и в краткотонах.

Круг формы шутя рода основ на =о= (и частично здесь на =и= представлено) [не ограничивается только] шутя родами. То же самое относится и к сред. роду. Вот местн. [мн.] ср. рода:

Долготонные
Лѣцех (лѣцѣ)
Чѣсех (чѣсло)
мѣтѣх (*мѣто)
Пѣсех
сѣкнѣх

Но! Краткотонные
селѣх zelѣх
плѣсѣх

В Им.-Вин. [мн. ч.] сред. рода.

Вот здесь мы встречаемся с очень странными таинственными явлениями, которое может свидетельствовать уже о том, что закон Криница не был ^{уже} дионетическим, а скорее ^{был} морфологическими таинственными законами. Ну, вот, рассмотрим теперь дионет долготонные:

Долготонные
чѣсла
крѣла
лѣца
мѣта

Но! Краткотонные
Белѣ
steklā
plecā
pera

мы падали бы тут [в краткосложных] долготу, да-
готное ударение, и тогда это распределение совершен-
но понятно. Но мы имели у Кримашига это окон-
чание краткостное (все заударные долготы у Крима-
шига сократились, следовательно, оно краткое автома-
тически, но и ^{во-вторых} здесь оно краткое). Вот все распределение,
которые мы сейчас.... [перевели вопросы]

Аналогично дв. ч.

Им. дв. лица [долгосложные]
крѣли

Большие формы в текстах я не нашел.

Но [краткосложные]

сели
плещи
бедри

Ну, здесь мы встречаемся с тем же, что и во мн. ч.,
но в данном случае мы можем уже точно сказать,
что здесь ^{по-видимому} распределение прошло уже чисто морфоло-
гическое, ^[в краткосложных] потому что это окончание было краткослож-
ным с точки зрения позднего общеславянского и в данном
случае перетекла донетическая уже действовать нам уже
во не могла.

Это наиболее характерные примеры для имени,
но данное распределение всё-таки достаточно широко
распространялось за пределы этой группы имен. Хотя
там примеров просто меньше, потому что меньше
позиций было. Вот любопытной позицией является
Род. мн. ч. жен. рода с пролепившимся или вторичным
Ъ. Здесь мы можем наблюдать это распределение, но

оно явно должно быть морфологическое.

Долготные

Ред. ин. лāдај 'ладй' (или лāдја)

ѣстен (или ѣстан - написано без ударения).

зāнак

Все это еровые позиции или даже позиции явно вторичные.

Тогда когда краткослогные будут

Ред. ин. петāль (петльā)

сестāр (сестрā)¹

слѣтāб (слѣтбā) - не отмечена долота, без долоты, т.к. подвижный тип, просто сокращенный тип.

dasōk

bojēn

Это распределение явно морфологическое и должно было возникнуть уже как результат развития системы.

Это распределение, с одной стороны, как будто и очень новое и в то же время затрагивающее довольно старые образования, оно встречается в виде реликтов и в других формациях и диалектах. Можем хотя бы... (вопрос Дардена)* [взять] ютного-наветий (о. Хвар). Здесь также распределение очень хорошо проходит в Редит. ин. Q-основ. Там мы имели:

¹ [9/3] Сестра, допустим. Здесь ѣ не было, вторично возникает и устанавливается уже механически ударением на а... Мы видим, что вторичный долготный, возникший даже из ѣ в закрытом слоге гласный, передает ударение на предшествующий слог

* Ответ на вопрос Дардена (Тискаю) об ударении в именной форме основ (в) а. п. с краткосемянью.

„Я думаю, что сам перенос ударения на предшествующий слог может и не означать данной закономерности, потому что нет достаточно большого материала, который бы говорил о том, что намеренное ударение в этих основах позднее. Хотя некоторые материалы есть, но они не очень надежные. Иначе, я думаю об ударении именных форм класса ©. Распределение, именно сербское распределение в классе ©, по которому только краткосемянный [тип] имеет конечное ударение, а долготные имеют намеренное ударение (с акцентом или исходной долготой) и являясь результатом действия этой закономерности.

Первичная система была та, кот. мы встречаем в русенском, восточнославянском и в болгарском и в кашубском тоже распределение, аналогичное восточнославянскому. В среднеболгарском наблюдается то же самое: там не зависит от долготы. Следовательно, само перераспределение которое мы наблюдаем в южославянском диалекте и вообще в с.-х. диалектах, само распределение произошло уже позднее, после соответствующих изменений, когда конечное ударение стало всегда долготным и с этого долготного перетягивалось на предшествующий [слог]. Этот процесс я отношу к данной закономерности. А вот вообще преобразование конечного ударения в приматазических а. п. (в), ну, во всяком случае, пока, на данной этапе я предпочитаю объяснить при помощи закона типа закона ^{50-го} Шохистова.

В а.п.

Долгословные

gríkov
hajdúkov
jarúkov
klobúkov
bolesníkov
zapovidníkov

Это новонаучное
ударение, которое
здесь встречается.

Краткословные

volóv
čepóv
(Большое количество
неи)

Аналогичное распреде-
ление будет в а.п. ©:

© а.п.

brodóv
cvitóv
daróv
listóv
sudóv
vratóv
vukóv
zečóv
sinóv
mihóv

Несколько странным распределением, можно сосре-
диться к тому же, в этом же диалекте в Мест. мн.
основ сред. ряда. В общем-то это не Мест. там уже, а
скорее Редит., это [гориз] не = ih:

Долгословные

vīnīh (vīnīh)
črīvīh (črīvā)
dlītīh (dlītā)
sednīh (sōdnā)

Краткословные (кратко-
в самом диалекте это не краткословные
краткость):

darvīh (darvā)
caklīh (caklā)
odnīh (odnā)
putīh (putā)
stegnīh (stegnā)

Сокращение ^{уже} явно вторичное, но
тем не менее сама краткость в
данным случае и закономерное рас-
пределение ударения характерно.

С. Палетая: Оно что опять изменилось?

Жидо: Оно просто вошло по др. диалектам. Оно вошло. Создалась зако-
номерность: если краткословный

корень в каких-то определенных формах, то ударение будет
в определенных формах не конце. В то время как в формах
с долгими корнями ударение на конце.

С. Палетая: Неужели там долго могло действовать это правило?

Дядо: Это вот очень странно. Тем не менее создается такая ситуация.

С. Молотая: А когда примерно сократились эти долготы в этих диалектах? Ну, это ведь, наверное, не так...

Дядо: Ну, это она уже действовала как морфологическая: достаточно большое количество слов, которые подчиняются ^{вот} определенной ^(а. типу) определенной а. схеме, а. кривой, ^{приходит к тому, что и} другие слова сразу не подчиняются... механически.

Когда-то, когда =и= было даным, было ritih, а потом -и= сократилось и стало ritih.

Пример из другой диалектной области. Это беднянский говор ^[кайновский]. Там очень сильно всё стерто обратным переносом новых нисходящих долготных ударений к началу слова, но там не менее вот хотя бы в ред. ин. о-основ. это распределение очень хорошо прослеживается хотя в виде дублетных пар.

Долгословные
kröljev¹⁾
plōster 'пласов'
gespedōrev и т.д.

Краткословные
kenjāv 'кеней'²⁾
veljēv 'волос'
sperjēv 'споров'
pežjēv 'печей'

Появление циркуморфизма в данных позициях — явление любопытное.

1) Сновыми ацутами: 'коралей' (ред. ин.).

2) Есть и такое ударение: kenjāv, но такой вариант циркуморфизма [как] kenjāv [с долгими нисходящими ударениями] — только у краткословных [основ] присутствует.

А в парадигме © наблюдается любопытное расхождение:

klosijēv (нов. ашут)

mestijēv

grodijēv

mižijēv

vrogijēv

По-видимому, в тех случаях, когда было краткое ударение (краткотный слог под ударением), то удлинение его механически вовсе не приводило к восходящей интонации. Тут, правда, может быть влияние а.п.©. В неподвижном типе появляется не новоашутская, а новоциркумфлексовая [Тешко передвигает вопросы...]

Речь идет. Вот я сейчас поподробнее.

В слове *volovъ было какое-то ударение [мы не знаем какое по происхождению], но оно не было перенесено с ъ. А в слове *supovъ было [известное нам] ударение < *supovъ, новоашутское, т.к. оно получилось в результате переноса с ъ. [Так было] в а.п.©, а возникла она в результате ^{переноса} ~~переноса~~ ударения с ъ. Следовательно, оно было ^{перенесено} ~~перенесено~~ перенесено. [В слове *volovъ] мы всё-таки не знаем, какое оно было; при удлинении здесь появляется циркумфлексовая нисходящая интонация. Под каким влиянием? Как? Точно фонетическим это путем? Старая точка зрения, обывная точка зрения, что краткое ударение внутренних [слогов] как только оно удлинилось, оно должно было давать новый ашут, ашутский тип нового ашута. Но здесь мы этого не наблюдаем.

Если мы примем, что в словесных диалектах действительно вот такой [новей^{ше}й ~~ауде~~ ^{ударение}] в кратких основах вовсе необязательно результат переноса в подвижной а. п., то мы объясним очень многие явления в словообразовании.

Можно привести еще целый ряд таких случаев, но нас в данной ситуации интересует больше всего вопрос: как же соотносится данная закономерность с тем, что предполагал Станк в позиции Местн. мн. 4. Он ссылается при этом на материал токатского диалекта Novi. Но внимательное рассмотрение этого материала показывает, что в сущности там всегда присутствуют ~~два~~ в а. п. ⑥ (так в кратких основах, так и в долгих) оба варианта: с отнесенным ударением и с ударением на окончании.

[Остановимся на этом подробнее в следующий раз]

Предлагаю закон Криваша и закон Стама.

Для доказательства своего закона Стам в основном опирается на материалы чачакского диалекта Novi. В основном он приводит материалы по Мест. см. 2. и считает, что такая группа франтов [как]:

Лок. мч. krövīh rörīh (краткослозн.); brěstīh (долослозн.)

Эта группа франтов считается периферийной

Ум. ед. kröv rör brěst (с нов. акут. и)

Род. ед. krōvā rōrā brēstā

Отсюда естественно для него и формулировка своего закона: в данном случае с внутреннею циркулированной ного слога ударение переносилось на предшествующий слог (krövīh < *krōvēxh) в виде нового акута краткости или нового акута долготного.

Я напомню, что я предлагаю другую формулировку, собственно, другой закон — закон Криваша. Я считаю, что здесь [в краткословных основах] ударение не переносилось первоначально, а здесь [в долгословных] с внутреннею и конечного долготного слога переносилось на предшествующий долгий, собственно всегда в виде нового акута.

Дело в том, что наряду с этими вой формами [krövīh, rörīh] в диалекте Novi наблюдаются их варианты krōvīh, rōrīh. brěstīh с совсем другим ударением, и варианты к этому слову тоже есть

что для однослотных основ (ставших однослотными) был потерян в этом диалекте первичный принцип распределения гласи и к каждой из гласи построены варианты. Я думаю, что все эти вот гласи первичны [долгослотно. типа brēstih < brēstih; краткослотно. krovih, perih], а эти варианты построенной brēstih, krovih. Чтобы решить вопрос о первичном распределении, необходимо найти какое-то положение, в котором ^{какое-то} следы этого распределения сохранились; в данном случае такого распределения нет. Такие положения, по-видимому, в диалекте Novi существуют. Прежде чем перейти к ним я напомню также, что и в подвысших основах, [то-есть а.п. ©], в Novi существуют те же самые варианты, т.е. от какого-нибудь

vōž (Ред. vōža) — Лок. мн. vōžih и vōžih (он и Мес. мн. и (краткослотно. основы) Ред. мн. [в Novi])

vlās (Ред. vlāsa) — Лок. мн. vlāsih¹ и vlāsih.

(долгослотно. основы) имеют также те варианты с полуданной: Близ слышал здесь что-то короткое, чем обильная долгая).

1) Видимо все-таки в этой позиции долгота первично сокращалась, потом она все-таки восстанавливалась в диалекте Novi, но все-таки восстанавливалась в каком-то контролируемом виде.

Где же все-таки ^{можно} обнаружить следы старого распределения?

По-видимому, не можно увидеть в многослотно-ных основах. Здесь наблюдаются следующие факты.

От краткослотноных гласи: konorih konorih

- тоже с вариантами.

Но в многосложных основах, конечный слог которых долг, наблюдается совершенно местная смена:

koláčĭh, gospedáčĭh, težáčĭh, medoríčĭh ... и т. д. (материал довольно большой). Я слов привожу Белиз, и это он специально отмечает. Я это не отметил: у них ударение на конце точно такое же, как в бел. (Лос.) ил. у односложных, т. е. типа bréstĭh.

Если рассмотреть ~~эти~~ эти формы, то возникает предположение, что вот это ударение [koláčĭh...] явно первичное, эти формы (kopörĭh) немотивированы аналогией многосложных форм и, следовательно, должны быть рассматриваемы как первичные, а эти (kopörĭh) возникли по аналогии.

К аналогичному выводу приводит еще и Мест. и Ведаг. ил. от подвижных имен, ^{тоже} многосложных. Там мы также имеем две наклонения [слов] — с конечными и предпоследними ударениями, распределенными в зависимости от долготы или краткости предшествующего слога, а аналогичные формы, формы, возникшие по аналогии, настолько иного типа, что, собственно, не поддаются на данную смену. Вот примеры.

[Краткос.] sokolĭh
prstenĭh
korenĭh

Но

golúvĭh [долгослогн]
kutá'ĭh
korákĭh
malénĭh

К ним тоже есть приставленные добавочные формы, но

это формы с начальным ударением (потери подвижности):

sòkolīh, pr̥stenīh и gòlūvīh, kūhāgīh...

Вот видите: эти формы, эти варианты не намечаются на систему предшествующую и не затеивают её.

Они просто строятся в результате тенденции к потере подвижности у данных основ. В данных формах уж никак нельзя усмотреть действие закона [Станна].

Такими образом, в диалекте Novi в тех случаях, когда мы имели дело с какими-то распрямлением, эти распрямления указывают на регуляцию по закону Кривянича, а не по закону Станна.

Можно привести также пример Ред. мн. другого числа — основ на -b-, которые также совпадают с тем, что мы имели у Крижанца.

Ред. мн. kosāc ^[краткослобн.] имеет вариант тоже kōsac

и с долготой основ — svétac 'светил', здесь вариант нс.

Такое распределение опять говорит нам о том, что вот эти формы [kosāc, svétac] исконные, а эта [kōsac] пристроенная форма.

Я не помню, прошлый раз я приводил пример аналогичного, совершенно аналогичного поведения таких же форм, только без этого [пристроенного] варианта в диалекте Крижанца.

Ред. мн. (от Нѣмци) — Нѣмец В то время как

(от Отцѣ) — Отѣц, аналогично

(от Новѣцѣ) — Новѣц

[Нѣмец] соответствует [stétac], а [Отѣц, Новѣц] — [kosāc].

Попробуем распространить этот закон, который мы сейчас занимаемся только в пределах сербо-хорватской области, на другие языки.

Для доказательства своего закона Станг опирается на словенскую [а] парадигму слова könj, которая дает: слов. könj, Инстр. z könji < [$*könjĩ$]

Лок. na könjih < [$*könjĩxъ$].

Как будто бы всё ясно: закрытый \bar{Q} в данном случае говорит о новой акценте кратности и, следовательно, свидетельствует о том, что в данном случае не новая оттяжка ударения, а старая. Отсюда мы должны были бы реконструировать: $*könjĩ$ (Инстр) $*könjĩxъ$ (Лок.). Но это довольно единоконная основа, которая, в общем-то, небезупречна для сравнения. Во-первых, это лишь вариант, который очень рано ассоциируется и связывается во всех славянских языках с \bar{i} -основанием, где была иная а.п. и где в а.п. (в) мы бы должны получить две тв. паг. könjōti и во, по-видимому, könjōxъ.

И почему так? Понимаете, так памятники дают. Может быть... в фр-рус. дается поутъхъ. Это символический, конечно, \bar{j} . Возможно были кони, кони, кони - кони, может быть кони - кони. Это не совсем ясно. Может быть, это выравнивание какое-то. Так дают памятники, и.б., это вторичное выравнивание.

Во-вторых, это одна из немногих основ а.п. (б), в которой Ред. пад. однослотный в словенском: koj (Ред. ин.). А Ред. пад. имеет способность в словен. тенденцию определенную взаимодействовать с Лок. И кроме того, это ударение не единственное в словен. Потому что там существуют и другие формы, где внешнее а.п. (а) еще более интенсивнее. Это с новыми циркумфлексами а также формы, которые свидетельствуют о конечном ударении. Это форма, приводимая Валевцем - koj с открытым o - свидетельствую вторично. ^{переноса} ударения. Если закрытый [гласный], то это первичный перенос - и новый акцент, отражение нового акцента. [А открытый гласный показывает] вторичный перенос, возможный еще в тех диалектах, которые показывают еще перенос ударения.

И, наконец, тут можно обратить внимание [на то], что шел аналогичный процесс, по которому все конечнударенные формы Лок. получили окончание = ek, а окончание = ik как раз характерно для парадигмы (а), хотя оно и первично с точки зрения донетической.

Так что основа koj подвергалась очень сильным влияниям и морфологической перестройке. Однако и в других языках ^{все время} koj дает какие-то отклонения, какие-то ненормальности. Мы с ней ведемся еще

в словенском, где она может идти по долготному типу, или по неподвижной парадигме.

Если же мы посмотрим вообще, как в словен. языке отражается а. н. (в) от основ м. р., то мы увидим, что там совершенно четко разделяются основы долготные и основы краткосyllные. Краткосyllные полностью, за исключением И. ед., идут по типу, продолжающую а. н. (а), т. е. если а. н. [слова] klēv : [здесь] в И. ед. краткосyll, потому что аут в И. пад. сокращается. В долготных же аут не сокращается, поэтому мы имеем grēh. В словен. слова а. н. (в) с долгим корнем полностью идут по а. типу, который полностью продолжает а. н. (а), т. е. а. н. аутированных имен. За исключением И. ед., где формы а. н. (а) отменяются имен, восходящих к долготному типу а. н. (в), т. е. klēv - старый аут (а. н. (а)), он сократился, он сокращается в конце слова регулярно, а новый аут [grēh] не сокращается в конце, т. е. получает [а. н. (в)]

долготный рефлекс. Во всем основном ~~отличии~~ а. н. этих слов совершенно тождественны. При этом. мест. пад. вот этой всей группой долготных имен получаем, как правило, регулярно рефлекс нового ^{или аут} аута. Это развитие, по-видимому,

недрометическое. Я думаю, во великом случае, пока не будет доказан френетический характер этого процесса, нужно считать его недрометическим, а морфологическим: Это замена ~~старого~~ референса нового акута, но замена довольно-таки регулярная. Она проходит по всей словообразовательной системе очень жестко и в системе а. парадигмы.

Следовательно, для слова gréh будет меж. мн. gréhik вместо *gréhik. Конечно это дологично, я не настаиваю на этом. Но этот процесс совершенно регулярен и в других группах имен, в словообразовательной системе и в глаголе.

Аналогично слово, допустим,

králj - krâljik	} Это норма для а. н. (a) и долготного типа а. н. (b).
gréh - gréhik	
dél - délík	
ključ - ključik и т. д.	

В то же время краткосложные основы имеют две места. понижающие формы с м. акута:

gòrd - gozdéh	}
gròv - grovéh	
kòl - koléh	
ròd - rodéh	
stòl - stoleh	
dvòr - dvoréh	
vòl - voléh	

Здесь мы видим, собственно, то же самое распределение, что и у Криваша, за тем исключением, что в долготных основах замена ~~старого~~ нового акута новыми циркумфлексами, характерное для словенского.

Аналогичное конечное ударение имеют формы а. н. ©, независимо от того, предшествовала ли там ~~окончанию~~ долгота или краткость. Как мы видим, [это] то же самое, что в диалекте Критянина: предшествующая долгота просто напросто сокращается: možéh¹ (mōž 'муж'), vlaséh¹ (vlās 'волос') — долготные [основы]; noséh (nōs), vozéh (vōz) — краткотные [основы].

(1) Долгота здесь сокращается перед новым акцентом. Перед н. акцентом, по-видимому, оглушается (поскольку просеивается и в зап.-слав. сокращается предшествующая долгота...¹ **Т** Но же самое мы встречаем в Ред.[ин.]ня = ов, ана-

логичная картина той, которую мы наблюдаем в диалекте Критянина. Здесь наблюдаются и варианты. Ред.[ин.] от ^[старинн.]долготных основ ^(а. н. ©)естественно, идет по типу а. н. (а), поэтому нормальные рефлексы будут:

[Долготные]

grēkov

kljūšev

krāljeŋ

но и здесь, в данной группе основ встречается некоторое от того типа, т.е. сохранились нов. акцент. Наблюдаются варианты krāljeŋ — с нов. акцентом.

В то время, как краткотные имена а. н. (б) имеют формы, тоже соответствующие критянину:

groboŋ возможен } groboŋ

stoloŋ вариант } stoloŋ,

где открытое о свидетельствует о вторичной отъяске, т.е.

Т Если бы эта долгота существовала в момент действия закона Критянина, то должна была быть перетянута ^(ударение) В данном случае и в долготных основах, правда, там довольно рано перетянута было вообще ударение, но тоже ведь мы можем говорить о том, что современные примеры не могут ничего дать для доказательства

это уже донетические варианты из тех диалектных групп языка, которые проводят дальнейшую оттяжку ударения с конца.

По-видимому, система, аналогичная словенской и кашанско-кайнавской диалекту Криваша, существовала в том или ином виде до перекрестия и существует сейчас в некоторых диалектах, где это перекрестие новейши передвигали ударения не произошло, — в кашанских диалектах, во всей, собственно, кашанской области. Для характеристики наиболее раннего состояния этого ударения можно взять примеры, приводимые Вильке из ~~текста~~ книги 1752 г. издания, диалект кашанский. Он совершенно ясно указывает на наличие, собственно, на регулярное наличие короткоударных форм в Мест. им. а. п. © от краткосложных основ. В то время как...

Вашпароти гаём

krové'h posté'h volé'h posté'h [краткосложные основы]
в то время как от долгих засвидетельство-
вано oltácher. (больше у меня не выписано, по-
видимому, Вильке не выписал из текста).

Аналогично и в Ред. мн., где у него представле-
ны формы oslov', poslov', mozolv', volov' — краткослож-
ные а. п. ⑥. Формы, совершенно совпадающие с — и в
Лестн. и в Ред. мн. — совпадающие с та^{же}кими формами
а. п. ③ — конечнотударенные.

Эти примеры значительно расширяют область
действия закона Фришмидта, но, чтобы показать
его праславянскую, а не южнославянскую область
действия, не южнославянское происхождение, следует
привести другие факты. Я думаю, что очень большое
значение для доказательства праславянской древности
этого закона является словинский материал.

Так же, как в словенском, в словинском долготные
имена а. п. ⑥ и. р. полностью удовлетворяются именам
а. п. ③ и, следовательно, имеют накоренное ударение в Вен.
р. нз = ou, в Instr. р. = i и Loc. р. нз = ex. По списку
Лорентца так именуются имена: vi'k grěx, ključ, króuv,
šćid, ščit, vóusä ('уа), т. е. известный набор долготных
имен а. п. ⑥.

В то время — как имена краткосложные а. п.
⑥ совпадают с подвижными а. типом и дают конечное
ударение в этих формах: от vóuv — Вен. р. vovöu,
Loc. р. vovjěx; от žid — Вен. р. židöu, Instr. židi, Loc.
žäzěx.

Такого [же] акцентовую имеют имена
[краткосложные]: dröurd, dvör, sněor, vóuv и др.

В сущности, исклечение из этого распределения составляет слово конь, который идет как долготный тип и совпадает с теми показателями, которые дает словенский.

Такое распределение, ^{(по-видимому,} достаточно убедительно показывает об очень старом, едва ли не праславянском, скорее всего праславянском действии этого закона (оттяжка ударения с долготы на предшествующую долготу). Надо отметить, что на это указывают и многие другие моменты. Дело в том, что в мажорной системе и в словообразовании мы тоже не сможем понять многих явлений, если не исходить из этого закона, из этой закономерности, и рассматривать эти явления или как прямое отражение древнего процесса или как морфологическое преобразование уже под действием сдвинутой в результате действия данного процесса системы. В любом случае мы должны ^{уже} тогда будем принимать наличие или уже сдвинутой системы в результате действия этого закона или уже самого этого процесса в данных языках (я говорю здесь о восточнославянских языках, где мы наблюдаем многие распределения в области мажорной, мажорной системы, словообразовании мажоры).

Но что же получается дальше в южнославянской области? Мы сейчас вышли за пределы южнославянских языков, а тем не менее любопытно, где

же этот закон...; исчез ли он, и почему, вой допустить, в итогавском и в посавском мы наблюдаем несколько иные соотношения.

Пут я должен ^{всего} прежде всего вернуться на несколько лекций назад к тому самому процессу перетяжки нового циркумфлекса (ударения с новочиркумфлексированного слова) на предшествующую краткость. Я говорю, что область действия этой закономерности охватывает всю итогавскую территорию, южнотогавскую территорию и посавскую. Так вот если основываясь думать, что в этой области произошло сложение двух процессов, что и привело к тому, что мы имеем в посавском в Мест. [ин.], — наиболее характерны именно посавские формы, — следующие пары:

na kōñt¹ — ukāvt². Данные факты посавского диалекта, и, в. с. самая сильная была бы опора для закона Станга. Здесь имеется как бы регулярная [передвигая ударения]. Но в посавском действует закон оттяжки ударения с предшествующего нового циркумфлекса на предшествующую краткость. Более вероятно, что в данном случае мы имеем дело со следующими двумя процессами:

Здесь процесс под действием закона Фришмана ukāvt̃h > ukāvt̃(h). А здесь kōñt̃h > kōñt̃(h) мы [на длинный слог] [на краткий слог]

можем иметь негнетическое преобразование, которое

¹ Конечное = h здесь выпадает.

в посавском диалекте очень часто ^(и заменяет...) ~~исчезает~~ ^{и переносит на} ~~новый~~ ^{новый} ~~акцент~~ ^{акцент}, который в посавском диалекте очень часто ^(просто) ~~изменяется~~ ^{и переносит на} в циркумфлексовую интонацию, — или достигаются путем или по аналогии, подобно процессам типа Редит. [ин.]. $\text{Körît} < * \text{korî't}$.

Собственно, это необязательный в данном случае процесс, просто можно предполагать, что в этом диалекте данные формы стали расцениваться как формы с долготным ударением после краткого слова, а они устранились в целом ряде слов по закону переноса ударения с новочиркумфлексованного ^(долготного) слова на предшествующий краткий.

С. Жалтая: Это то, что называют старонормальной ретракцией?

Дыбо: Да.

... Я даю, что какое-то долготное ударение переносилось на предшествующий ^{неважно} ~~долгий~~ [т.е. nikāvīk]. Но, что здесь циркумфлекс, это ~~сам~~ ^{сам} нов. акцент возникает только в результате ретракции с конечного слова на предшествующий, но здесь не должно быть нового акцента, — — — — — , но в то же время ~~уже~~ ^{уже} внутренне ~~его~~ ^{его} в Ред. и Месч. [ин.] краткословных ветвей, хотя бы в словенском. Является ли это морфологическим, или морфологическим переносом нов. акцента из а.н. ©? М.б. и является. Это требует, по-моему, дальнейшего исследования. Во всяком случае, в ряде случаев (я показывал на примерах [из диалекта] Xvā-

ра) как раз здесь встречается циркуморлекс. На предыдущей лекции я приводил пример Мест. падежа сред. рода, где здесь появляется циркуморлекс. Но, собственно, характер интонации для данных рассуждений просто не очень важен. Было бы совершенно доказано, что здесь была циркуморлекс (такая особая) и что она в шюнакво-посавской области просто совпала с новым циркуморлексом, и там получила такую ретракцию. Правда, даже в посавском диалекте такие перемены... если в Мест. падеже нег противоречащих форм, то в Тв. мн. как раз наблюдаются формы, которые как будто бы еще сохраняют ^{какие-то следы} регулярности по закону Критюмича.

Я приведу пример. Ударение он [Швиши] всё-таки недостаточно хорошо описывает в посавском диалекте, несмотря на большую статью в двух томах Kad-a. Всё-таки это довольно большая область, и он берет ^{из каждой местности} небольшое количество форм, и определенных форм просто не хватает. Поэтому я даже вынужден вторично называться. В данном случае я говорю это.

Он даёт: Тв. мн. s kōn't и варианта s kōn't — вот этот вариант можно рассматривать как сохранение старого состояния.

В то же время без варианта дает spōžē.
 Я должен оговориться, что pož, конечно, с точки зрения
 праславянского языка краткосложная основа, но
 в посавском диалекте она выступает с далгие
корнями. И она-то не имеет варианта, так что
 здесь как будто сохраняется распределение по
 закону Кримашича. Во многих, в ряде, в общем,
 формы, вторичных, просто можно не возмущать
 позиций действовавшего закона Кримашича, там
 действовала та самая старомосковская
 ретракция ударения. Я имел в виду Ред. мн.
 на =ov, где посавский диалект дает

vōtōv(a) [краткосложная основа], но
 [далосложные основы] pōžēv, в варианте с от-
 менутым ударением — в тех говорах, где на-
 блюдаются вторичная ретракция ударения,
 заведомо вставлено также — plāstov (это
 не новый акцент, это просто восходящее ударе-
 ние, возникшее в результате новоторжковской
 ретракции, охватившая диалекты тех
 районов), т. е. это < * plāstōv (можно пред-
 полагать такую форму ^(в диалектах, где наличествует форма plāstov).
 В данном случае
 мы видим, что распределение это типа старо-

штонавского распределение Ред. поф. типа 'корыто' [kòryto]. Здесь просто к моменту возникновения этих форм закон Кривошмига уже не действовал. Этим объясняется и штонавские аналогичные пары, где (я уже, по-моему, приводил эти формы) будет:

vòlōvā [кратк.] | ^{но} dēlōva [долгое]

Любопытно различие между штонавскими и посавскими в ударении Глг. - Вил. мн. ч. сред. рода. Штонавский показывает распределение по староштонавской рефракции ударения, как будто бы, я не настаиваю на том, что это диетическое явление, т.е. мн. в штонавском языке

[краткослоптн.] | [долгослоптн.]
[штонав.] sēla | vīna (< vīnā)

т.е. тут только рекурсивна по староштонав. типу при краткословном ударении переносится с окончаний [на слог вперед], при долгословном оно сохраняется окончанием [vīnā], а долгая форма [vīna] возникает по новоштонавской рефракции ударения.

В то время как в посавском [гилеам] классическую форму, которой пользовались классические анцимолы

[краткослоптн.] | [долгослоптн.]
[посав.] sēlā | krīlā

Здесь действуют оба процесса: как должно бы классическое

дывается Законом Кримашира и эта вот штоповская рефракция.

Для сравнения я могу снова напомнить формулу из Кримашира: бедра но крыла.

Здесь в результате разного объема действия того и другого процесса получились совершенно противоположные отношения между штоповскими и Кримаширскими. и объединяемая картина в новосовской.

Можно, пожалуй, привести примерок из штоповского, где как будто бы наблюдается чистые отношения по закону Кримашира, но они неминуемо пересматриваются. Это Ред. лн. ой шенка = 666 (или = 6K =):

[краткослоном]
Р. лн. kosáca (kosác)

но
[длиннослоном]
vīāpācā⁽¹⁾ (эта форма
очень похожа на то, что
мы имели в Novi
(svétac)

То же самое в диалекте Кримашира:

отāц

Нй-мек

И этот результат замены нового ашута, который в новоштоповском потерян и давлению долгие мискодиции ударением. Здесь просто редукция нового ашута. А здесь [kosác, kosācā] — штоповские неизвестно какая была, просто даются ударением. В данных спорных случаях вполне возможно

есть на $=a=$, мы видим, что в этой форме [kosa'ca] ударение не переходит на $=o=$, но по-видимому, возможно, это вторично, ^(старее, все-таки, конечно) вторичное процесс перестройки ударения по аналогии с другими [формами] такого морфологического типа с ударением на форманте Редук. пар. [en]. Эта форма перестроенная, но явно перестройка её и отделение от этих [долготных] форм произошла в результате возникновения самого различия по закону Криталича или, во всяком случае, как-то морфологическое следствием действия этого закона.

То, что это перестройка не поздняя (долготность ретракции ударения), это показывают диалекты со староштокавской системой ударения, т.е. с системой чередующейся, диалекты, в которых новоштокавской ретракции не произошло. Например, типерейи говор (с предшествующими долготами).

[долготн.]

Ил. ед. добѣт'а^к

Ред. ед. добѣтк'а^у

Ред. мн. добѣт'к'б'а^а

[краткосл.]

Ил. ед. удовб'а^ц

Ред. ед. удовца^а

Ред. мн. удовб'а^цб'а^а (2)

Я не буду приводить ср. примеры, Ред. мн. строится совершенно механически.

(1) Это старое ударение.

(2) Это показание Ред. пар. эта перестройка довольно старая.

Это, кстати сказать, и было, по-видимому, причиной того, что старонорманская рефракция не затронула. В то время как в посредстве где такой перестройки не произошло, мы имели совершенно однообразную картину. Там будет:

Р. ин. kōsās(ā) и vṛāpās(ā)
 [краткосим.] [долготн.]

Здесь явное выравнивание, наложение процесса.

7. V. 74.

10 лекция

После прошлой лекции коллега Дарден указал на одно слабое место в моем объяснении и сказал, что его не убеждают примеры из словесного. Аргументация его сводилась к следующему. Поскольку долготные слова акцентной парадигмы (б) просто слились с типом (а), с а.п. (а), то говорить о действии закона Кратея здесь просто невозможно, так как эта парадигма просто совпала, произошла перетяжка. Ну, вот возьмите слово грѣхъ (здесь был новый акцент) — (а.п. (б), долготный тип):

грѣхъ
грѣхъ́
грѣхъ̀
и т.д.

} происходит
оттяжка ударения
на долготу и полурегулярно →

грѣхъ
грѣхъ́
грѣхъ̀
и т.д.

Произошла оттяжка на долгий слог, и вся а.п. в целом, весь ^{этот} подтип а.п. (б) сливается с типом а.п. (а) (чѣкъ, который был, по-видимому, в праславянском сокращен, т.е. с кратким ударением, затем происходит удлинение: в чѣка будет уже долгота; тип сливается). И вот этот процесс: грѣсѣхъ, эта перетяжка с окончанием на предшествующий долгий могла входить в этот процесс, т.е. это просто старая перетяжка с конечных или предконечных слогов на предшествующий долгий. И в том и в другом случае, когда было краткое ударение конечное, и когда было какое-то долготное ударение — и в том, и в другом действовал один и

тот же закон — закон оттяжки на предшествующий
 долгий. Это, конечно, замечание совершенно верное. Примеры
 типа словенского, так же как и словацкие примеры, могут
 служить очень сильным аргументом против действия
 закона Станга. Т.е. если бы закон Станга действовал
 в данных позициях в праславянском, то и краткостной
 тип имел бы оттянутое ударение в местн. п. мн. числа,
 но такого мы не обнаруживаем: в местном падеже суще-
 ствует конечное ударение в краткостном типе. Эти приме-
 ры я привожу. Следовательно, если мы исходим из
 того, что с каких-то внутренних слогов долготное уда-
 рение, с долгих слогов, следовательно, перетягивалось
 на предшествующий слог, то эта перетяжка могла
 происходить только в долготном типе а.п. (в), хотя
 этот процесс и был перекрыт затем вторичным процессом
 оттяжки ударения на долгий с любого слога, ~~и~~ только
 в этом типе, так как в краткостном типе мы видим
 на примерах, которые я привожу раньше, что такой оттяж-
 ки не было. Что касается самого словенского состояния, то
 его можно объяснить двойным способом: или исходя
 из состояния, построенного на законе Крижанича, или
 исходя из состояния просто неоттянутого ударения. И в
 этом случае мы должны будем объяснить словенское
 состояние ^(в последнем случае) как состояние, вызванное действием одного
 какого-то закона фонетического, и, видимо, между тем,
^{в каких-то моментах} объяснить одним законом не можем — все же как
 можно меньше процессов по аналогии. Значит, мы
 или введем один закон, одну закономерность, или поможем

которого создавалось это состояние, или же будем (3)
предполагать, что это состояние было создано двумя
процессами — процесс, закон Кривянича и процесс давлени-
я оттягивания на долгий ударение с конечных отк-
тых слогов, закрытых и т.д. Здесь сравнительно
встречается с довольно трудной проблемой. Когда два
закона действовали в одном направлении, то разделить
их бывает очень трудно, а иногда даже ~~не~~ невозможно.
И момент доказательства двух ^{различных} законов или одного,
работа в этом направлении — это, конечно, поддается
менее строгому доказательству, менее строгому анализу,
чем просто подара фактов в лоб. Здесь Но, по-види-
мому, что-то сделать можно, и эта возможность
вытекает из того, что если мы хотим работать
в рамках, в терминах зонального закона,
то мы должны построить этот закон так, чтобы
позиции, в которых он действовал (зональные позиции)
были ^{максимально} ~~максимально~~ общи и максимально различны, т.е.
если мы вынуждены для одного и того же закона
выдвигать две различные позиции, то в этом случае
скорее всего мы имеем дело с двумя законами.

Посмотрим, что произошло в словенском — действительно
ли можно так же эту проблему разрешить [исходе ...],
ограничиваясь формулировкой оттяжки ударения на
предшествующий долгий слог. Во-первых, тут сразу
возникает вопрос, + какое ударение, с каких позиций
это перетягивалось; любое ли ударение в словенском
перетягивалось на предшествующий долгий

Существует достаточно фактов, чтобы утверждать, что этот процесс не был всеобщим, а был ограничен определенными позициями. Эти факты следующего рода. Во-первых, небольшое отступление. Если 0-основа а.п. © в диалекте Криванга, в области кайкавской, ближайшей к словенской территории, выступают как слогосокращения, т.е. там долгота не указывается ни в кайкавском диалекте, ни в диалекте Криванга, то основа ж.р.о. четко делится на долготы и краткоты. Они не сократились ... Тип *glāvā* в Им.п. в кайкавских диалектах будет все-таки долготой, в отличие от *pozā*, которое здесь выступает как краткоты. То, что здесь сокращение не произошло — это в общем-то вполне понятно, т.к. сокращение долготы в подвижной парадигме, как я уже говорил, скорее всего затронуло в большей части случаев от наличия нового акута в конце слова: перед новым акутом долгота предшествующая сокращалась по-видимому еще на праславянском уровне, позднеславянском. В *glāvā* в основах муж.р.о. не было таких форм было очень много, т.е. фактически все формы, в которых имелось конечное ударение, были с новоакутовым конечным ударением, долготой, в то время, как в типе *glāvā* мы имели целый ряд форм, в которых ударение конечное было краткотым: Им. пад., Дат. мн. *glāvāmъ* (поскольку это уже сокращалось, акут сокращался очень рано), Творительный *glāvāmi* и множественный *glāvāxъ*. Старая долгота здесь сохранилась. Этот тип, следовательно, четко делится и делится сейчас в

кайканском диалекте, делится у Крижанита на два подтипа — краткотипный и долготипный. По-видимому то же было в словенском в период перед ретракцией ударения, поведшей к совпадению обсуждаемых типов. Эта ретракция разделила тип подвижной акцентной парадигмы тоже на два подтипа. В результате дальнейших процессов отпадения ударения словенская область разделилась на несколько диалектных зон, в которых существуют, если посмотреть на карту Словении, зоны с сохранением ударения на конце в словах типа žepà и т.д.

Еще большая территория занимает зону с бывшими редуцированными, в которых сохраняется ударение на конце (типа màglà), ^{где вообще цели} центральный район ^{закреп} некоторыми ударениями. Вот в этих диалектах тип а.п. © краткотипного типа имеет следующий вид:

Бг.	Ил.	horà	Мн. И.	horè
Рог.		horè	Р.	húsr
Дат.		horò	Д.	horàm
Вин.		horò (с переданным удр.)	В.	horè
Пл.		horó (с восход. удр.)	Пл.	horâmi (с новонацрк.)
И.	Зв.	horò (с краткотипным удр.)		horàh

Это — _____
_____ диалект.

Собственно здесь видны основные процессы в этой а.п.
— произошло следующее: циркулярное ударение переместилось на следующий слог во всех формах энклитика, т.е. в Вин. ед., Им. мн. и Вин. мн. Это передвинутое ударение. В Тв. ед. о́ из -ори слышлось, дается восходящее ударение; в Тв. мн. (X) — специфическое словенское перерождение митонации в новой циркуляре, а остальные все формы показывают то, что мы можем наблюдать, т.е. ~~то~~ конечное сокращенное ударение, старое в большинстве случаев (генитив — эо, конечно, особый вопрос). Следовательно, эти диалекты показывают, что ...
В то же время тип долготный — так перемещенные ударения. В долготном типе произошла перетяжка: к'ава и т.д. Кроме форм Вин. Тв. ед. Им. Вин. мн. [Т.е. каменные такого рода диалектов в словенской области свидетельствует о двух явлениях: во-первых, это долготный тип и краткосильный тип подвижной а.п. в словенском языке имелись в разное время, т.е. передвинутое на долготу произошло по-видимому, значительно раньше, чем передвинутые на краткость в тех диалектах, где передвинутые на краткость осуществлялись. И второй, довольно важный факт — это то, что ~~эта~~ вот эта вот передвинутая, чисто словенская и кайкавская передвинутая циркулярной митонации формы энклитика на следующий слог происходила раньше ретракции ударения в словенском. Т.е. раньше возникли долготные конечные ударения. Вот основное свидетельство, что передвинутые ударения в долготном типе подвижной а.п. — это тот же самый процесс, который повсюду ...

собой совпадение долготного варианта а.п. (в) у (7) о-основ с акцентным типом (а). Это то же самое по-видимому.

Интересно проследить, как на этой группе основ проходил тот процесс. В современном словенском литературном языке - это довольно стертая категория, произошедшая масса изменений по аналогии, но если мы обратимся к памятникам, допустим, 18 века, то мы обнаружим следующее. Мы переходим к долготному типу, как он отражен в памятниках?

Памятник 1731. (Zilj) дает следующее форм:

Зг. И. gláva (это означает ^{уже} просто место ударения).

Р. разбор форм: имеется форма типа glàve с оттянутым ударением и также glàve с другим знаком ударения. И очень часто, значительно чаще, чем такое ударение встречается форма glàve (в основном с таким знаком ударения) с перетянутым ударением. Особенности поведения генитива с перетянутым ударением капошникает кая о камен проблеме - генитиве было краткое или долготное окончание? Так вот здесь мы видим долготное окончание.

Вик. Если без предлога, в этом памятнике рекурсивно (это исследование Дилла - он исследовал целый ряд словенских памятников где того, чтобы установить вопрос передвижки ударения, но не этой передвижки, а передвижки на следующий слог) в Вик. будет конечное ударение glavo' и glavo. Там же с.

предлога, то будет ударение на корне: na glávo. (8)
Это объясняется еще праславянским явлением: когда происходила передвинка, то в данном случае ^[(без предлога)] передвинка происходила с корня, а в этом случае оно переходило с предлога (потому что ударение оттянуто на предлог) и передвигалось на следующий слог, так что все совершенно закономерно.

Тв будет всегдa glávó.

Мест. na gláve.

Мн. число . Мн. glávè . Всн = Мн.

Тв. gláváti.

Уже то, что мы здесь видим, намекает нам на некоторые особенности данного процесса. Процесс происходит в кошкнати́вѣ, т. е. с ^{от} ~~открыт~~ ^{ого} ~~открыт~~ слога с кратностью, ~~е~~ ^е ударение ~~не~~ перетягивалось на предшествующий слог.

В локативѣ тоже конечное ударение краткосложное с откры- того слога перетягивалось на предшествующий. Историци- талис, * правда, — не очень характерная форма, потому что здесь, как мы видели, появляется новый циркумфлекс.

Но во всяком случае мы видим, что новый циркумфлекс с внутреннего слога на предшествующий долготный слог не перетягивался, т. е. долготное ударение не перетягивалось. Формы другого типа можно взять из другого слова — гика. Это слово не очень хорошо, потому что оно имело тенденцию совпадать с краткосложными типами: о и о везде. Но здесь действительный мн. пока́т, тв. пока́ти и мест. пока́ш. (и)

Мог иметь дело с диалектом, ^в который в этих (9) позициях ударение оказывалось постоянно оттянутым. Но можно найти другие диалекты, в которых как будто бы... вот памятники из угорской Словении как регулярно показывают как раз и в этих позициях не оттянутое ударение. Я не буду приводить все примеры. Этот памятник 1848 года - Новый завет. Там ударение в дат. будет чока́т и мес. чока́ј и глава́ј тоже с конечным ударением.

Следовательно, памятники словенского языка явно показывают на то, что процесс оттяжки ударения на долгий слог не действовал совершенно автоматически, а действовал лишь в определенных позициях: оттягивалось конечное ударение, в конечном слове, и, возможно, в большинстве диалектов оттягивалось в конечном закрытом слове уже после падения еров. краткое ударение. Что касается долготного ударения, то ни новое словенское ударение (т.е. ударение в вин. п. ед., в им-вин. мн.), ни новый циркумфлекс в позиции тв. ^{или} надежа ^{оно} на предшествующий слог не оттягивалось. Если случаи вин. ед. и вин. мн. — это случаи спорные, потому что ударение первоначальное передвигалось, и мы вряд ли вправе предполагать сохранение долготы: может быть, передвинка осуществлялась и при том долготы терялась, (это тоже можно предположить), то здесь вот ситуация более ясная. Во-первых, кашкавские диалекты показывают, что при новациркумфлексной метатонизации долготы предшествующее не меняется — там на долготике гасо

перетягивается ударение с внутреннего циркуфлексуса, (10)
а если краткостный слог, то оно сохраняется в этой
позиции. Ясно, что это ударение, конечно, не могло...
Ну, во-первых, эта метатоника произошла уже до процесса
ретракции, т.к. иначе это ударение должно было перенести-
ся, если оно перетягивалось с внутренних слогов.

Значит, мы можем здесь сделать следующий вывод.
Или ударение долготное новоциркуфлексусное не перетягива-
лось на предшествующий долгий слог, или ударение с
~~долготное~~ внутренних и краткостное тоже не перети-
гивалось на предшествующий слог - оба вывода здесь кратко-
меры, и они действительно оба правильны, потому
что мы можем привести другие примеры такого же рода,
показывающие, что с внутренних слогов ретракции перво-
начально не было - ни долготного, ни краткостного уда-
рения. Этими примерами могут служить, во-первых,
инфинитивы долгословных глаголов а.п. (в), т.е. мы
имеем ряды с *kācati* (вторичная форма) словесных
вариант *kažāti* с неперемещенным ударением;
ряды с *gīvati* имеем *gīvāti*. Так же
piśati ряды с *piśati*. То есть это все глаголы
типа (в), которые в презенсе имеют новоакцентовое
ударение. И здесь следует предполагать предшествующую
долготу, она засвидетельствована в кийавских диалектах,
и, наконец, она совершенно жестко канонизируется из
внутрисловесных фактов, из других форм, допустим
причастие на -ап для этих глаголов канонично.

То же самое в шаголах на -i. Мы имеем ударение hvalíti (акс. тип (б)), klatíti, ljubíti и т.д.

К такого же рода примерам относится суграи образова-
ния женского рода от имен мужского рода а.п. (б), т.е.
от таких слов, как králj: — ~~králjica~~ с сейчас приме-
няемым накоренным ударением во всех формах будет женский
род králjica с ударением на суффиксе; řivác,
тоже бывший тип (б) с новым акцентом, всегда накорен-
ным ударением, будет řivarica; kovác 'кузнец' —
kovarica, в то время как от основ а.п. (а)
будет ударение всегда на корне: měsica 'месяц' от
měs (а.п. (а)). Также непереносимое ударение часто
сохраняется в словосочетаниях: víno — vinógrad (сохраняется
старое ударение то же самое, что и в ~~вероятно~~).

Ну, и наконец, мы можем встретить аналогичные вещи
в именах с ^{долготными} приставками, где мы имеем какое-нибудь
národ, но род, и дальше naróda.

Все такого рода факты свидетельствуют о том,
что по-видимому процесс отпадения ударения на
долгий был ограничен определенными позициями: он
происходил с конечных открытых слогов и, возможно,
во всяком случае в большинстве случаев — с
конечных слогов, ставших закрытыми в словенском
языке, причем ударения, которые перемещались, были
краткосильные. Что касается долготных ударений, то
мы видим, что долготные ударения типа перемещенных
циркуляционных ударений чисто словенского происхожде-
ния не перемещались обратно не долгий слог в сло-

венском (если мы рассмотрим кайкавские дия- (12)
лекты, то там мы встретим такого рода перетяжки,
но это уже более позднее). Не перетягивались ударение
восходящее, вновь возникавшие в результате контракций
различного рода. Наконец, не перетягивалось ударение
внутреннее, а если мы рассмотрим родительные падежи
долготы с препозицией, с долготными приставками, то
мы увидим, что и конечные долготы ударение ново-
цирициферицированного типа не перетягивались на
предшествующий слог. В этом случае, если мы хотим
сформулировать единый закон возникновения вот этого
типа ..., который бы объяснял совпадение акцентного
типа (в) - долготы с а.п. (а), то мы должны будем
его формулировать следующим образом: в какой-то
период в словенском отпадалось краткое
конечное ударение закрытых и открытых слогов, а
также ударение долготное, которое возникает в
позициях, когда оно сохраняется, как восходящее, т.е.
очень похоже на новый акц., ~~котор~~ Этот тип ударения
перетягивался на предшествующий долгий слог, т.е.
мы явно должны будем ввести два различных типа
позиций и два различных типа ударения, в которых
~~приводится~~ приводилось вот это вот отпадение.
Очевидно думать, что в любом случае мы имеем дело
с двумя различными фонетическими законами: в одном
случае это просто отпадение краткого конечного уда-
рения на предшествующий долготный слог, а в другом случае
это отпадение какого-то долготы, внутреннего или конечного

ударения, которое ^{ое} отличалось определенным образом, (13)
а может быть, не отличалось вовсе от нового акута
и которое отличалось не долготный слог в тех
случаях, когда этот долготный слог не сокращался, т.е.
не в а.п. (с), а в а.п. (в). Даже если этот процесс
происходит одновременно, то сама структура самого про-
цесса, его фонетическая обусловленность разнотипными позици-
ми говорит о том, что это два процесса, и сам
момент, сколько времени проходило между этими двумя
процессами и где и этот промежуток — это ^{в сущности} Гневанийо.
Сравнительная грамматика имеет дело только с относи-
тельными хронологиями, но поскольку она имеет дело
с результатами уже, а не наблюдает процесс в
действии, то, естественно, мы видим это в искажен-
ной перспективе. Эту перспективу мы только устанавли-
ваем в виде определенной хронологической интерпретации.
Но я должен все-таки предупредить, что это доказатель-
ство, это — все-таки менее надежный случай, чем те
случаи, когда мы имели дело с разнонаправленными
процессами, не накладывавшимися один на другой.
Кроме того, если мы будем дальше рассматривать
такие распределения типа долготного ударения на
конце, то мы встретимся с позициями, когда ока-
жется, что это распределение и эта перестановка
долгого на долгий обнаруживается уже в тех позициях,
в которых вообще не обнаруживается отливка краткости
и ударений. Т.е. если мы видим, что какое-нибудь

(14)

kazáti, ^{(кириллицей,} существует вот в такой форме, то, допустим, пригласие на -ан ж. рода будет всегда kázana, т.е. всегда с отменным ударением. В им. п. будет kázan. В то же время в краткостном роде будет имено здесь конечное ударение и в им. падеже — восходящее: česán, česána при совпадении кириллицей: česáti.

Почти та же самая проблема стоит и перед словниским доказательством, но там, может быть, в каком-то отношении сложнее, а в каком-то — проще. Там можно проще характеризовать сам процесс ретракции. В словниском произошла оттяжка (так в традиционной акцентологии это трактуется) ударения со всех слов с невогальным лексическим, т.е. ударение переносилось во всех позициях, кроме тех позиций, где был новый акцент и новый циркумфлекс. И вот тут-то оказывается, что местный падеж а.п. (в) долготного типа — это единственное исключение из этого правила. Здесь как раз то ударение, которое трактуется в краткостных основах как новый акцент, но в долготных основах переносится не предшествующим слог. Внесомненно, что этот перенос никак не может быть описан тем же самым законом, который выдвигается для всех остальных переносов. В тех переносах, конечно, традиционная акцентология немножко не разделяет два явления — перенос старого циркумфлексированного ударения (это праславянский перенос, обогнутый перенос к началу синтетического слова) а во всех

оставшихся случаях это - или сокращения внутренние (15)
акцентные слоги или внутренние и конечные краткослоговые
слоги. В любых случаях это был перенос краткослого
ударения на предшествующий слог, независимо от его ка-
чества. По-видимому, то исключение из этого переноса,
относясь к долготным ударениям, которые были или
новонактованные, или новоцарукларизованные. Эти долгот-
ные ударения не подлежали переносу, они сохранялись
во всех позициях, кроме тех случаев, которые мы приво-
дили, т. е. в а.п. (в). В долготном типе в исходе,
т. е. мн. этот перенос осуществлялся на предшествующий
слог, если он был долготный. Опять-таки при помощи
одной закономерности мы не можем адекватно отразить
то складывание того состояния, которое характерно для
словянского диалекта. Мы должны были внести поправки.
И кроме того, переносились ударения долготного типа,
которые в иных позициях трактовались как ~~новонак-~~
новонактованные ударения, - на предшествующий
долготный слог. Перенос происходил на предшествующий
долготный слог. При краткословном слоге это ударение
сохранялось в конечной позиции. Вот эта поправка
совершенно идентична закону Кримашича, и поэтому,
по-видимому, есть все основания связывать эти две
поправки - поправку словенской ретракции и поправку
словянской ретракции с законом Кримашича.

Если мы обратимся к группе языков, кроме этой
группы - ~~западно~~^{западно} южнославянской и вот этого
западнославянского языка, то мы обнаружим очень мало

фактов, которые могут указывать на действие закона Кривякина. Это объясняется тем, что во-1х, в болгарской потеряна парадигма морфологическая, а кроме того — в еще более раннее время, в среднеболгарской произошли такие же ретракции ударения, как в словенской, но только позицию ее уловить очень трудно. Поэтому там почти во всех случаях, во всяком случае, везде, где мы можем ударение считать подвижным, ударение отпадет независимо от долготы-краткости. И в восточнославянских языках произошли потери всяких долготных и тождественных различий, и, естественно, смещение дряк, выравнивание дряк и т.д. По-видимому, одна из последних жакет этого выравнивания заглази палиметки древнерусского языка, не которые отирали (там, когда он пытался формулировать свой закон, т.е. палиметки, в которых встречается какое-нибудь цѣсѣхъ, попѣхъ и т.д., череду с попѣхъ и кр., т.е. совершенно смещались слуги, не регулируются позицией. В болгарском наблюдаются какие-то косвенные следы этой закономерности, которые в определенных случаях очень трудно ухватить. Напомню, что в ср. роте произошли ретракции ударения: лице будет так же, как село. Но вот во мн. числе в им. и вин. мы наблюдаем следующую картину:

лица ко; сѣла

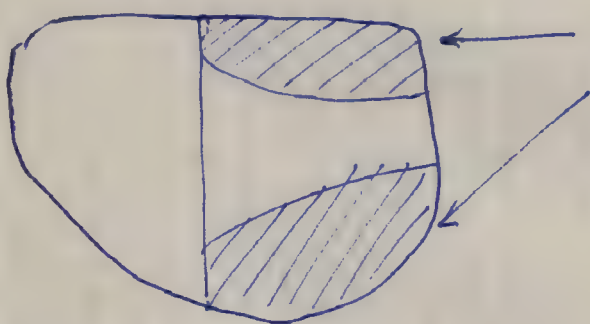
И так ведут себя все долготные (как лица):
цѣсла, крѣла, рѣвна (прималательное), но —
сѣла, ребра, мѣна, плеща, примл. дѣбра.

Тот же можно сказать, что это результат просе- (17)
ретракции. Но дело в том, что ретракция произошла
и здесь, здесь позиция не обусловленная, а здесь
вот краткостный сохраняет ударение — следовательно,
как будто он
(он с долготного (если это долготный), причем конечного
долготного, на предшествующий не перетягивалось, если
он был краткий, но если он был долгий, то перетяж-
ка происходила. Тот же в таких случаях было бы
трудно сформулировать закон одного типа — две разных
позиции. Ну, какие-то рефлексы обнаруживаются еще в
группе имен мутсаго рода, которые относятся к а.п. (в).
Но вот этот случай тоже вторичный — тв. мн.,
причем и-основ и i-основ. Мы имели в памятниках
уже 13 века ~~грьб'хми~~ (болгарские памятники, писанные
писцом Гавриилом^{*}): грб'хми, съ корабльми, в то время
как гвоздь (не всегда ясно, относится ли это к типу (в))
— гвозд'ий, жезл'ий; ну, и конечно, это тип (в) совер-
шенно точно — это и кинм'ий ('конь'). Т.е. вот этот
вот краткостный тип полностью совпадает с подвижным
типом: дар'ий, мѣх'ий, ѿ свѣр'ий, тат'ий (из тех
же памятников). Вот опять-таки мы встретились здесь
с таким распределением, очень похожим на то, ~~которое~~
что мы встретили у Крижанича. Конечно, оно вторично.
Но если вот этот тип должен быть первичен — перетяжка

* Тот, которого Яцимирский в свое время считал
Цамблаком — совершенно, по-моему, дикая гипотеза,
качественно-фактастическая работа Яцимирского.

с ера на предшествующий ему, а здесь это (18)
перестроено. Но то, что это было перестроено, тут почти
была быта система, по которой это все перестраивалось.
По-видимому, это наклон на систему типа закона Крима-
нига.

Очень немного, но кое-что можно уловить по бол-
гарским диалектам, если мы будем рассматривать
распределение в болгарском типа бур-бурове, мы
можем в болгарском увидеть следующее явление. Существует
группа диалектов, в которых имеется 3 типа ил. числа
на-ове: бурове (это ударение не переносится при
присоединении гласа), бобове и бродове (с гласом-
бродове́те). Любопытен тип бобове. Везде другие
диалекты, в которых его просто не существует: там восточнее,

Здесь этого типа не будет.

Граница, где он распространяется, мне не совсем ясна,
потому что описание, ~~по~~ по которому я раньше работал,
не очень хорошее. Здесь какой-то клин (куда он идет
далее, не совсем ясно) существует этот тип. Если его
собрать и посмотреть, очень внимательно, то оказывается,
что большая территория, на которой он имеется, — он
встречается ^{вообще говоря} от илен не -о-[(о в корне)], ну, иногда
встречается от илен не -е-, т.е. от илен краткого типа

Имена же долготного типа а.п. (в) пережили (19)
вот в этот тип, а этого типа нет. В то же
местечко будет не брестове, а бр'астове, зр'ахове
(хотя это бывший тип (в), но это долготный тип) и т.д.;
можно привести много примеров — этот-то диалект описан
довольно хорошо.

В Чудовском Н.З. мы тоже наблюдаем такого рода
остатки, но менее устойчивые. Мы там наблюдаем
села́ и.и., но встречается и сѣла, плѣа́, но
мѣа, но есть и мѣа́, так что все спутано, колыхается.
Поэтому здесь уже очень трудно что-то сделать.

Я еще говорил о том, что без этого закона можно
было бы легко обойтись, предполагая, что он прокопал,
допустил, в отдельных западнославянских языках, в
словенском и кашубском диалекте Крижанича, если он
не целый ряд изменений словообразования и морфологии,
где очень трудно что-то сделать, не предполагая такого
рода претексты. Она только совпадает по своей позиции
и по своему характеру с претексткой в данных формах.
Это прежде всего пригласи́а не - ап. Пригласи́а не
- ап от глаголов не - а и йотированный класс в
претексте в диалекте Крижанича показывают такое же
распределение, правда, немалое морфологическое преобра-
зование. Тип долготный от того же глагола
вѣзати будет svězani, от писаць — pisaćo, от
казати — kāzan, от зидати — zīdani. Вот это
долготный тип. Что ~~кажется~~ происходит в краткоскоп
типе? — В краткоскопном типе ударение сохраняется не так

в им. п. мужского рода, а в других группах (20
это оказывается не концы, т.е. получилось расщепление
этого ^{единого} ~~многоголовного~~ типа на два подтипа этих прилагательных.
Причем прилагательные краткосложные совпадают с подвиж-
ной акцентной типом, который существовал в этой
группе: типа как-дако'. Здесь идет скресак,
sovdano (марь), iskana (от искарь; это не долготер-
тип, потому что так был еще), zakaslani и т.д.
(это все марьяны а.п. (6)). Это распределение распро-
страняется также на целый ряд марьянов уже сибирских,
т.е. марьянов с основой не -aj, а такие марьянов
не -ov- : istokovani, okovani, kamennani и т.д.
Все марьяны краткосложные идут по этому типу —
с конечным ударением. В долготерпимых же типах
происходит вот эта вот репрессия в любой случай.
[Конечноударный тип иногда обзвещают никак не иначе,
он совершенно не померяет. Почему здесь конечное ударение?
Здесь нужно, по-видимому, предполагать два процесса:
разделение этих двух типов, а потом совпадение, слияние
с теми немногими скалами, но все-таки довольно сильной
группой подвижноударного типа, которые имели подвижное
первоначально, вероятно, ударение в прилагательных не
-an, а у Крижанина имеется тенденция в многосложных
именах ударение этого типа — в прилагательных, прила-
гательных — обобщать конечное ударение. Это особенно видно
по прилагательным не -an : derevennoi и т.д.,
где тоже ударение конечное. Во всех остальных группах
это будет совершенно одинаковое ударение, т.е. в

инструментуе будет свезати и кресати, в
присенсе будет свѣнет и скрѣшет, пѣмѣт — крѣшет.
(это первое слово).

Лекция 11. 14. V. 1974 г.

В прошлый раз мы не закончили рассмотрение Закона Критянина в малолых. ~~Следит~~ я напомню, что прилагение на = ап = у группы малолов типа писати, кресати — писан, кресан — ведут себя по-разному в диалекте Критянина. ~~Что это за малолы?~~ Это малолы а. п. (в). йотированные в Раецк-е: пйшет, крёшет. В обоих случаях мы имели накоренное ударение в Раец., только в пйшет у критянина ~~будет~~ знак долготного ударения, а крёшет — ~~будет~~ ^(н) знак краткосрочного ударения. Это долготное ударение, соответствующее новому акуту, ~~новей акут~~ долготы. А на е — нов. акут краткости. Так вот в прилагении здесь ~~будет~~ резко расходящаяся картина: пйсано, но скресан, скресан^о (срр) — здесь может быть знак долготы. ~~Вот почему~~ почему получилось здесь конечное ударение ~~очень ясно~~. Собственно ~~даже~~ невозможно, если мы не предположим, что в этой группе малолов произошло размежевание первоначально под влиянием какого-то Закона, по которому ударение над а, над долгим а переходило на предшествующий слог, если он был долгим и оста- валось на этом слог, если он был кратким. Вот это ударение (скресан^о) тогда будет вторичным. Это ударение должно быть объяснено как результат вто- ричного уподобления типу малолов с подытоженным ударением. Малолы ^{единообразные} дан, дан^о — с конечным ударением. Приём ~~сначала~~ мы должны предположить, что в дан^о было: дан^о, дан^а, дан, по-видимому, подытоженное

ряда шипящих форм и гласов в реконструкции гласного ударения. Дело в том, что вот в эту группу (писано) входят только долготные гласы а.п. (ѣ), а в эту группу (скресан) — краткостные. Причем, это распространяется в диалекте Криванца не только на йот-присетные гласы, гласы с основой йотированной в Крае, но и на ^(также) целый ряд гласов, которые имеют показатель = ај в присетке, а также гласы на =ов / =ај. — вот но эти две группы гласов. Но сейчас рассматривать эти примеры будет несколько затруднительно, т.е. это связано вообще с наличием или отсутствием первоначальной подвижности вот в этом типе гласов. Я думаю, что есть факты, которые говорят о том, что даже вот в этой группе гласов существовала в праславянском начал-но подвижность ударения. Причем, эти краткостные ударенные формы, которые отразились, кстати, сказать, в сербском, в южнославянском. Приметие здесь закона Криванца, в этой вот группе форм две праславянские перемены, по-видимому, совершенно необходимо потому что пригласные писан, читан ит.д. существуют и в русском языке (литературном и диалектном) и все эти формы объясняются отменной ударения с суффиксальным =а=. Предполагалось, что оно отмечалось в разных случаях и вот в этой группе форм — кресан и писан. Предполагалось также, что это происходило в праславянский период. Тогда мы должны вот эти формы (кресан) ^{считать} какой-то инновацией.

Но эта инновация ^(тоже) оказывается непонятной с системной точки зрения: почему это вдруг часть глаголов восприняла своё старое ударение. Естественно поискать в других языках отражение этих распределений. Это отражение, во-первых, ясно прослеживается в словенском, вот такое распределение.

Возьмем, например, словенские глаголы

vězati и česati (перетяжки из долгих)

kázati

оба варианта допустимы.

Мы договорились на прошлой лекции, что, по-видимому, с внутренней апа перетяжки на предшеств. не осуществлялось, если он не был долгим в словенском. А вот в приглаголиях на -an мы получили всегда

vězan

kázan... и т.д., собственно

все долгие глаголы этого

класса дают такие приглаголия.

А в то же время все глаголы краткосрочности дают приглаголие на -an, приглаголие долготы приглаголия новоакцентированного типа — долготные ударения:

česan

klepañ новоакцентное ударение на

tesañ и т.д. ^{конце.}

Т.е. все ^{первичные} краткосрочные глаголы ~~в~~ ^в ~~те~~ ^{те} ~~же~~ ^{же} ~~время~~ ^{время} ~~представленного~~ ^{представленного} ~~вс~~ ^{вс} будут иметь такое ударение.

Т.е. мы явно встречаемся с тем же самым типом ^(распределения) ударения, что и у Крижанича.

XI. В различных сербских диалектах это распределение очень сильно сломано, но краткосyllabic тип всё-таки сохраняет конечное ударение. В гоманских диалектах можно найти большие группы слов, которые показывали...

rošesân, причём, здесь ударение не переносится на...
-a, -o [корень].

glodân, -a, -o

orân, -a, -o

darovân, -a, -o (пример на малая = овать). И ещё ряд примеров можно дать из этого диалекта. Но, к сожалению он описан не совсем правильно с акцентологической точки зрения, т. е. ни одного примера с долготными формами автор не даёт.

В итоге можно предположить следующее. Мы говорим, что этот тип имеет тенденцию переходить в подвижный или соотноситься с подвижными типами (у Кривошана ~~то~~ ~~та~~ весь подвижный тип перешёл в окситонизированный). По-видимому, в сербском предположила такая картина. Там как раз влияние подвижного типа привело к переводу всей этой группы приставий в подвижный тип. Поэтому glodân (который должен быть ^{перенос} glodân - на самом деле имеет ударение на o, но это не новый акцент, потому что когда мы присоединим приставку, получим izglodân - явно вторичная подвижность. То же самое: krēsân, iskrēsân.

Итак, что означавшие примера никак не противостоят, что такое действовал первоначальный и в этой области. Во всяком случае, все эти вещи никак не соответствуют тому, что можно предполагать для писати - писан и т. д. здесь не...

т.е. мы имеем написано, даровано, образовано и т.д.

Древнерусский материал, по крайней мере, больше всего тому, что мы должны предполагать, принимая за закон. Во-первых, по-видимому, это все замечают, в древнерусском глаголе на =овать при образовании прилагательных на =ан= не оттягивают ударение на =ов=. В Гудовском [Новом Завете] мы обнаружим следующие (собственно мы и должны это отметить):

написано, сказа^{будут}на, привязану. Но все глаголы на =ов= имеют ударение на =ан=:

На^{будут} образовано, дарована, кореновани и т.д.

Привели, учтите, такое ударение в этой группе глаголов ^[с-а-р-о-в-а-н-и-е] вплоть до Тетровских Ведомостей ~~сохраняется~~. Можно набрать целую коллекцию форм: завоеванное, коронован, командированы, ординованъ и т.д.

Можно привести еще примеры, но это не меняет ситуацию. Собственно нет ни одного примера из текстов 17 в., в которых был бы перенос ударения на =ов=, я [таких] не знаю. Может быть, они и были, я не уверен.

Вот эта система уже ближе к тому, что мы имеем по закону Крижанича. Следовательно, здесь мы видим, что в истории русского языка происходит ~~явный~~ процесс обобщения ударения на форманте, предшествующему суффиксу =ан. Думаю, что это обобщение произошло и в краткосложных глаголах Цотого типа. Во всяком случае

ударение в слове, которое осталось как субстантивированное прилагательное, осталось как ^{или} существительное, относившееся к краткосложным основам. говорит в положении

этого предположения. Это всем известная наша академия,
которое следует, по-видимому, реконструировать:

* smetjje ~~съметанъ~~ В данном случае не происходит
переноса. По-видимому, субстантивация [этого слова]
отрезала (?) её от приагласия, потому что старого
месса ударение не сохранилось.

Вот еще одно распределение в современном рус-
ском, которое очень заманчиво связывать с дан-
ной закономерностью. Если вот возьмем
от i-малолов (в а.н. действительные приаглас-
настоюще времени, то вот обнаружение в современ-
ном русском языке, несмотря на то, что данная
форма церковнославянская, любопытное распреде-
ление. Дело в том, что приагласие нормативное
данное, на = лиций (от малолов а.н. (в, т.е. тех,
в которых в presente ударение всегда на корне)
имеют два типа [ряда] ударения: одни при-
агласия на = лиц = имеют ударение на корне, другие
— на дерматите = лиц. Причем, распределение идент-
ично по морфологическому признаку: В тех слу-
чаях, когда эти малолов имеют в корне = 0 =,
ударение падает на = лиц, в остальных случаях,
т.е. в тех случаях, когда с православенской мозаи-
зацией здесь был домотный ^{или иже} корень, в основном,
ударение на корне. Совпадение этой группировки
т.е. ставших украинскими (аномальное дорис)
приводит к мысли, что всё это очень старое
распределение. Я илюстрирую это

руби́ть - рублю́ - рубя́щий
 дави́ть - да́вят - давя́щий
 люби́ть - люблю́ - любя́щий
 служи́ть - служи́ - служа́щий и т. д.

Но ве́дуть - веду́щий
 проси́ть - проси́щий
 носи́ть - носи́щий
 ходи́ть... - ходя́щий и т. д.

Колеметте, конечно, ударение, но общее закономер-
 ность сохраняется. Вот горя́щий (горю́щий) —
 по этому типу, но это исключение из правила
 на -ею-, -ею-: отсюда вот в эту группу вводится.
 Этому правилу, конечно, не даются исключения. а. н. © [вопрос о начале ма́нйт], но это нужно иссле-
 довать по старым текстам. Когда-то Кипарский в
 своей работе старался как раз на пригласительных дока-
 зать, что типа (в) почти не было в мандалах на
 =i=. Как раз пригласительные наименее характерны.

Но тут явно наблюдается какое-то распределение.
 Я в своей рецензии на Кипарского просто сгруппировал:
 если он по пригласительным собирается рекомендо-
 вать древнее состояние, то почему просто не
 обратиться к индоевропейцу.

Теперь ещё одна группа [ответ на какое-то
 вопрос: ... "для меня этот вопрос ещё не закрыт,
 я даюсь наименее своим наиболее возможным, М. Б., кто-
 нибудь это исследует..."] — это группа мандалов на
 =i=. Уже стало общим достоянием акцентологов

теория о том, что отысканные глаголы на -i-
имели а.п. в том случае, если они образовывались
от имен а.п. (а), а.п. (б), если они образовывались от
имен а.п. (б) и а.п. (с) в том случае, если они
образовывались от имен а.п. (с). Но это правило верно
и с очень малыми исключениями исключительно в работах
только для среднеболгарских текстов. Во всех [других]
языках имеется масса исключений, приходится при-
нимать [во внимание] аналогии и пр., пр.

Если же мы возьмем хотя бы Псалтырь Кирилла
(тексты Кирилла), то там мы увидим, что всё
совершенно правильно идет по этой закономерности.
Ну, допустим, от прилагательного чист, которое
относилось к а.п. (а) — было очи́ститъ, от слава
а.п. (а) — будет сла́витъ, испра́витъ, насы́титъ, воз-
вели́читъ, и.б., ока́мѣна ср. И от прилагательного
мал — будет оумáлихом ср.

От а.п. (б) встретили такое следующее
такому правилу: одо́ждитъ, всѣ́литъ ср., вѣдѣ́ри ср.,
хвалá, хвалѹ — хва́лиши, трудъ, трудá — оутрѣ́ди ср.,
судъ, судá — разсѣ́дитъ. и.т.д.

[Вопрос о действии приставки не а.п. Ответ:
приставка не берет от а.п. малого. Это в широком
смысле есть перенос на приставки, но это позднее
явление. В 17 в. в сербском еще не было переноса
на приставку].

От а.п. (с): вѣть — възвѣстѹ, благъ, благóй — хвалѣ́тъ,
живъ, живá — живѹ — живѣ́тъ; бѣнѣ́тъ ср. (смер, смерá),

город - заградит. Можно еще привести много примеров, но принцип, по-моему, ясен.

Так вот среднебагарские тексты, в основном, прямо совпадают с этими правилами. Там есть не-много исключений, но они согласуются с колебавши-ми в саирой а. н. имен. Ну, помой-мудро простъ - прост, нов, новъ, ново - тоже колебалась а. н. Важное исключение прѣгрѣхъ и т. д., которое, по-видимому, свидетельствует о том, что грѣхъ, грѣхъ для подытожной первоначально, потому что во всех языках проходит это исключение. Это, видимо, была и-основа, а они имели тенденцию переходить в а. н. (в) - имен. А малая так и оставалась подвижного типа.

Вот это вот очень четкое распределение оказы-вается нехарактерным для диалекта. Крижанича и вместе с ним ряда других языков.

Был ли расширен такой образец материал руко-писей Крижанича, но окажется, что совершенно четко будет идти по данному правилу а. н. (а), т. е. в имен-ных именах славъ, мразъ и т. д. В общем 39 малюков выписано, которые совершенно точно совпадают по своей а. н. с а. н. имен.

Совершенно точно также совпадает и вторая группа малюков а. н. (б): снег - снѣгъ, шум - шумъ, шѣмъ, злато - златъ. А. н. (б) имеют соответствующ-а. н. (б) малюков.

Как только мы перейдем к а. н. (в), то обнаружи-ваем следующее, совершенно четкое распределение:

все глаголы, которые образованы от далготных имен а. н. ⑥, идут по типу а. н. ⑥:

труба́, трубу́ - тру́бим

мездо́, мезда́ - мей́здим

суд, суда́ - суй́дим

суй́тим, кра́мим (коро́ль, коро́ль), тру́дим,

квй́рим. Я выписал 31 глагол такого рода

Все эти далготные и все эти а. н. ⑥

В то же время от краткосных имен а. н. ⑥ почти все глаголы, которые мы находим у Криваша, которые мы строго должны отнести к отыменным глаголам, - идут по а. н. ⑥, т. е. (чтобы лучше было видно в сравнении со среднеболгарскими глаголами, то я дал соответствующие глаголы):

от тло - телѣм, дверѣм, (от крест, крестѣ) крестѣм, чертѣм (от черта́, черту́), (перо) - перѣм, (земель, хмельѣ - у криваша так, и, по-видимому, это старое ударение) - хмельѣм, (догнѣ, догнѣ) - догнѣм и т. д. Вот 30 глаголов от имен (краткосных) а. н. ⑥, которые дают ~~так~~ такую картину.

Это очень любопытное распределение. И когда мы возьмем славянские языки на более ранней ступени их развития, то мы обнаружим, что в общем-то мы можем разделить языки на 2 группы, которые ведут себе такие как Псалтырь Вигриша (где более или менее строго действует закон выбора а. н.) или же идут по типу Криваша. Как бы мы ни оценивали это распределение: как результат исторического ~~это не~~ морфологического процесса по далготному распределению, или же как первичное, это правило всё-таки имеет большое значение в классификации славянских языков.

диалектов. Если мы посмотрим древнерусский язык, то окажется, что в своих текстах XIV вплоть до XVIII в. идет всё по типу диалекта Кривагича.

Примеры (древнерусский язык):

а. н. ⑥: блуд, блуда́ — блудимъ В Судовском Нов. Завете
далосл. хула́, хулу́ — хул
тип. служю́

от любви́ — люблю́, любими́

хвала́, хвало́ — хваля́, хваля́ми сѧ

суд, суда́ — судит сѧ

(не)обли́чать, от прилагательного мёртв —
оумёртвите же

В то же время от [краткословных имен ⑥ а. н.]
будет: от село́ — селит сѧ
от поста́ — постѧт сѧ, общѧт сѧ, крѧтѧт сѧ

А. н. ① и а. н. ③ идут точно по правилу.

Это наблюдается с XIV в. по XVIII в. Вот напомним XVIII в.

Коричная, в которой мы обнаружили то же самое явление; т. е. будет: слоужать, воудитъ, възлюбитъ, хоудать, хвалять — [это далословные основы]. В то же время

при краткословных будет: крестѧтъ, истофѧт сѧ, поопѧт сѧ, прѧселѧми, ѡтцѧтит сѧ.

Вплоть до XVIII в. это распределение остается в силе: в старых краткословных всё идет по конечномуудачному (подвижному) типу, а от старых далословных ⑥ а. н. все мало-мало идет по а. типу ⑥.

Для того, чтобы ~~привести~~ привести это правило к самому истоку становления малой сменой, строгих оснований нет, поскольку сама суть малых немотменного происхождения относится к а. н. ⑥, несмотря на

то, что они краткосложные. Это итеративы типа ходи́тъ, ходит, носи́тъ, носит, вози́тъ - возишь и т.д. - всей эта группа глаголов. Тут, далее ~~вот~~ распределе-
ние вводит дополнительные трудности в проблему ре-
конструкции глагольной системы. Мы будем этого ка-
саться более подробно потом, а пока я просто сообщу
о моей гипотезе, которую выдвинул в свое время
Стан. Он считает, что глагол на =i= (-iтъ) имеет
первоначально, с самого начала, три а. типа: [с ударени-
ем] на корне (в том случае, если корень был аугмен-
тованным) - это а. тип (а.п.) (a), на тематическом
глаголе (здесь был циркулировал) - это а.п. (b) и весь этот
подвижный тип, который имеет ударение на суффиксе,
первоначально, по-видимому, на конечном гласном,
(потом оно сдвинуто ударение), во всех формах, кроме
1 л. ед. ч., где была форма - епсипотена (ну, это ясно, что
форма епсипотена, поскольку на приставку в 1 л. пере-
носится ударение - погуби́ю, а если это без приставки
то будет, видимо, вот ^{родивро} такое ударение губи́ю). И вот
в какой-то момент праславянской истории произошел
процесс, который я называю Законом Стана, хотя во-
обще-то этот процесс предполагался до Стана, он явно
вытекает из рассмотрения отыменных глаголов: это
перенос циркулированного ударения с внутрен-
него слога (вот этого циркулированного, а не то,
который характеризует форму энимианека), калого-
балто-славянского циркулированного ударения
на предшествующий слог. И в результате этого
получилось эта вот а.п. (b), которую характеризует
некоторое ударение (например носи́ю) - ^aito - ^bito - ^cito

а. н. ⑥: -itb 1. ед. ч. pozjō' - здесь долготный, первоначально акцентированный, по-видимому, масный, ударение стояло здесь, т. е. тематического масного нет, он, собственно, превратился в йотацию, здесь ударение [старое] осталось, а во всех остальных формах pōsiši, pōsiti - ударение переходит вот сюда, и здесь возникает новый акцент, в данном случае новый акцент краткости, а в слове типа loblō, lobiši - там новый акцент долготы. Этот новый акцент можно легко проследить, исходя из его фиксации по разным диалектам. В том числе в посавском. Если он долготный, то он будет определенными образом выглядеть. Таими образами возникло вот это а. н. ⑥. Все как будто бы совершенно ясно. И вдруг здесь вот наугадся был это был распределение. Оказывается, что отнесенные слова, в своей группе языков ведут себя в общем не такими образами. Они переносят ударение на слог перед тематический масный вовсе не в лобном случае, а только в том случае, если там была долгота. Можно было бы отбросить закон Стамма и просто сформулировать закон Хрижанца. Но на раз слова типа mosiši, kozışi и т. д. ведут себя по Стамму.

Что здесь произошло? Почему это так?

допустили, возмем древнеиндийский. Таме кауза-
^{-ga =} нить и итеративы имеют вот этот диригент.
^{итератива}
^{кауза} ^{-ага =} Правда вот есть еще... Каузамины нити
^{кауза}
^{отыменные} имеют, что было, но вот отыменные малыши
 имеют в древнеиндийском другое ударение, т.е.
 древнеиндийские каузамины и итеративы имеют
 вот это ударение ^{-ага}, а отыменные малыши из-ага
 имеют вот это ударение. Но это всё слишком
 далеко. И совершенно невозможно установить,
 что за эти кресты, скажем процессы мы
 должны считать. Остался только надеяться,
^{в дальнейшем}
 что ^{какой-то} новый материал, или какой-то
 новый взгляд на этот предмет, который ко-ро
 прояснит всё эту картину.

И тем не менее уже две работы более
 позднего времени для классификации аценных
 систем малыши в намерениях и современных
 диалектах всё это распределение всегда прико-
 дится учитывать, и все языки как-то распе-
 делются на два типа: тип, который можно соот-
 ветствует этой закономерности, который высе-
 дит более поздний (это вроде болгарского, средне-
 болгарского; в болгарском мы имели вообще целый
 ряд ретраций, но мы там предполагаем и

рефракцию вторичную с этими значениями, но при этом мы должны предположить, что тип $\text{C}_{\text{данной}}$ ситуации (краткоспиральной) еще не совпал с типом С. Т. е.

Вот получается, что если мы просто нормально
будем работать с этим распределением, то мы
должны думать, что это вот такое распреде-
ление: главит - служит / дворит - сметит
(должн.) (красот.)

Б.е. вот в нашей-то период была такая карти-
на: тип (б) делился на 2 варианта: с дол-
гой (где было отмеченное ударение) и с краткостью,
но он оставался типом (б). А тип (с) представлял
свою замкнутую группу. Тип (а) — естественно.
Потом происходит в одних языках совпадение
этих двух типов: этот тип переходит в эту
группу, а этот остается. Это тип Кританг
и тип древнерусского языка. А в других языках
происходит вторая, дополнительная рефракция
(это вроде баларского и там, думаю, что в ижо-
кавском). И оба типа совпадают. И это предла-
гает практический тип малоев или перехода
в эту вой группу.

Теперь было бы нужно обратиться относительно штолповского, потому что в обществе современное состояние говорит о том, что нам нужно в этом деле относиться к типу Кристиана.

Там все краткосложное мало, большая часть краткосложных мало из а.п. ⑥ перешла в рп. ⑥. И первоначально я думал, что это говорит о том, что шипованый отнеслся к тому типу ударения, который отражен в диалекте Фришанга. Но все нашими XV в. показывает, что там ситуация значительно более сложная. И все это обстоит как раз наоборот.

Что же там произошло?

В XV в. там еще краткосложный тип ⑥ был. Но здесь происходит характерный для шипованого процесса. Мало а.п. ⑥ долготные отменяют ударение на корень, может быть, это даже диалектически, и тип ⑥ распределяется на два подтипа. а) възвеселѣши ^[ударение] остается на своем месте, — это краткосложный мало, и 1 л. ед. ч. у него будет възвесело, т.е. с переноской на приставку; но б) въскрѣси ти (образует 2ой тип), во 2-3 и т.д. л. он переносит ударение на корень въскрѣсиши, а а.тип 1го лица сохраняется въскрѣшию.

А.п. ⑥ подвергается воздействию всей этих форм мало (⑥), т.е. во всех остальных лицах, кроме 1го л., они антиморфически совпадают и образуют в XVII в. уже один вариант. Будет образуют форм по этому типу. Будет възврати (это совершенно правильно — возврати), но възвратию (это по аналогии) наряду с възвратию.

еще есть эта группа — возвращё с правильным ударением на =8 (по аналогии с этой же вторичной группой (б)). Эти две парадигмы сливаются и, следовательно, какой-нибудь каузативный глагол типа ложился — так он еще шел — возложился и т.д. например, так же глаголу вложу, но он краткословный. Он еще в XV в. еще вложился получается вложитъ. Эти совпадают между собой, этот, естественно, стремится перейти в эту группу. Этот краткословный тип, естественно... полагается противопоставление по долготности и по краткости: краткословный тип переходит в ©, а долготные все совпадают в типе В. Вот что происходило в сербском. И сербское распределение явно вторично вот в результате совпадения глаголов типа © долготных с долготными типа В.

В следующий раз мы ~~перейдем~~ снова возвратимся к теме.

Лекция 12

Относительно сербского глагола ~~наверное~~, ~~Мне~~
первоначально казалось, что сербское ударение разви-
валось из системы, аналогичной системе Кривошица.
т.е. мне казалось, что там были 4 группы глаголов

а.а.п. слава - славиши,

с.а.п. - смешиш

Здесь отклонение глагола
и пр. ударенного имени
ясны. ударение у глагола
- на первом, как в имени

Здесь тоже всё ясно:

ударение в соответствии
с подвижн. типом имени,
и здесь тоже подв. тип глагола.

А вот а.п. (в) расценивался на 2 группы:

долгосложные (слу́га, слу́жу) - слу́жит.

краткосложные (се́ло, се́ла) - се́лит (переходили в группу с).

Эта система, казалось, и проходит по сербскому мате-
риалу. А в дальнейшем знакомство с материалами
нашего XV в. привело к тому, что пришлось переис-
принять это мнение. Приведу несколько примеров из этого
материала: же́нется пóстется разо́рит (творится и.д.)

и- же́нется и.д. пóстется и.д. разо́рит и.д.
замечательными в это время) Но вот:

К сожалению, очень ограниченный круг [краткосложн. глаголов]
очень характерно для этого типа разо́рит(с).

Наблюдается такая регулярность, которая характери-
зует др.-серб. как тип, близкий к долгосложному.

Тип болгарский как раз характеризуется объединением
этих двух групп (долгосл. и краткосложн.) с равномерным
ударением: там будет твóрить, пéнеть, пóститъ, разоритсѧ.

В то время как в древнерусском всегда разерѣт.

[предлагает сербские примеры] ну также поло́тит
(но у меня есть подозрение, что он не был таким)

малом). Советственно нет каких-то явных изменений, правда, крест - крестится идет как будто так. Это слишком мало для свидетельства о правильности первого распределения. Поэтому я предложил ввиду того, что краткословные малом [C a n] идут по болгарскому типу я предложил другую схему создания современного распределения. Эту все схему помнит, неверное: первоначально смешив малом долгословные C a n и C n k. ~~У нас же~~ предела какая-то перетяжка и во всех м., кроме 1 л., (долгословные! Малом а. н. C) они совпали с а. н. C. В то же время в этом направлении наблюдается другая характерная деталь: все малом а. н. C долгословн., кроме явных итеративов (ходит, носит и т. д., которые, кстати сказать краткословные) получили в 1 л. форму епелютепа, т. е. форму с ударением, переносившимся на приглаголу. Получилось очень большое расширение перетяжки на приглаголу и вот это вот все аномальное. ~~В~~ Так как распределение между маломом а. н. C и а. н. C стало происходить по типу долгий-краткий (здесь остались только краткословные, а в этот тип смешанный вошли долгословные малом). то вот эта группа, большая группа малом а. н. C с наклонным ударением (неитеративных) перешла по аналогии в этот [тип]. Здесь такое перераспределение вполне возможно. Ну, все, конечно, записей для дальнейшего анализа намечаясь.

Я привожу этот пример тогда для того, чтобы показать, что та схема предложенная тогда, на-

личная первоначально в общем, но может очень сильно измениться в ходе исторического исследования. Любая новая пометка, новый материал может очень сильно изменить. Но тем не менее для классификации а. систем и понимания, как они были связаны др. с др. и с именными системами, закон Крижанска и схемы, построенные на законе Крижанска, по-видимому, имеют свой смысл, они помогают понять все эти моменты.

[Ответ на какой-то вопрос о приставочных шлогах: Все они: напейт, повеит, напложит и т.д. все идут совершенно нормально по консонансному типу. Распределение, переход в тип (в) под влиянием приставок еще не совершился. Вот это очень странно. Он, видимо, произошел позднее. Нужно захватить этот момент, когда происходит этот переход под влиянием приставок. Ретракции нет. Сплошь выписанный материал из Ев. XV в. не показывает отклонений, он единообразен. Правда, м.б. там была не одна система. А потом такие же вещи происходили и в других диалектах - в баларских; бедненский говор идет по типу бал (по тем материалам беднен. говора, кот. опубликованы), а Novi тоже идет, кажется, по тому типу).

Все эти отступления купены были просто для того, чтобы понять, что же происходит в а. и (в). У нас несколько лекций назад была изложена реконструкция, которая содержит колоссальное количество

ударение, т. е. не конечное ударение, а на таллаговое-
ном шасном. Эта реконструкция после всего сво-
зачного сохраняет свою силу лишь для ~~шасных~~ шасных
краткосложных. Что касается шасных, которые имеют
долгий гласный, нам нужно сделать поправку, по-ви-
димому, по закону Кританича, т. е. мы, если позво-
лим, реконструируем конечный долгий в окончании
и, естественно, предшествующий долгий, в этом случае
ретракции. Где эта ретракция могла быть.
Если мы возьмем и повторим эту реконструкцию
уже для долгих шасных мы будем иметь следующее

Ег. ч. N. slūgá

В. slūgy (?) Вот тут-то, по-видимому, можно ре-
конструировать такую форму, под
большими вопросами; просто перетяжка

Но вот те странные формы, которые встре-
чаются в болг. и др.-рус. памятниках в Ред. ег.
с таким ударением, по-моему, объясняются
именно этим процессом. Эти формы отнеса-
юм и мною к Колесовым (он по-своему их
интерпретирует)

D. slūzě здесь ударение конечное.

Acc. slūgz

In. slūgōz

Loc. slūzě

Мн. ч.

N. slūgy Смирено считает, что slūgy — какоренное
уд. У меня нет оснований предполагать
конечный долгий несокращенный. Поэтому
я не могу объяснить. Смирено предполагает

то и, малоподвижную а. п. Но это без перетяжки на предлог, следовательно, просто началь-но отъема с конечного слога должна была бы произойти очень рано. Как объявить эту оттяжку — мне не ясно. Если бы здесь (на конце) был бы долготный, несокращенный долготный, то это бы объявлялось законом Критасинга. Другие закономерности мне неизвестны. Поэтому я сохраняю пока такую реконструкцию. Но нужно оговориться, что ч.б. и другая.

G. slūgъ Реконструкция пометна. Ударение просто переходит на предшеств. слог.

D. slūgāmb Это пометно

Acc. slūgŭ(?) С той же оговоркой, что и в Nom.

In. slūgāmi

Loc. slūgāxъ

Дв.г. N. Acc. slūzě

G. Loc. slūgŭ Здесь мы имели ту же самую перемену, т.к. окончание долготное.

7) D. In. slūgāma

Здесь отличие от краткослоти. основ только в Gen. eg. и Gen. Loc. Дв.

Посмотрим как [распределены] имена муж. рода

Eg.г.

N. sūdъ - с новым акцентом в результате оттяжки съ

G. sūdā - конечное уд.

D. sūdū - " "

Acc. sūdъ - здесь оттяжка съ, поэтому не отличается от краткослотиных

In. sūdōmb

Loc. sūdē

от того — стало на них ударение или не стояло. А все конечные циркумфлексированные долготы тоже сохраняются — независимо от того, стояло на них ударение или не стояло. А в славен. произошло дальнейшее развитие митовского состояния, ну, с определенной нюансировкой. т.е. в славен. сохранились все акцентированные конечные долготы, а затем сохранились все безударные циркумфлексированные. И лишь долготы, где было конечное циркумфлексированное ударение, старое циркумфлексированное ударение, те сохранились. М. Б. первоначально в принципе они сохранились ^{долготу только} ~~только~~ в подвижной п; а в остальных парадигмах эта долгота сохранилась под давлением системы: она или восстановилась, или просто сохранилась (очень ред. пад. д. б. быть одинаковыми — и под уд. и без — это все зависит от грамматической интерпретации). Напр., Бен. злѣду восстанавливается по тому, что она есть в меньшей разновидности она сохранилась в сербском и она соответствует циркумфлексированн. слову в литов. А затем уже в самом слове распридалось долготу, по-видимому, сравнительно позднее (но некоторые примеры его были в поздний праславен. период, зависело от сложной системы отношений между мектлом уд., типом уд. и долготой. Ну, например, по-видимому, очень рано такой порядок — $\frac{1}{2}$ (долгота нов. аут) не мог существовать >

совсем ясно (в прамавненском). Непонятно, допустим, сокращение третьей от конца слога, во всех языках в общем-то сокращается, если нет вторичного удлинения и если это не нов. ашут. Но, по-видимому, это всё-таки более поздний процесс. Ясно только, до последнего времени было совершенно очевидно, для всех, что конечные долготы сокращались.

Когда мы с И.-Св. занимались этим делом, то оказалось, что... Считалось, что сокращались все конечные долготы, но оказалось, что некоторые долготы существуют в соврем. языках. Поэтому вводились различные переходы и в Рег. над. полагая долгое (я приведу примеры) и конечное - а в сред. во мн. ч. Вводились разного рода объяснения.

И.-Св., когда писал книгу, сам тоже заинтересовался этими долготами. Его это интересовало потому, что полученное несколько иное представление о предшествующем периоде. Оказалось, что окситонизованней а.н. не было, а была сплошная баритонизованная и подвижная.

Когда удалось сравнить подвижную а.н., несомненно баритонизованную, то оказалось, что несокращенными в большинстве случаев яв. сл. р. долготы, которые соответствуют баритонизации. долготы, но в ударном слоге. были возм. лигов., то там по закону

Лескина приводит следующее: все конеч. ашутизированные долготы сокращаются, независимо

III. 4.

N. *sūdi'*G. *sūdr* по-видимому, такD. *sūdōmz*Acc. *sūdy'* — конечное уд.In. *sūdy* — здесь нужно предполагать такое уд., т. к.
далготное окончание?) Loc. *sūdēx̃z* — тоже далготное окончание.

IV. 4.

N. Acc. *sūda'*G. l. *sūdū*D. In. *sūdo'ma*Имена сущ. сред. рода

Eg. 4.

N. Acc. *gnēzdō'*G. *gnēzda'*D. *gnēzdu*In. *gnēzdō'mo*Loc. *gnēzde'*

В eg. 4. никаких трудностей нет.

Но во лн. 4. зависит от того, какую
реконструкцию ^{окончания} примем, от введения
принятых заноммерностей

лн. 4.

N. Acc. *gnēzda* ←G. *gnēzdr*D. *gnēzdōmz*In. *gnēzdy*l. *gnēzde'x̃z*если принимали первично далгот. оконч., но если
вправаб. 3з. была краткость, а далгота
возникла по аналогии, то естественно,
эта форма должна быть от шиз. конечное
уд.здесь совершенно ясно: перетяжка по зако-
ну Вригсанига

с тем же переносом.

[Воп. Какие "яти" сокращались? — Во-первых, под
ударением рано сокращались ауттовне далгот.
— под ударением на корне, позже время — это не

$\underline{u} \leq$ долгий сокращался. Это я в Лушцуном
(не нашли, а в Вауцуене) свернике писал.
такой передок сокращался очень рано. Это могло
быть: напр., вѣсь, Меж. ин. вѣсѣхъ (подвижная а.н.)
первоначальная долгота. В Меж. ин. ударение
первоначально на ъ, но оно рано отходит:
процесс перетяжки на ѣ, возникает нов. акц.
Рано произошло сокращение ѣ, которое, однако, сохр-
нило своё звучание, отличное от е. Но, м.б., была
какая-то полудолгота, но она уже сокращалась.

Вопрос 2: не зависело ли сокращение от качества
гласного? — Конечно, были какие-то потенции спора-
дические, напр., ѣ и у как будто так же сокращались.
Но это сравнительно поздние факты. Иногда краше
гласные удлинялись, но это какие-то спорадические
переходы. А так нет... Вот так начинается распо-
затыве система]

Аб.ч. N. Acc. gnězdě
G. L. gnězdū
D. In. gnězdōta

Имена сущ. ѣ-основ

ѣ-основы я не приношу, потому что там никаких
отличий не получается, там просто нет позиции, в
которую происходила эта перетяжка, хотя, м.б., отню-
сительно поздно, ^{это это} в юж.-славян. языке происходила
одна оттяжка (ну, потому на материале косвенных
этого — это в Мв. пад. ед.ч. ѣ-основ, наиболее мо-
бильное расхождение между юж.-слав. и ю.-слав. языков.
В рус. © а.н. форма Мв. ед. является формой-епелитом,

т.е. за лошадю будет, и.б. за лошадю. (именно с предположением). В то время как юткославянский довольно хорошо показывает по памятникам в этой форме конечное ударение, которое, правда, по-разному потом изменяется, т.е. формы иийн на -ость имеют в болг. конечное уд., но сдвинутое на предшествующий слог: крепостію < крепостию. А формы краткосложные с односложными основами они очень сильно варьируют. Когда мы обращаемся к некоторым памятникам западнобалгарским или к Критскому, то там наблюдается любопытная вещь. Как будто бы распределение идет по долготы. Какой-нибудь салюю, но вѣфюю, т.е. уже это распределение проходит в а.п. ©. Это у Критского объясняется совершенно просто: там закон критского продолжал действовать позднее — происходит следующее [пишет]

ѣ выпадает, ударение сохраняется, потому что о остается кратким. А какая-нибудь вот это, по-видимому, долготный, этот в вотар, здесь сохранилась, возможно, долгота. Во всяком случае произошло переименование. Могу др. перевод этой группы основ из конечного ударения в формы -э или -и произошло в связи с этим процессом, т.е. первоначально оно было перезену, и возникла новая группа. Пока действовали интонационные различия, то, конечно, эта группа

не могла быть энклитика, а потом, когда было
потеряно интонационное различие, то произошло эти
варианты возмладавшие при подвижной кривой
(подвижной а.н.) перешли в энклитика, в вост.-
славян. языках и частично в южнославянских
языках. Но это сводит к тому, что этот закон
и в южнославянских языках действовал не-
сколько более позднее время, м.б. после падения ерей,
в тот момент в какой-то степени. Но вообще
в i-основах просто не наблюдается каких-то
различий, потому что для а.н. (в) даже в этой
форме ^{просто} мы должны были наблюдать переход
[ударение] на предшествующий слог с в. В сущности
то, что мы наблюдали.

А для ii-основ здесь можно наблюдать
несколько различающихся реконструкций.

Ег. ч. N. grěxъ

В. grěxъ — следует, вероятно восстан. далонос [оконч.], ударение

Д. grěxъvī — переходило на предшествующий слог. Это-то

Асс. grěxъ

наблюдается по материалам Судов.
Нов. Завета. (Может быть и в других)

Ин. grěxъtъ — здесь сильный в, он

Лос. grěxъ — это долготное окончание.

Мн. ч. N. grěxъvе

В. grěxъvъ

Д. grěxъtъ (это сильный в)

Асс. grěxъ

Ин. grěxъtі — это слабый в, потому что уд. переходит

на ѣ
Лос. grěxъxъ — здесь должно было быть

на ѣ, но по памятникам здесь наблюдаем
формы с ударением на корне — в этой пози-
ции (но не в этом слове) оно лишь как пред-
ставитель группы).

Дв. ч. N. Acc. grěxŭ

Б. L. grěxóvŭ (долгота)

Д. In. grěxŏta (перетяжка с ѣ ижеи не от-
мывается от краткосложных).

Вот это то, что получается в результате
введения поправки на Закон Критасица.

Теперь просто перейдем к рефлексам а. н. ѣ
в славянских языках:

	русск.	иток.	чак.	Критасица
Ед. ч. N.	тєнѧ́	тѣмѧ	žepǎ	žsenǎ žepǎ
Б.	тєнѧ́и	тѣмѣ	žepě *	тєнѣ́ — долгота, но характер инро- мации не определен
Д.	тєнѣ́	тѣмѣи	žepŭ	žepě́ — краткое ударение
Acc.	тєнѧ́	тѣмѧ	žepŭ	žepŭ
In.	тєнѧ́ю	тѣмѧи	žepŭg**	žepŏm — в "Памятнике" у Критаси- ца диграф скорее русская, чем его редная. И говорят, что у них в разных диалектах была сѣмѣ- на и нѣмѣнная диграфа.
Loc.	тєнѣ́	тѣмѣи	žepŭ	— не найденя (и. б. ед. где-то в записках).
Мн. ч. N.	тѣмѧ́ др. тєнѧ́и	тѣмѣ	žepě	тєнѣ́ — наблюдаются и но всегда краткое
Б.	тѣмѣ	тѣмѧ́ ^Δ	žep	
Д.	тѣмѧи	тєнѧма	žepam ^{ΔΔ}	тєнѧ́м
Acc.	тѣмѣ			
In.				
Loc.				

- * долгое восходящее уд. на конце
- ** Восходящее ударение, это результат внешнего, по-видимому, а. н. ©. Поэтому что должно было бы получиться нисходящее ударение. А вот рука — подвижный тип все-таки предполагает первоначальное ударение рукою, как будто бы действительно эти формы сохранились, встречаются в древнерусских памятниках.
- *** Др.-рус. мы увидим, что такие почти несомненные нет — свѣтъ один раз встречаются.
- Δ а из бдого. Страннее. Скорее всего вторичное. Скорее всего оно могло быть в подвижном типе. Здесь получается новый акцент красноты.
- ΔΔ С восходящими долгами, но это результат отъезда

Лекция 13

В прошлой лекции мы записали соответствия основных языков, но при этом пропустили форму значительного падежа. Любопытно, что Зв., н.-видин., в именном жен. рода на -а- а. н. (в) был епископом. Это видно по глгав., гитогав. материалу и по др.-рус. В гитогав. жёно! жёне (мн. ч.) — это не совсем ясное и древнее сёстро! сёстры

гавав. (Novi) žēno žēne

В памятниках такие формы перетолковали узурение на о (о'жено.) В бол. памятниках во мн. ч. У меня для сравнения приводятся только краткосрочные формы. Приведен для сравнения долготные формы а. н. (в) по диалекту Novi. Мы увидим здесь отражение нового акцента.

Белар вводит l'hä.

Ег. ч.	Мн.	l'hä	Мн. ч.	Мн.	l'hë
	Р.	l'hé'		Р.	l'h (нов. акцент)
	Д.	l'hì		Д.	l'hán (удлинение вперёд, перед сонорой)
	В.	l'hü		В.	l'hë
	Ж.	l'hün		Жв.	l'hämi
	М.	l'hì		М.	l'hän
	Зв.	l'ho		Зв.	l'he
		(гитогав. морем)			

Даже в этих опорных языках а. н. (в) далеко не так устойчива как а. н. (а). Она постепенно смешивается, и отдельные слова, прежде входившие в неё, переходят в подвижную а. н. Но, с другой стороны, в её состав входит и подвижная а. н. новослов

были полностью распределение этимологизированного словарного состава непримодных имен по номин просто дадим списком, во всяком случае, наиболее важных, а в данном случае можно взять пример устойчивых слов неподвижного типа в ижорском (долготного типа [в а. н.]). Можно взять беда и труба — проведем долгое восходящее ударение (перетянутое) по всем формам. Их можно можно ^{в ижорском} посчитать по общей схеме а. н. морфологической. В то время как целый ряд слов — и долготного и краткослого типа — сменяли своего парадигму или создали "смешанный" а. тип в ижорском. Характерный случай слуга, кот. мы знаем точно, что оно исходит из н. (в). В ижорском:

слуга, слугу, но мн. ч. слуге, т. е. переход в а. тип (с).

К этой же группе относятся срца, срцу, мн. срце сирёна, сирёну, но мн. сирёле трава, траву, но мн. ч. траве.

В слове стёна аналогия пошла ещё дальше — стёну наряду с стёну.

Такой ход аналогии, по-видимому, связан с наличием двух факторов: и. б. определенное ^{важно} влияние оказывает процесс распространения долготных [типов] в ижорском. Дело в том, что ещё Яку-тский в XVII в. писал, что в ижорском все

— неслись перемешивались, смешивались, т. е.

внутриное или распространение. Думаю, что это так. Дело в том, что в многосложном слове ^{напр.} слуга, слугами — в этой позиции долгота в многосложном

словъ сохранялось. В то время как в шонавском боль-
 шинство слов введено в а. н. (в) эту группу сохраняют;
 т. е. ^{распространяют} фактически и в других группах. Любопытно, что
 в тех группах, которые сохранили здесь крайности они
 оказались наиболее подверженными аналогии по подобию.
 т. е. именно от сиде мы имеем сидата. Эта впадина
 свезь в полистике а. н., видимо, характерна. Я думаю, в
 этом направлении можно думать, почему эти слова ок-
 ватываются процессами аналогии. Но аналогии, конечно,
 действуют не только в долготных основах, но и в
 краткословных. Ис краткословными дело обстоит
 очень трудно уже потому, что, если первичный
 состав долготных имен мы устанавливаем в резуль-
 тате сравнения фактически всех славянских языков.
 между собой, также и западнославянский материал
 используется для установления этого типа, то в
 установлении первичного состава краткословных
 основ а. н. (в) нам могут помочь только русские, сербские
 — в общем восточнославянские (русский, в наиболее
 древней фиксации) и сербохорватские диалекты и
 шонавский (литературный) язык. Болгарский не
 ничего не дает. Поэтому когда мы пытались рекон-
 струировать состав а. н. (в) в её полном виде, т. е.
 краткословные основы, то очень большую роль играют
~~памятники~~ в общем — то памятники. Зап.-славян. язы-
 ки, если не вполне словесный, ничего не дают
 для характеристики а. н. двусловных имен.
 Перейдем к материалу памятников.

таинств идет по а. и. (в), а вой здесь так, победу
похвалоу (и похва'лоу) пресудороу сатаноу свободоу,
срамотоу таиноу третиноюу тирстоу хранинх' широтоу
ув. съ женою лихвою леукою
лѣпотю простотою, но побѣдоу (побѣда', но)

Мест. на главѣ кармѣ во мѣхѣ при рѣхѣ
на средѣ (?) остратей во тѣхѣ в тѣхѣ охочѣхѣ
Варианты с камеренными ударениями в ряде случаев
могут быть просто балларизмами.

Многоасотные: въ воестѣ в наготѣ о побѣдѣ
в простотѣ а таинѣ (в таинѣ — это соотносится
рекурсивному ударению в балларских напярниках)
в хранинѣ (в хранинѣ)

Зв. жено главо сатано
(форма в Зв. точно) таинѣ те, как в ю.-славен.)
(кстати сказать, это тоже свидетельствует о том,
что это форма епеліотина, если бы просто было
предвинутно ударение, то оно было бы предвинутно
на слог впереднакану слова).
глубина — это ии. в нар. Звас. и форму имеет
ии. над.

Мн. 7: Ии. бѣдоу враждоу главѣ женоу леукоу свѣца
(это, видимо, рекурсивная орфографическая или орфоэпи-
ческая норма и-сл. языка. А вой в послышье оно
звучит овца, но как расценивать эту форму — я не
знаю. Дело в том, что есть основное дунар, что
овца была подвижной? рѣкѣ свѣца (милый вариант)
сестроу сестроу (и сестроу — это начало появления

сшешанней парадншн) соудбѣ татѣ хеулѣ

Род. овѣз татѣбѣ

Дот. женѣ овцаѣ

Акк. бѣдѣ вѣнѣ главѣ женѣ нѣжнѣ овцаѣ райѣ
в рѣкѣ слугѣ стезѣ
глубинѣ клеветѣ тѣготѣ

Фив. главами о женѣхъ съ асирѣхъ стѣнѣхъ тѣмѣхъ

Мест. о овцаѣхъ

Зв. женѣ (им. Им. в. знам. Вок. Он не является энциклопедическим, так что в православ. можно считать энциклопедическим только Вок. ед. ч. А им. ч. — неясно. Но и с. как будто бы проходит).

Вот материал Гудов Нового Завета. Конечно, он не весь, а только представителен [этого рода]. Напр., моудина встречается очень много, им. сестра, сестроу встречается и с кшторой и с правном и с аутном — и все на конце

Дальше материал пойдет из болгарского, серб. словенского. словенский и словинский.

Попробуем же \overline{m} на со вс^х
равнаніе и с \overline{x} равнаніе
равнаніе довоное: невз^м,
но до не поманувши соор-
таа \overline{m} равнаніе

(Лог. Арист., к. 287).

Лекция № 14

Материал болгарских текстов тырновской группы.
Здесь я должен предупредить, что с болгарским есть
своя трудность, потому что в XV в. произошло уже
падение парадигмы в имени и следовательно
только тексты XII-XIII в. могут говорить об ак-
центации, а они-то как раз очень редко акцен-
тованы, поэтому материал здесь небольшой. Ду-
маю, что введение новых материалов может
улучшить положение.

В общем в памятниках тырновской группы,
как и в памятниках Кипрских, еще сохраняется
различие между а. и. (в и с) в имени т.н. р. и-а.
Но это различие хорошо сохраняется и сд. текст
в то время как во лж.ч. совершилось совпадение,
смысл этих а. парадигм. как они сменялись — этот
вопрос, ввиду сложности материала, пока не решен.

(др.-болг.)
Тырновская группа текстов

Ван. 7. Цм. вина пена (кифа) пчела раба раба
и лѣча лѣна муха рѣка слуга трѣва (трѣва)
и тѣма хоула (ѳама) (от и. "трусити" "терр")

многосложные: Варава глубина острота пѣчина
сатана тишина ширина. Должен предупредить,
что среди многосложных ~~многие~~ ^{многие} насу-
тили этот тип вторично. И для тырновской
группы это характерно, т.е. в тырновской груп-
пе нет такого типа, который встречается в дру-

их болгарских текстов: острота будет острота, но в болгарской группе все переходит в этот шум, ну, допустим, чистота тоже будет чистота.

Ред. внѣ ѿ тѣнѣ рѣкѣ (') скврнѣ ѿ трѣвѣ ѿ тѣмѣ.

многосложные: головѣ кончинѣ (но есть и кончинѣ — по-видимому, первичное) и красоты стрѣмнинѣ топлотѣ (опять мы здесь встречаемся с характерным переходом для болгарской группы красотѣ < красотѣ — старое должно быть, топлотѣ < старое топлотѣ).

Дат. внѣ (также одно слово из двусложных) многосложное: по лѣпотѣ къ мамѣ отклонение от нормального перехода — мокрѣтѣ

Акк. брѣздѣ внѣ (') драхмѣ (заимствование) темѣ (') свѣздѣ моухѣ мзглѣ мзздѣ ракѣ рѣкѣ скврнѣ тѣмѣ ѣзѣ
многосложное: варавѣ на [гол]гоѣ въ лѣпотѣ наготѣ пѣцѣрѣ прѣстѣ (тот же переход из одного типа в другой — из © в ©) просѣрѣ сатанѣ и свободѣ ѣзѣ
Но это образование ^{это изменение} не связано с самым процессом совпадения а.п. (в и ©), а просто — результатом целенаправленного словообразования ^(с другим значением изменения) топлотѣ было заимствовано первоначально

Хотя такие а.п. типы заимствованы в болгарских памятниках, где все эти шумы на -ота совпадают не в консонансном типе, а в подвижном.

А. н. © — совершенно такая и в Ангуарике
(уаремне чепомежное), в то время как а. н. ©
Анн. дует с уаремнеи из отг. Некоторое время
я привожу, исходя из профессиональных инти-
ресов. И медля, которые замисляются намет-
каем, это дует интиресно. Многие всели сходят
~~и~~ исследователю, в туши, когда он видит,
например, ^{трѣбѣ трѣбѣ} неурядочные для русскаго.

Жв. и трѣбѣ (болше пример из)

Лек. в тѣмѣ, (многослотное): пещерѣ тѣготѣ
и чистотѣ Но въ глахбинѣ — этот вариант
не относится к а. н. ©

Вок. жѣно! кѣпѣно — менее надежный при-
мер, перенос спиральной.

Лич Ули. и жѣмы звѣзды пчѣлы рѣкы слоугы тѣмѣ
чѣты — Анципнаа кривая оены похото. не
то, что предполагаеи Сандренко. На пѣвѣи
взгляд это не оены спиральные формы, но упрощая
что в это время в др. рус. было не жѣно, а
жѣно, и т. д. — это вѣдѣи спирально. Ну, далѣ-
ше то павелотел, какие-то варианты павел-
ются, но в XIV. (Гусов. Новей Завѣ) — то ли
сдвинуты, то ли сдвинуто старее.

Ред. ѿ бѣдѣ ^{интересно нам} (только то, что из переноса из предл.)
что совершенно закономерно

Дат. жѣнамъ по стѣгамъ ^{этиралождение}
Но глахбинѣ — ^{как} объясняется — медено. Можно
интерпретировать, что долготы
тогда мы

Но очень мало примеров, чтобы что-то утверждать.
 Примеров так мало, что почти-то тесную
 интерпретацию дать невозможно. Нам, вконец,
 что всегда возможно в узлах текста вариантов
 более архаичней. И есть еще одна особенность
 — дело в том, что тогравекая группа — это
 чуждая группа палеонтологов, которая в одних
 не во всех моментах одинаковая. Но разницу
 установить очень трудно. Где колеблется, где нет.

Акк. бѣды и жемѣ (мѣлы / мѣлы мѣзды слоѣты
 стѣпы тѣмы оѣзды (просто поселяет, или
 м.б. два варианта; если да
 вы бывшей мѣткою, можно бы
 ло бы найти к-то распределение).

Фив. (Здесь сохраняется старое ударение, но при-
 меров мало) жемѣми федротѣми + это вто-
 ричный переход, и в др.-рус. федротѣми и в
 баш. палеонтологических

Лон. (нет примеров).

Кипришевская группа пенсийов показывает
 эту сходную картину

Бд.ч. Или борба' вина' (а-а) и жема' ни лѣна' лѣжа
 мѣзды раба' сатана' тѣма' (а) хѣла' (а)

Ред. тѣмѣ бы жѣзды/же (этот пример неустойчи-
 вого типа валѣ, падежные и еще то
 ударение).

Дат лѣжѣ

Акк. бо/рѣжѣ и веснѣ винѣ стѣжѣ тѣмѣ
 пенсия в а. и © стѣжѣ и стѣжѣ

и, по-видимому, ВѢЗЪ. Это уже прямо говорит
о том, что а. и. ѿ вѣдѣнныи. В то же
время многосложные, дающіе конечное ударение
ГЛѢБИНЪ и в ѿпотѣ

Мв. АЗѢ

Лек. о лѣтѣ пристѣи

Мнз. Ци тѣмѣ бѣ (если только одно слово)

Ред. много форм, но все они ниско не дають,
кроме того, что на предлог не переносится
ударение и ѿ бѣ свѣзѣ ѿ стѣзѣ тѣмѣ таинѣ
и тѣмѣ.

Итакъ односложные словъ имеетъ ограничен-
ное значеніе, темъ не менее они представляютъ
определенный интересъ. Существовавшей теоріи, что
в односложныхъ словахъ ударение ~~терзѣи~~ разря-
жительно-функциональн, не являясь ~~функциональ-~~
нон — по теоріи Трубецкого и Яковсона.

Но все-таки наличие надъ знаменъ рекурсивно
надъ этими словами свидетельствуетъ объ образ-
номъ. Несмотря на то, что ^{односложные} формѣ ударения
не различаются. Ударение существительной и по-ви-
димому, неизвѣстно то, что не м. бѣ?
одного примѣра с Яковомъ.

при переацентовке стиха.

^{баш. ст. к. и} В ѿдр-рѣс. текстахъ можно быть позиціи, где
односложные слова ѿ а. и. м. б. безударными,
в то время какъ формѣ односложные формѣ а. и.
ѿ всегда сохраняютъ ударение.

Д и пи́фамъ (пример неустойчивости, тип "волн")
 слягáмъ и стьгáмъ (надежно к какой а. н. относимось это слово, условно мы его приписываем к а. н. (б). свинѣамъ.
 Здѣсь, напротивъ, несомненно имамъ, какъ в Гюгеновской группе
Акк. и игро́ хлы

Дв. рѣка́ми рѣ́ами (тоже мало примеров)

Лок. въ/рѣка́хъ

Вок. (мн.) Но здѣсь трудно утверждать — подвѣтнѣмъ
 мы это форма или (б): ѿ татѣбы.

Слева этого типа с суррогатомъ -ба у Крижаня
 хорошо все соответствующее а. н. (б): татѣбу, но татѣба́
 дру́тебу, но дру́теба́. Поэтому, если это а. н. (б),
 то этот переносъ на ѿ обьѣмъ, если же это
 все-таки а. н. (б), то это должно свидетельствовать
 о томъ, что во всехъ славянъ языкахъ была такая
 форма -епслѣпотена в Вок. мн. ч. ^(у а. н. общ.) Но видѣли в
 ед. ч. тѣмо, несмотря на то, что а. н. колонная,
явно епслѣпотена, ударение должно быть на

окончании, а здѣсь ударение на корнѣ. Если для
 ед. ч. мы можем реконструировать ^(правильно) форму Вос.
 епслѣпотена (и в др.-рус. будетъ тѣмо), то для
Вос. мн. можно говорить только о южнославян-
 скомъ. Ну, в южнославян. можно было бы просто
 говорить ^(уже совершеннѣе) ~~тѣмо~~ тѣмѣмо, ~~тѣмо~~ это а. н. (б), а
 не (б). (если бы удалось доказать, что) Но пере-
 носъ [ударение] на ѿ — это очень характерный
 моментъ в Вок. для памятниковъ др.-рус. и баг.

Всем легко было бы объединить материал
тырновских и киприановских памятников, но е. в.
было бы что-нибудь более ясное, но наиболее более
ясное — не совсем понятно. В дат. ин. полу-
чена следующая картина. У Киприана слога долгот-
ный пица'мъ, свига'мъ свини'мъ и хбична'мъ. В
тырновских памятниках пица'мъ, но жёна'мъ
стѣпалъ. Всем объединить эти примеры, но
в действительности получили такое распреде-
ление: перенос ударения на краткосyllabic слог
и сохранение при долготном чужом; т. е.

долготный.	пица'мъ	краткосyllabic.	жёна'мъ
	свига'мъ		по стѣпалъ
	свини'мъ		
	и хбична'мъ		

Исключение ч. в. стѣпа'мъ, но здесь в, он ведет себя
по-другому. Потом, когда мы будем рассма-
тривать а. н. ©, то увидим, что картина
очень похожа во мн. ч. Кей эти извлечения
по-видимому, ^{здесь} два типа более процесса — как
фонетический перенос и, с другой стороны,
воинвоинство

Что-то почти более определенное в этих пози-
циях, в которых происходит фонетический пе-
ренос, пока не представляется возможным.

В др.-серб. памятнике Ев. XV в. есть пример
как будто подтверждающий ^(в какой-то степени) реконструкцию

Смляренко — в Мол. с накаранными ударениями, но
тоже очень неопределенными.

Ег. 7. Мол. жена' же и сестра' рѣка' хвало' алоуа'

Бен. (наблюдается то странное ударение, которое
время от времени попадает и в баларских текстах
и в др.-рус. памятниках) бѣ вонѣ, Норецкиноу, деи,
вѣны горѣ

Дат. тѣмѣ

Акк. и хвалоу въ гороу (причем, это реченье, ^{не так!}
на гороу, въ гороу а н. в. поддтверждается др.-рус.
материалами). Траву (и домоу)

Мол. ^{горѣ} на горѣ на тра/вѣ

Вок. тѣно

сл. ч. Мол. ^{и тѣно} ~~тѣно~~ ~~перетяжкой~~ и сестра

Акк. тѣно горѣ (горѣ).

Во-первых, интересно тѣно Мол. см. трудно
объяснить какой-то перетяжкой. Это или
выше или ниже баларского протографа или
акцентировка выделенной горѣ, или акцентировка
старой акцентировки этой горѣ, или действитель-
но, может свидетельствовать о ^{вероятно} этой реконстру-
ции, которую дал Смляренко. Возможно, очень рано
эти горѣ стали баритонизованными. И эти
баритонизованные горѣ были какими-то вто-
ринными, потому что всё равно эти горѣ не были
исключены, ударение с них не перетягивалось.

видимому, со вторичной долготой; i-отпадает¹⁰ в этом диалекте, и получается вея такой отливкой от дат. редукции.

Lok. gorāh

В словенском интерактурном:

Ег. 7. N. gōra - с отменным ударением, при этом выделенный слог в отрывном = Q. В ред. не отменное ударение, потому что в интерактуре сохраняется долгота.

E. gore

D. gōri (отменное ударение)

Acc. gorō

In. gorō - как видите, краткосрочное ударение на конце ^{остаточное} долготное сохраняется

Lok. gōri

Лит. 7. N. gorō

G. gorā (закрытый слог, оно такое же

D. gorām краткосрочное) как ...

Acc. gorō

In. gorāmi

L. gorāh

Здесь все понятно, пока все происходит.

А вот с редукцией именной этого имени, не происходит, здесь сохраняется тот же ритм.

Ег. N. stāzā (stāzā*) но есть вариант с краткосрочным)

G. stāzē (stāzā — " —)

D. stāzi

Acc. stāzō (stāzō — " —)

In. stāzō (stāzō — " —)

(*) Свойство ассимиляции в этом слове и написание и

сл. ч. N. stazā

G. stazā

Я. stazām

Acc. stazē

In. stazāmi

Loc. stazāh

* Вот этот тип и т. д. —
особенность распределения слогов.
ударения. В словен. все ударное
внутреннее слоги долгие, краткие во
тех случаях.

В словенском а. н. (B), по-видимому, полностью,
за латинско-ию тали дзалими, совпала с а. н. (A)
— и краткие и долгие в именн. тем. рода (в отл.
те от имен муж. рода). В этой группе закон Кри-
танича не действовал, т. е. не в доре, где отчасти
было расхождение по закону Кританича. А
именн. муж. рода делился на 2 группы в зави-
симости от действия закона Кританича, точнее
от недействия его. Примеры:

N. vjēda dēškā (то не совсем верно) dēizā d'ā'uzdā
žūzā glīstā grāzā jūzā skūvā (красоты)
smīslā stāzā (долготы) sūstā (красоты)

sūstrā (неподлинн.) sčārā (здесь, по-видимому,
произошло удлинение) tōzā Эти примеры по-я-

зывают, в общем здесь а. н. (A) и (B) совпали, кроме незав-
симо от ^{преобладающей долготы}

В других зап.-славян. языках (B) а. н. опоздал
только в долготных основах. В рус. и серб.

— долготы, в полвека — прежде долготы.

рус. brāda

серб. brāda

пол. brōda

в.-с.-м. brōda

(чехос. brāda, brādū)

чеш. třída слав. črieda в-лук. čyōda
в носу, аугуно, — перенос в @ а. н.

чеш. tráva слав. tráva пол. гуа. trāva
(малополск.)

чеш. mlaka слав. mīka пол. мака

Перенос а. н. @, т. е. аугтированное:

рус. мика

чеш. mika (со вторичной потерей долготы)

слав. mika полск. mēka

чеш. váva слав. vave малополск. vava

чеш. líra слав. līra

рус. виро́на чеш. vrána слав. vrana полск. wrona

в-лук. wrona (соответствует чеш. и. е. долготы)

Вой сдвинутено а. н. @ в венских на-а

мен. рога.

Лекция 15

Об а.п. (6) у основ муж. рода. с основой нз 2.

Перед этим мы много занимались Законом Кританца. Посмотрим его на данной группе основ. — Внутренние основания для примения этого закона. О внутренних основаниях, о внутренней реконструкции, о распределении глас, которые являются признаком действия я говорим на прошлых лекциях. А сейчас посмотрим, как это отражается в основных группах. Сейчас будем видеть, что мы в русск., мы в шведск. материалы следов действия этого закона нет. А именно распределение только в такой-то области, у самого Кританца. В словес. материалах, ~~каждый~~ конечно, специальная работа. Потом мы разберем отклонения. Словес. материалы довольно хорошо ведут себя, потому что там распадаются парадигмы краткосложных и долгосложных; и позиции в действительности совпадают, хотя краткосложные (6) а.п. совпали с а.п. (6) по акцентной кривой, но тем не менее это совпадение не является результатом какого-то чисто аналогического воздействия, а, по-видимому, является результатом воздействия.

Конечно, мы в словес., мы словесно-нормативные материалы не являемся, скорее говоря, решающие моменты ~~я~~ в пользу примения закона Кританца. Более решающие ^{фактически} являются его всеобщее положение во всей системе языка: мы дадим им хорошо отказать от примения, вошедшего в стандарт (с долгими гласными не предшествующими отглагольному ударению) или примия его в стандарт отглагольным ударением: что ударение отглагольное только не

предшествовавший датий [аа]. При этом я уже
осведомлен, что есть малые горлы — и
малые малые горлы — где мы все-таки ^{вынуждены} ~~должны~~
поставиться неограниченному закону — Станго,
потому что только мы пока это можем сделать.

принцип дополнительности для
групп неприводимых форм, следовательно очень древних
приводных малых а. и. в типа носит, ходит
и т.д. мы должны все-таки признать, что
в этих формах происходила отсюда не пред-
шествовавший крайний, но таких случаев очень
мало. Может быть это удастся сделать
ка-то по-другому. Но все-таки допустить груп-
пировку, ну так, аналогию, и т.д.

Ну, если мы вообще не будем принимать отнес-
вения ^{к внутренним и конечным состояниям} предшествовавший датий в качестве
само, то мы должны были признать, что
в каждом отдельном случае происходило отнес-
вание в определенное время. Трудность аргу-
ментации Закона Крижанича замечается в
том, что этот закон, по-видимому, как сейчас
как синхронная система существовал очень
давно. И наряду с очень старыми формами
по этому Закону ведут себя и формы новые.
Поэтому он в этом отношении более сложный, чем
все другие закономерности в славянской ауре.
малости, ~~которые~~ ^{которые} которые находятся...

в ограниченных формах и можно как-то их хронологизировать. А этот был всё время в системе целого ряда языков.

Ну, вот я перейду просто к таблице, но она довольно большая.

- (6) Удлинение перед звонкими.
- (7) Здесь таким образом без конечного ударения, но т.к. долота и б. только предупредитель, то ясно, что удар на конце (но есть формы с конечн. ударением).
- (8) С отглагольными ударением с отглагольного глагола
- (9) Долота в "Политике" пропускается
- (10) Это первичная форма
- (11) Замена м. а. н. и. циркумфлексом по аналогии с е. а. н., т. е. в словен. полное совпадение с а. н. (а) во всех падежах, кроме 4-м. и 6-м. ед.
- (12) Собственно здесь есть различие. В словен. ^(по-видимому) это утрачено т.е., т.к. окончание. И утрачено у Кривошица, где тоже распространяется. Но здесь есть н.е.а. но не очень надежна.

Ед. ч.	русский		с.-х. (итонава)		аццав. (Novi)		каин-гав. XIII в. (Тристан)		серб.		словен.	
	свр.	др.-рус.	крат.	далос.	крат.	далос.	крат.	далос.	крат.	далос.	крат.	далос.
N.	стол	всхвѣ	стѡ бѡб	хрѣст	křov	brěst ¹	křov wěl	krāly	bōb	brěst	bōb ⁶	grěx
6.	стѡла	грѣхѣ	стѡла	хрѣста	krovā	brěstā	s'konjā sketa	krāstā ⁷ блѣда	bba ⁸	brěsta	bibvi	grěxh
8.	столу	грѣху	стѡлу	хрѣсту	krovū	brěstū	welū кѡвѣ	grichū kralyū	bōku	brěstu	bibvi	grěxh
Ак.	стѡл вѡхѣ		стѡ бѡб	хрѣст	křov	brěst	zaskch	křud	bōb	brěst	bōb	grěx
Жив.	стѡлом оуном		стѡлом	хрѣстом	krovōn	brěstōn ²	kōnēm skotēm grozēm	kralyēm trudēm	bōlēm	brěstom	bibva	grěxa
Лож.	на стѡлѣ	грѣбѣ	стѡлу	хрѣсту	krovī	brěstī ³	w'grolēi	ko grūxū trudū ⁹	bōku ¹⁰	brěstū ¹¹	bibvi ¹²	grěxh ¹³
Зв.	рабѣ ⁴		стѡле	хрѣсте ⁵	krovē	brěste						

¹ Вернее нов. ацута

² Это не полевание количества, а полудалота. (как ее определяет А. Бемел). Она возникает в позициях, где раньше была далота, сократившаяся, видимо, в направлении. Такая позиция для раньше Запрещена для хорватских диалектов: тогда далота стояла перед гласными ударными — ударение д.б. переносилось или далота сокращалась. А здесь правылись вторичные далоты. Фonetические признаки ее неслышны. Но ясно, почему она возникает: она возникает в позициях, где раньше не могло существовать.

³ Сохранилась старая форма в гласном

⁴ В др.-рус. Зв. не наблюдается отсюда. (далее см. на стр. 3.)

⁵ В итонав. форма-эмминименя.

18 марта 1975.

Лекция № 17

[сч. в тетради Р. Буязовой²]

Лекция № 16.

Продолжим таблицу сравнения а. типов, восходящих к ислонной (в) а.н. по разным языкам. Мн. число.

В русск. и с.-х. шлонав, как видите, никаких следов действия закона Криманига нет. Но в танав. уже обнаруживаем такие же рефлексы.

(2) Ударение оттянуто, как и в иных случаях, но при этом здесь открытое *o*, которое явно говорит о том, что это позднее оттянутое ударение. В тех случаях, когда старое ударение над *=o=*, то оно приобретает дифтонговую ^{закрывающую} характер, в литерат. яз. это обозначается *oo* (в соврещ. словарях), а в диалектах, положенных в основу старейших работ, где имеется различие между *o* и *o*. Старое новоанцирированное *o* именно *o*. То, что современные словари показывают можно уже совпавшие, это очень плохо для анцириологов, потому что *o* может быть и под другим ударением — под циркуирексом (перенесённое ударение). В А иногда получаются анаграммы, и тогда литер. мория не позволяет установить характер первоначального ударения в то время как это *o (=o)* свидетельствует явно о старом новом анцирировании. Всегда требуется обращение к словарю Плезен-шина, чтобы установить... Не говоря о том, что в соврещ. словарях анцириология

	русск.	с-х. (штокав.)	такав. (Novi)	Хрижанец (XVIII)	сербен.	словин. (диалект кашчан)
N	столы грѣси	столови хрѣстови	krovì brestì	воли краљи коњи*	bo'bi ⁽¹²⁾ brēsti ⁽¹³⁾	bo'ba ⁽²¹⁾ grēxi
P.	столов грѣхъвѣ	столова хрѣстова	krovih' brestih'	волѡв коньѣв	грѣхов трихъ krāljēv ⁽¹⁴⁾	bo'bov ⁽¹⁴⁾ brēstov ⁽¹⁵⁾
D.	сталам рабамъ	столови на хрѣстовима	krovon ⁽⁸⁾ brēston ⁽⁹⁾	poslom bludom ⁽¹⁰⁾	bo'kom ⁽¹¹⁾ brēstom	bo'bo'm grēxom
B.	столы грѣхи	столови хрѣстови	krovì brestì	pozì gruxi	bo'ke brēste	bo'ba grēxi
Тв.	столами грѣхъ с коньми	столови на хрѣстовима	krovì ⁽¹²⁾ brestì ⁽¹³⁾ (krovì) (brestì)	skotmì ⁽¹⁴⁾ коньми волми	грѣхми zbludmì bo'bi ⁽¹⁵⁾	bo'bamì grēxamì
Мн.	столах в грѣхъ (но, это слово перешло в подв. наст.) но др. примера не имею а.п.	столови на хрѣстовима	krovih ⁽¹⁷⁾ brestih ⁽¹⁸⁾ (krovih) (brestih)	коньѣх trudech wkrāljech	bo'bih ⁽¹⁹⁾ brēstih ⁽²⁰⁾ bo'bih	bo'bjēx ⁽²¹⁾ grēxax
Зв.	как Мн.					

⁽¹²⁾ В др.-рус. в XIV в. уже не было старой формы

* М.б. и вариант конев.

** Долгота указана, а ударение не указано, но долгота м.б. только предупредительная
Безъ слуга, где указывается ударение и долгота (просто их под рукой не оказалось)
(см. стр. 1)

представлено. из рук вам много, хотя сейчас
занимался Рилер, кот. нельзя заподозрить в
многом знании акцентологии. Немного, по-
му, они придерживаются и такой условленной
системы показание акцентов, ввиду того
что-то совершенно новое и непонятное, в
то время как есть уже хорошая традиция
указания а. ритмов в старых работах. У них
есть какие-то сравнения в этом отно-
шении. Понимая, что они недолюбливают все
и Воливец недолюбливает.

- 3) тоже отнесенное ударение. Это просто уга-
дочное решение Б.
- 4) В диалекте Нови найдет из вариантов много
подвариантов. В скобках будет даваться вторичный
(потерянный я считаю вторичным вариантом).
А без скобок — то что я считаю первичным.
Когда я говорил о языке Крижанца, я говорил,
почему я считаю (по внутреннему соотношению)
— один вариант первичным, а др. — вторичным.
- 5) у Крижанца строго распределяются красноты
и белоты варианты.
- 6) bo'ov — интерм. вариант с отнесенным ударением
с открытым o. И более архаичный вариант
bo'ov.
- 7) Что касается словес. bre'stov, то здесь вариант
с наперевым ударением, причем ударение, видимо,
очень давно отнесенное и замечено рефлексо-
вого циркулирования, т. е. этот тип поимено-

совпадает с а. н. (a) за немюревиним ^{3.} Чл.-Вин. над., где сокращенное, а у "Kresta" — с даю-
тей, это и есть указание на а. н. (b).
Невоанушовый рефлекс здесь замаскирован ново-
циркулярными.

- (8) Это самое обильное развитие, удлинение перед
семантом.
- (9) Здесь тоже вторичное удлинение перед со-
намитом. И, естественно, возникновения по-
мудалоты (=).
- (10) Пример из "Политики", потому дагота не от-
мечена.
- (11) Открытый рефлекс.
- (12) В тв. лн. тоже 2 варианта (в свободном-
вторичный вариант).
- (13) Здесь дагота сократилась. По-видимому,
аналогическим путем вытеснена.
- (14) Примеров с первичными гортанями [мордромы
не так много. Обычно в тв. лн. гортань = т
Аналогичные примеры в старом тв. лн. Я говорю
о них в 8 лекции, когда речь шла о законе Грч.
жаниго: концы : нймцы и т. д. — они не огеня
(краттосложн.) (долгосложн.)
решн, т. н. с сурдрисами.
- (15) В словен. в тв. лн. есть 2 ряда гортаней. Есть и
другие алфавиты с закрытыми o, на которые опира-
ется Stand. Но потом мы разберем — в наших
положениях появляются новые варианты.

(16) Дополнение. В а. н. в словен, как уже говорилось, идут по а. н. @, т. е. вариант с новым циркулярным флексом. Это совпадение дополн. В а. н. с @ а. н. произошло довольно рано, т. н. проходит по всем диалектам, насколько мне известно по различным описаниям. В общем, словенский предвзет хороших диалектных описаний. Матих описаний нет. То, что они делают, это на уровне малой передачи материала. За исключением старых работ (Valjavec). Много вреда сделано лингвистическая погрешность.

(Б. де Куртень)

[Что касается материала по ~~Valjavec~~ развешенным словам, то логарифмирующий диалектолог, как бы там, считай, что там рефлексы интонаций показывалой, что это внутренняя сдвиги, ну, в тоже думаю, что это внутренняя сдвиги. потому что это характерное обращение передвижения акцента для словен. диалектов и койкав. диалектов. Напр. тезо ^{тако порно} с передвижением, как будто, общесловенским ударением в ряде диалектов подвергаются обратному переносу, при хорошей записи с указанием интонации это можно восстановить, потому что здесь ^{возникает} тогда восходящая интонация, и потому ясно, что здесь не сохранили ~~интонации~~ ^{прямой} интонации, а обратный перенос. А старые записи Бодуэна в этом отношении нехороши: неслучайно там интонация. Внаше

возможно, что там вообще потеряно итно-
наши и поэтому ничего сделать не сможем.

Только по нашим-то вторичным формам —
в особых случаях можно судить об итнонаши.
Всего стран здесь — возникновение нового циркуль-
* ~~služila~~ → в словен. здесь будет новый циркуль —
služila — флекс. в этой позиции. Это явно сло-
венское явление. В позиции дальности — в тех го-
ворах, в кот. в тею перемещается ударение
и этот нов. циркуляр флекс. перемещается обратно.
Но получили такую форму služila, которая
явно вторичная. Поэтому, сравнивая, можно по
характеру передвижек усматривать — был здесь
процесс обратной оттяжки или нет.

(17) тоже 2 варианта, как в Редит. надете.

(18) У Кретишча совершенно четко.

(19) В словен. — очень будет вариант с оттянутой
ударением (если ударение не падает на окончание
мо -ih ставится). И более архаичное ударение
воуеh. В ряде слов здесь появляется закрытое
-o- (но не в этих словах).

(20) Важный момент для словен. что этот метр
повторяет в общесловенский.

(21) Нужно отметить, что это ударение характерно
также и для слов, кот. восходят к а.н. (с).
Получилось просто совпадение краснотин.
еще (в) и (ш) (с) (а.н. и к.т.т.т.)

По аналогии сюда вписанные немногие слова а. н. (а), но они обособились. В а. н. (а) есть шип, кот. перешел в подвижной шип (это шипы с -or-, -ol- в корне). Они дали сочетание шипа с кратким и были втеснены в а. тип (с). Это просто перераспределение. Я потом дал список этих слов, их немного. Будет конечно, почему они вошли по (с) а. типу. Напр., горох, д. б. неподвижн. : гросх, но = o = слово характеризованное признаком подвижного шипа. Все эти слова по -o- были шип в а. н. (в) шип подвижн. Крайне - поэтому так. И в а. н. (а) оказались в лехитских языках с -o = то же слова типа гросх. (ня -or =, -ol =). Сначала в лехит. яз. они были достаточно широкими, потом сократились.

±

*

*

*

±

Итак можно увидеть из таблицы, что в славян-то типы Крыжанина краткословный и в словен. и в словин. (тоже краткословн.) ^{то тип д. кельской} явно совпадают. М. е. это совпадение в, бен. — сохранение ударения на окончаниях -or, Гиб. и Ломат. Отличие, кот. наблюдается здесь — это на = от, кот. м. б. восходит к подвижному шипу, по аналогии с подвижным шипом. На этом совпадении тоже и трудно доказывать действие закона Крыжанина, но само совпадение этих а. гитов весьма характерно. М. н. у нас есть внутренние признаки

для объяснения этих совпадений, то, видимо, мы вынуждены принять Закон Криваша, его раннее действие по крайней мере для позднего праславянского.

Дальше можно перейти к материалу памятников — к др. рче. (Чудов. Мав. Завету) говоря об одной особенности. Дело в том, что в диалекте, который лежит в основе этого текста, наблюдаемая важная акцентологическая особенность, правда, не в а.н. (в), — в соответствии с темного или твёрдого варианта. Именно следы в более поздних текстах [после XIV в.] московских этого, к сожалению, не обнаруживаются. Много по крайней мере и другими акцентологическими работами над этим. Некоторые особенности, похожие на эти, наблюдаются в некоторых белорусских памятниках. Чтобы проследить эту черту, нужно просмотреть материалы зап.-русский, акцентированного памятника, юж. и уральские недостаточного количества. Чудов. Мав. Завету Очень хорошо стал украшением текста.

Лекции №17

(в тетради у Р. Булатовой)

Материал из среднеболгарских памятников
по о-сенован м.р. а.п. ③.

Сейчас мы перейдем к среднеболгарскому материалу по а.п. ③ о-сенов м.р. Ср.-бол. система очень любопытна тем, что этот а. тип фактически невозможно отделить от а.п. ①. Это окситонированный а. тип, который в русск. яз. ^{в гласной} имеет ударение на конце слова, а в словен. и в италянской — явное перенос с конца. В болгарском он стал неподвижным, баритонированным типом, за исключением нескольких слов, в которых наблюдаются некоторые отклонения. Это слова гръхъ, вол, путь, мил — встречаются варианты. Но тут непонятно: т.е. эти варианты встречаются в Кирилловских текстах, то можно было бы подумать, что это русизм нашей-то, но даже в рус. то и в дальнейшем в болгарском яз. слово гръхъ отражается как подвижный тип. Хотя по всем словообразовательным моментам, по рифмовке ащенишовой по производному этого слова и по закону Васильева-Доледно мы видим, что это всё-таки а.п. ③. потому что по закону Васильева-Доледно нет переноса ^{ударения} с этого слова на гласную. И в производных будет гръшник, а не гръшникъ, допустим. Вот такие все особенности. Там, где возможно это объяснение, прочее, они выступают как варианты, не совсем ясно,

Но вот наши-то немеркнущие развитие, относящиеся к этому слову. Это касается вообще большинства лексем, которые относятся к этой а. н., то их показывая для вост.-бал. диалектов (наименее сред.-бал.) совершенно широкое, совершенно типичное. Они дают баримонизированную а. н. без великих переносов на окончание. Здесь есть, правда, ещё одно исключение. Имена многослобные с конечным ударением, если перед ^{примыслим} сурформами стоит **ъ, в**, этого процесса не испытывают. У них остаётся ударение на окончании. В этом отношении они совершенно ^{аналогичны} подсемейным словен. примерам, с которыми мы тоже встретимся. Но правда, ^{в словен. есть} ещё исключение: имена с конечным ударением, корень которых не происходит. Это имена не =ещь (конечь, истець), не =ен (овень) и т. п. — с ъ. А в словен. этого ограничения в переносе на корень ^(нет) это распространяется также на имена с **ъ, в** ^{в корне} однословные. ~~Имя~~ и даже на имена, в которых есть тавровый (типа крет) — они сохраняют конечное ударение в словен. В бал. же эти имена также подвергаются ретракции ударения за конечным словом нее, ^{ней} который ^{сложился по-русски} совершенно. Сейчас мы познакомимся с этим материалом, это будет более ясно.

Тюрковские группы *5

Эд. N. въплъ грѣвъ дѣвъ, кѣвъ, лѣвъ, и ѡтъ рѣвъ. скѣтъ еѣвъ бѣвъ; многословные: тѣнѣхъ, тѣвѣтъ, ни бѣче-нѣкъ

первые наблюдается конечное уз. в этой г.н.
т.е. по своему характеру это тот тип узрения,
кот. наблюдается в лужицких говорах — сев.-вост.
Баларич. И с торновскими диалектами и вблизи
Торновские, поначалу, не светало. Тем более, что
др. памятники, локализованные как торновские,
показывают узрение на конце с нулем на при-
ставку. Это очень важная деталь, свидетельствующая
о том, что уже в XIII в. существовали в Баларич
диалекты, (в самом случае уже в XIV в.) которые
прели конечное уз. в © г.н. Это очень сильно изменило
взгляд на Торновские памятники.

Это такие памятники: Зиграфский сборник
(103), Королевская псалтырь (хотя и сейчас еще
отделяют ее от этой группы памятников; как указано
установил в результате тщательного просмотра, показывает
конечное уз. в 1-й ед. ч. г.н. © псалом, в некоем смысле на
знаки были совершенно разные, и в их отношении упрощал, а
сейчас, когда я собрал весь материал, то оказалось,
что значительное количество — около 4 или 5 псалмов —
где можно знак, стоящий на конце расширяется
как знак узрения, в результате палатализации, что все ак-
центируемые псалом г.н. © в Кор. псалм. — имеет конеч-
ное узрение. Это единственный памятник, который

Беп. ^(*)Вѣплю ^(*)ѡ грѣбѣ, двѣра лѣва мѣча ѡгнь ѡплода [□]
пѣста рѣба, ѡ сѣна сѣда хрѣма; многослѣпн: живѣтъ,
ѣе корабль оученика [○]

[□] А в др.-рус. мы встретили выплѣ

[□] Здесь не видно различия между рус. и болг., просто потому что перешло это слово из а. н. [○] в а. н. [○].
Старое ударение грѣбѣ

[□] В том случае, когда с предлогом встретиле примодѣ,
я даю с предлогом, чтобы отсегнуть случаи перемены.

[□] Который, очевидно, относился к а. н. [○].

[□] Уже по этой форме можно видеть очень характерную черту — вост.-болг. намерения (говорю в вост.-болг., потому что в зап.-болг. встречаются всегда варианты с конечным ударением, т. е. там будет наряду с ѡгня, ѡгнѣ, что является нормативным в литературном языке, ѡгнѣ, хвостѣ, рогѣ и т. д. Примеры таких вариантов я привел в статье о классификации болг. намерений).

Дав. Вѣплю (= вѡплю) грѣбѣ лѣвоу ѡгню рѣбоу рѣвѣ
(он относился к а. н. [○], собственно, он и сейчас рус., но с ъ), сѣдоу оумоу хрѣмоу; многослѣпные ѣ живѣтъ,
корабль оученикоу

Асс. (здесь много особенно интересного) ѣ бѣбѣ вола (одушевленн.) въ грѣбѣ (всегда без переноса ѣ) кровѣ (по кровѣ) мечѣ въ ѡгнь ѡдрѣ ѡсла (одушевленн.) плодѣ
[сб. что градились]
рѣба въ рѣвѣ въ сѣнѣ* въ оумѣ** хрѣмѣ; многослѣпные:
жениха живѣтъ корабль

* Прилаг. в а. н. [○] перенос осуществляется и на 3-ей предлог. Для др.-рус. это не характерно, а для болг. встречаются переносы и на 2-ю

** Без наглядности что орфографически не верно

Instr. грѣхѣмъ по кровѣмъ ѡгнемъ по ѡдрѣмъ

[Этот падеж особенно резко отливается в а. н. (с), где конечное уд. в вост.-бал. памятниках] и постои прѣстои (и вот воцмани пѣтѣмъ — это i-основъ, но слышно ли это с этой особенностью — неясно, тем более, что есть еще вариант рабѣмъ) остоудомъ ономъ сѣдѣмъ и храмомъ. Многосложные у меня не ошечу

Loc. въ грѣбѣ о грѣбѣ въ двѣрѣ въ кровѣ на ѡдрѣ прѣстѣ при пѣти (идет по i-основу, здесь и прямо условно ч. б. рассмотрен здесь) на пѣти въ зѣмѣ въ рѣбѣ въ грѣбѣ многосложные: в хорѣби мотѣрѣ

Voc. (Засвидетельствован только о i-осн. и о смещенной основе) пѣтиу врачу здесь по надглаголу перемещенное ударение. Говорит о том, что здесь форма-исключительна, не основанная. Возможно, но, что это просто продолжение удар. врачу. С гласной и просто не встретилось.

Многосложные шло.

Pl. N. въ жѣи грѣби и кровѣи (мѣв — и-основъ и мѣчеве) плѣди (пѣти — окончание i-основъ) раби и хлѣми; многосложные оученици

Gen. (ѣ пѣтии — форма i-основъ), рабѣ и ѣ оудовѣ, многосложные: ѣ оученикѣ

Dat. грѣхѣмъ (грѣхѣмъ — чаще встречается в ранних памятниках) и лѣвѣмъ рабѣмъ скѣтомъ (и скѣтавомъ — и эта форма с распространением, особенно в i-основъ) слѣномъ къ трѣломъ;

XVIII. český příjez rozlišení omezení dativního 5.
падежа ой творительного не употреблен, айна
и о совершенно свободно варьируются]

Acc. вѣлѣ и грѣбы грѣзды грѣхы дѣжда и
кѣюча грѣвзі пѣта (идет как по о-сконеч.
так и по і-сконечному пѣти) рабы (но м.
упот-ся и дѣлѣя ред. падеж рабѣ) рѣвыскѣты,
въ снѣпы грѣды оуды храмы (эти 2 слова
тоже а.п. (в), в сравнении с сер. рур. это так);
многословны: мытарѣ

Instr. прѣсты (только одно слово встречается,
но оно достаточно хар-но).

Loc. В грѣбѣхъ въ/крѣвѣхъ на слѣповѣхъ (с
(с перекосями)
формантом от и-аинс)

Многословные слова с редуцированными в конце (судорожн.)
(это те, в которых совпадение с а.п. (а)
не произошло, т.е. они сохраняют окончание ударения).

(Я не гарантирую, что это полный материал,
потому что я выбирал...)

Sg. N. конѣцъ лѣтѣцъ мѣсѣцъ слѣдѣцъ
(Здесь еще ничего не видно, а вот уже бег...)

C. до конца (в этой группе падежных форм больше
примеров, чем приведено здесь, просто не все
выписывались, т.е. они встречаются крайне
редко).

Acc. вѣнѣцъ въ конѣцъ.

этими институтами, присланы мширскими, но
оказалось, что они не смогли правильно найти
текст и сфотографировали срубные текст более
позднее времени. Сборник № 103 и № 3 дают очень
интересную андегровскую (они находились в срубной
монахии — Зораскее). По-видимому, в
Батарии, в Сербии есть кое-что, но трудно
найти.

кр) Илья Иванов сообщает, что он скоро опубликует те
жизни, отрывки из которых он публиковал
в "Варшаве". Эта публикация не появилась. Но
поисками о них было сказано столько уверенно,
можно думать, что у него есть достояние
этих житей. Скорее по уже опубликованному,
и если бы эти достояния можно было бы полу-
чить, то можно было бы увеличить
из Сборника № 103 раз в три. Правда, по его
уверждению, написаны теми же самыми ме-
рами, собственно, чертятся текст, написан-
ные этими чертами (рукописи № 103 и № 3).
Сборник № 3 написан одним текстом, как он
уверждает, но вот, я не надеюсь, что сфото-
графирован. У него есть, видимо, есть достояние.
Илья Иванов вообще связывается с ней, но пока
ничего нет.

Еще известно, что в Сербской библиотеке
есть текст Службы, архиепископской по-
литикой и уже он не написан рукой самого

Р. Н. пѣвѣи же

Г. ѿ концѣ

Д. фѣмѣ (здесь односложное слово)

Дее. лшвѣи младенѣи телѣи же

В Морав. псалтири встречается **кѢНЦА** — который следует рассматривать не как отглагольную уд., а как словообразовательный акцентологический архаизм такого же типа, какой нам встретился в Чудов. пов. Заветов. *кѣнѣ, кѣнѣ (а.п. ②) от нее первоначально образовывался тот тип, который я называю типом **Д**, т.е. от **кѣнѣ** → **кѣнѣсѣ** (ударение на **ѣ** и законсервированный его преемник — предшествовавший слог) → **кѣнѣсѣ** (очень рано в диалектах стало ломаться это правило при производных).

Пометившие тырновской группы — это наиболее ранние акцентуованные типы болгарские. Большинство их акцентуовано средне редко, а те, которые хорошо акцентуованы, до них добрался слишком трудно: Сборник № 103 и Сборник № 3, которые столько акцентуованы в системе тырновской группы они находятся в Адропе и получили их непосредственно из нее десятилетиями. Суживать я пытаюсь свести, с Институтом восточных исследований и отсюда известный аббат, который руководит

Ведущий. Он, конечно, представляется большой
интерес. Это нужно иметь, по крайней мере,
интересный.

В системе Киприана больше материалов.
Здесь два текста, которые полностью были
расписаны. Для которых был и они более
интересны, чем для словен., т. е. дают совершенно
различные свидетельства. А в них случаях,
когда нужны словосочетательные приемы
[которые вставляются переносно], они.

Эти примеры я собственно просто охоту
перенести: они такого типа реда и даже
исключены. Но они встречаются, но они
такого же типа, т. е. волось вместе волось
грьхъвъ.

Сегодня мы рассмотрим материал, который дан в группе Кипришевских текстов. (тексты, которые приписываются митрополиту Киприану; хотя есть предание, что они писаны рукой Киприана, только Мотива написана одним почерком, а Псалтирь написана по крайней мере двумя почерками. Соболенко Псалтирь относит к системе Киприана, а в других местах — другой почерк, другие шрифтовые ударения и, по-видимому, они даже относятся к другим диалектам. Система Киприана — это канонные условия, сами по себе этот диалект северо-восточный, но не тот, который мы наблюдаем в торновских текстах и не тот, который в Королевской псалтири [которая относится к южному и торновскому текстам и по ^{писанной} мере ближе к торновскому текстам и системе. Над. знаки соответствуют торновскому текстам, но вот аканты ударения в начале привнесены в вывод, что это всё-таки несколько иной диалект, м. б. крайний северо-восточный, судя по необычному распределению акцентных диалектных систем.) Система Киприана имеет особенности, относящиеся к письменной речи. Я напомню, что они отличаются.

XIV. В тырновских текстах совершенно 3 л. аориста. Будет погуби, при этом, если прибавляется гласная с. а. будет погуби с а. В киприновской форме ударение ^{е погуби} так будто то же самое, хотя писец старается не акцентировать их, а в формах погуби с а — происходит такая отгласка с гласной с а на предшествующий слог. Этот признак наиболее резко проявляется в 1-м аористе. Хотя в ~~тырновской~~

Мотиве есть 2 примера с кончовыми удар-
нами. Творения мейстера перваго (с ударением
на оклитике са, та и т.д.), так и мейстера Мо-
ровской псалтири. Она также македонская у
Константина Костенянского, хотя у него явно
юг-зат. диалект — Скорее всего македонский.

В тирновских текстах это даже не обязатель-
но, ч. б. та и т. д. Это наблюдается в массе в
тех текстах, которые я называю гевгалии по-
ча Гавриила. Это наиболее известные тексты,
подписанные. Это молдавские тексты, которые
уже в XV в. ^{(т. е. эти написаны в Молдавии в} ~~молдавских~~ ^{уже существовало} ~~молдавских~~ ^{большая группа}
скрипторий, где ^{существовало} ~~существовало~~ ^{большая группа} ~~большая группа~~ ^{существовало}
Тирновских, Коровских и Гавриилских ...

но у Гавришова уже будет такое значение —
какое? на присоставке ^{погибшей} погибца, т. е. перенос у Гавришова
2) перенос на присоставку потерян, а вот эти
фразы остаются как пережитки прошлого. ~~///~~

Дело в том, что эти три сестры,
взявшие много условно названных торговцев

significativa e uma verdadeira novidade.
No ano, que se deu, a pararmos a
Boatage em algumas das suas
com o intuito em ter, a no mais
(em sua natureza) mesmo como
mesmo. B. e. e. - me em sua
mesmo e está o mesmo e a
coluna e a Kyriaca - o mesmo

кипритовская и Тавризма, — это вовсе не все системы, которые встречаются в балкарских письменных памятниках. Напр., письменная система сербской аргографией, константин Косиновской и масса других различных систем существует, классификация и локализация которых представляет большие трудности. Но эти системы можно было бы образовать тем, что они ^{дают} дают две сравнительного языкознания, сравнительной антропологии слав. языков. Они хорошо отражают переносы, потому что они отражают и в именах аналогичные явления. За них легко всего было взяться. Если другие системы, которые прошли ряд изменений и за которые можно взяться, опираясь на эту группу писем. Из них наиболее интересные, конечно, кипритовская система. Она наиболее развитая, но, к сожалению, письменные, которые входят в эту группу, анципированы очень редко. И только большая масса их позволяет установить каково-то системно. А система Киприта — тоже в текстах редко анципированных (но 2 значительных текста имеют одинаковую анципировку). Но она менее интересна во многих отношениях (с точки зрения исторической антропологии).

XIX.

Она более предвзвешенная. Но в некоторых моментах она идет строго системно. М.г. там были большие колебания по диалектам. Но писец изобилует акцентом, не зорко, в которых он не уверен. А те, которые он акцентирует, можно быть уверенным, что они проходят по всей рукописи, т.е. акцентированы во всей рукописи единообразно.

По а.п. (в) рукописи Киприана, даю даже большей материал тем торговельной группы и акцентом. этой группы слов совершенно тождественные торговельный. Т.е. это всевозможный диалект, в котором а.п. (в) совпало (за исключением тех слов, о которых я говорил) с а.п. (а).

[Киприановская группа текстов] (в) а.п.

Отсюда ит. на илеме 20.10.19.

Ср. Nom. вѣпръ вѣпѣръ и вѣрѣ вѣплѣ и вѣрѣ вѣплѣ (вѣплѣ, вѣплѣ) гнои грозѣ грѣхѣ двѣрѣ дѣлѣ и пѣлѣ конѣ же (конѣ бѣ) лѣвѣ мечѣ (и мѣ) нѣтѣ и вѣгнѣ и поѣтѣ пѣхѣ рѣдѣ (рѣбѣ) рѣвѣ (пример семантической позановки графика: рѣв 'углубление') стѣбѣ стѣсѣнѣ сѣдѣ трѣбѣ оумѣ цѣтѣ; многоименно вѣинѣ животѣ мѣтарѣ пѣстоѣрѣ пѣстоѣрѣ вѣченѣ

Сеп. и вѣгда вѣра ни вѣплѣ из грѣба жѣзла (в Гудов. Нов. Завете это слово относится к подвижной а.п.) конѣ кровѣ и вѣгнѣ жмѣча

5

ѿ поста ѿ рѣва ѿ сѣна (сѣна псе) и сѣда без
трѣда; многослоти. воина псѣвѣта монахѣрь

Дат. врачу постъ сънх те с'х/дх; пивотъ къ пастору

Асе. Вра́ча гнаи гро́здѣ дѣлѣ́ ꙗ́зѣлѣ ко́мѣ лѣ́ва
(лѣ́ва) и́ мѣчѣ и́ нѣмѣ въ ѡ́гнѣ плѣ́ ꙗ́сѣ
въ ꙗ́хъ (на ꙗ́хъ) въ рѣ́вѣ въ сѣ́нѣ

(Помне присутствовае въ этой группѣ перемова уд.
на предлози свидетелствуетъ объ особомъ характерѣ
парадизма). сѣ трѣ оу мѣ и црѣтѣ; воіна не-
воѣтъ, корабль монастырь

Instr. (в Фив., Дам. и Родит. наблюдаются редкие варианты). прѣ грѣбѣмъ жѣзломъ съ львомъ мечемъ (вариантъ мечемъ) нѣжемъ съ огнемъ и ѡсломъ съ постомъ прѣ/стомъ пѣтелъ (пѣтѣмъ) стѣдѣмъ съ стѣномъ цѣітомъ; пла-/стоіремъ.

Лосъ въ двѣрѣ во кошѣ въ кровѣ въ ровѣ въ сѣмѣ
на сѣдѣ; въ живѣтъ.

Рр. Здесь наблюдается слияние осев.

Нот. во́лове вр'чеве и крѡви по́сти скѡти сѣди хлѣ́ми;
войни

вен. волѡвъ грѣхѡвъ ѿ грѣхѣ лѣвовѣ (ѿ лѣвъ), ѿплѣцѣ
рабѣ и сѣмѡв сѣ грѣшѡвъ; воиѣ

Dat. къ враще^нтъ, по грѣх^умъ раб^умъ, ског^{дѣ},
и иже с^{дѣ}ла^хтъ с^{дѣ}ла^хи/комъ

Асс. вѣра въ двѣрѣ жѣзлы мѣча ѣ прѣствѣ ѣ скѣты
ѣ хлѣми цѣѣты

Instr. вѣплѣми (вѣплѣми ѣ-оенов) пѣсты (пѣствѣже)

Лос. вѣлѣхъ въ грѣбѣхъ въ двѣрѣхъ пѣтехъ, скѣтѣхъ
въ сѣнѣхъ въ хлѣмѣхъ

(ѣ-оенова
сохранении
следѣ ѣ-оенов)

По этимъ двумъ группамъ помѣтчиковъ создается такое впечатление, что в общемъ-то фонетическомъ был перенос ударения в падежахъ двусложныхъ, а какъ функционировало ударение в даг. ^{мн. и} тв. ед. — это не совсемъ ясно, поскольку эти падежи какъ разъ и даютъ варианты. Вполне возможно, что здесь имѣло въ-равнѣнствѣ вторично. М.б., в некоторыхъ позиціяхъ переносъ былъ фонетическимъ. Любопытно, что почти все анаграммъ вариантовъ с конечнымъ ударениемъ — это двусложные имена: грѣхѣмъ, рабѣмъ. В то время какъ краткосложные проходятъ в основномъ безъ вариантовъ. Но все-таки решительно вопросъ категорическимъ — что здесь было первоначально фонетической позицией, а что являлось по аналогии по даннымъ текстамъ пока трудно. Нужно значительно большее количество. Но помѣтчиковъ в общемъ-то много, такъ что, по-видимому, можно будетъ решить этотъ вопросъ.

Какъ я уже говорилъ в прошлой раз., в односложныхъ словахъ типа пѣсь и в словахъ с в, ѣ и еѣ в сурдинке, переноса ударения с конца не

Sg. N. пѣсь
вѣнѣцъ конѣцъ ловѣцъ лѣстѣцъ младенѣцъ;
также брѣмѣ пѣвѣцъ пришлѣцъ стрѣлѣцъ гѣрѣцъ

Gen. пѣ
вѣнцѣя жрѣцѣя до концѣя

Dat. пѣу

Acc. пѣ
вѣнѣцъ конѣцъ, младенцѣя, бѣцѣя сжѣцѣя телѣцъ
гѣрѣцъ

Inst. вѣнѣмъ остнѣмъ

Loc. — (Я такой выборки не сдѣлал, потому что не по-
лосе).

Pl.

Nom. пѣи
вѣнцѣи концѣи младенцѣи бѣи

G. пѣсь

до конѣцъ ѿ конѣцъ младенѣцъ ѿ хѣтрѣцъ

Dat. пѣмъ

концѣмъ младенцѣмъ и пѣнцѣмъ

Acc. вѣнцѣи

Loc. въ концѣи

это мудрый и суровый народный

Вот, собственно, что дает восточнославянскій
для этой ацентричной парадигмы. А в зап.-слав.
наблюдается в какой-то степени сохранение той
системы, которая характерна для западной, т. е. без
переноса ударения, и то, что
для старославянской.

Старославянская система в этой группе др

показывает некоторое ударение. Я могу привести некоторые примеры из тех памятников, которые в дальнейшем будут исследованы более подробно.

Сербское Евангелие XV в. (явно сохранение некоторого ударения)

Sg. Бен. до двора храма (храма) грѣхѣ съ плода
Dat. дѣтнѣ

Acc. Врачѣ и т.д.; в том числе заимствования
Рим — всегда идет по (в) а.п. Вери/мѣ

РР. Acc. гробы (по а.п. (в))

Здесь мы видим совершенно ту же систему, которая отражена в Чудес. Новом Завете за именами отдельных ~~фраз~~ основ, ну, и имеются исключения по отдельным формам. Но этого я касаться не буду сейчас. Они (школавшие сюда) изучены еще недостаточно.

Указанные системы можно сопоставлять др.-русской и современной русской.

Можно привести отдельные примеры из ^{сербского} южнославянского говора о. Бран. Краткословные основы.

kr̃st, — krstā; čer — čerā, vōl (с удлинением перед семантом) — volā; čas — časā (мелко, что čas оти-ся (явно вторично) к (в) а.п., прилаг., предлогам).

В то время как долготные показывают в III. nag. мовѣ аум: krīž — krīžā; dīl — dīlā, grīxъ — grīha, sūd — sūdā

Но не в сев.-зап. говоре Нови.

В словенском получилось следующее перераспределение а. типов: долготы и шена а.п. (в) все почти полностью совпало с а.п. (а). Это видно из таблицы, которая была дана. Исключение представляют Им. и Вин. пад., где в долготных шенах мы наблюдаем рефлекс нового акута, в то время как старая акутовая интонация сохраняется. Только этими падежами эта группа шенов отличается. Потому что во всех остальных падежах проходит ^{или} просто долгое восходящее ударение, такое же, как в а.п. (а), или долгое нисходящее ударение, которое является для а.п. (а) нормальным рефлексом нового циркулирования. А в этой группе шенов эта интонация явно возникла по аналогии.

Лекс. *kōtēxъ (праславен.) — здесь должен быть новый акут, а в словен. kōtīh — не восходящая, а нисходящая, как в каком-нибудь слове а.п. (а) hākīh, где рефлекс нового циркулирования нормален, который возникает из акута перед долгим, т.е. в словен. наблюдается непометное изменение нового акута в новый циркулирование. Это произошло, видимо, можно считать аналогичным, или, можно сказать, морфологическое происхождение (процесс, действительно по аналогии, но этот процесс охватывает так много разных форм, причем в совершенно разных позициях, то уже связи с морфологическими типами просто не наблюдается. Наблюдается замена его (нов. акута нов. циркулированием) в целом ряде морфологических типов. Самые разные.

Такие замены могут быть, допустим, в числительных именах, т.е. там, где имеется производное и где в этом производном регулярно происходит переход н. акутской интонации в новоциркумфлексную, то там же будет регулярно в образующих от данных имен а. н. @ так же проводиться такая же замена. То же что и в машине, работающей с логическими результатами. От этой же а. н. имена на ар, также, как от а. н. @ и а. н. @ замену восходящего ударения на нисходящее. Аналогичное положение в именах на -bǝ, на -stvo- здесь будет происходить эта замена. Вообще эта система замен охватывает систему всю систему словообразовательную и словоизменительную словенского языка. Регулярность ее почти равна фонетической. Итак, все данные имена а. н. @ проводят такую регулярную замену которая полностью объединяет их с а. н. @ за исключением Иа/Вин. над.

Чтобы показать, что это происходит более или менее регулярно, можно провести значительную выборку имен, которые относятся к этой группе.

Мы уже брали кут, русск. кута, [такав]

такас. kut - kūtā

gāj - gājā

ифокас. krāst - krāsta (с перемещенн. ударением)

аробен. kōt - kōta

gāj - gājā

krāst - krāsta

krāj - krājā

plāšč - plāščā

такас. plāšč plāščā

ифокас. plāšt plāšta

рус. плащ плаща

гач. *vrač', vračā'*
 рус. врач врач^а
 шор. *vrač' vračā'*
 гач. *Rīm Rīmā'*
 шор. *Rīm Rīma*

словен. *vrač' vračā*

Rīm, Rīma

В самом словен. принадлежность этих слов к а. н. ⑥ определяется только формами Им./Вин. ч., где будет долгота в отличие от краткости в а. н. ⑥.

В многоаффиксных словах то же:
 словен. *ključ, ključ - ključka*
 гач. *ključka*
 рус. *ключик*
 шор. *ključ, ključka* (перенесенное ударение)

В словен., кроме того, есть еще две группы имен, которые ведут себя по-разному.

I. При наличии предшествующего редукцированного перенос отсутствует (в болг. из одноаффиксных имен только *"пес"* [не имеет переноса], а в словен. — регулярно и в одноаффиксных и в суффиксальных именах).

слов. *váč, vāčā* 'сосуд'
vāt, vātā 'бот'
vāž, vāžā 'бузина'
dāž, dāžā 'гомеда'
kāč, kāčā 'кляк'
lāv, lāvā 'лоб'
pās, pāsā, psā 'пес'

слов. *sāč, slā* 'посаи'
sān, snā
sās, sāsā 'гуща'
ščāp, ščāpā 'исепер'
šāv, šāvā, šva 'шов'
křst, křstā (заместительное крещение)
 Слуга не отключается
Trst: Trstā

Так же ведут себя образованные в суффиксах

II. Большая группа ишен с краткосрочными кернами, в которой перенос происходит, хотя и давно, но позднее, чем в долготных осевых. В них отсутствует перенос в Ред. и Мест. мн.

неф
керны

Лекция № 20

В конце прошлой лекции мы говорили о составе лексики словен. яз., относящейся к (б) праславянской а. н. Из долготного типа а. н. (б), который совпал с а. н. (а) во всех формах, кроме И.п. - В.п. Я тогда привел не полное собрание примеров, а выборочно, чтобы только показать, как редуксифицируется. Видно, нет смысла продолжать более полный список примеров. Но (б) а. н. краткосложные основы, м.б., есть смысл записать те примеры, которые относятся к этому типу. Мы в прошлый раз записали несколько односложных имен на старейшей редуксифицированной, или, скорее, то скорее, что там сохранилось конечное ударение. Нормативно и в части диалектов, а в других диалектах, где произошел перенос, это единственный случай, где перенесенное ударение не удлинит слог, т.е. при наличии ударения на корне — здесь краткое ударение.

Например, vàž, vàžà Ред.; — в части диалектов и в нормативном языке можно это произнести и с перенесенным ударением, т.е. vàžà. но это перенесенное ударение ^{хотя обычно в словен. внутреннее ударение далее} не удлинит слог. М.е., повторю, эта группа слов с редуксифицированными в корне, не имеет переноса ударения с конца (в Ред. и др. паг.), а если это переноска и происходит, то перенесенное ударение ^{vàžà} не удлинит слог. Это слова типа: vàč, vàč, kàč (kàlà, klà), pàs, dàž, kīst, krstà, Tīst, Trstà. и т.д.

А многослотные основы (масса с суффиксами -вк- и -вц) ведут себя так же. Например (из 17 записанных мною, можно взять несколько): svetàk - svetkà, snivès - snivcà 'снѣгъ', hrvāt - hrvtà. и т.д. В общем это совершенно регулярное явление.

И наконец просто краткослottedые имена, которые обнаруживают ред отклонений. И ред слотностей, связанных с трудностью установления первичной а. п., мы записывали тот а. дин, который я считала первоначальным. Но кроме таких форм, которые вообще указываются, в ряде случаев наблюдаются и другие варианты типа мест. ед. v'vōji на d'vōvi на k'vōji (это так, как показывает эти формы Вальвекс — в транскрипции Плетеринска). Подобные формы встречаются во многих числах: Тв. мн. — с аналогичным ^{те} множественного, который как будто свидетельствует о первом новом ауте, именно с рефлексом нового аута: s v'vōi s k'vōji. Любопытно, что Вальвекс, который приводит такую форму, приводит именно случаи, которые явно первоначальны, потому что должно быть первоначальным *s v'vōmī, поскольку это й-семей, а k'vōj мог идти по i-основанию. Как я уже говорил много раньше, что эта группа форм была непопулярна. Становил для доказательства своего закона, т. е. в этих случаях ставил предположение о такой перемене на предшествующий начальный. Но было в том, что все эти формы совершенно неоднородны: в Тв. мн. как будто от рефлекс действительно нормальный, но приходится при этом толковать такого

рода примеры, которые не являются первоначальными, т. е. не относятся непосредственно к основанию, а в мест. ед. мы наблюдаем хотя и закрытое Q, свидетельствующее как будто о новом ауте, в виде рефлексивного явно наблюдаем не новый аут, а тот рефлексивного циркулирования, который наблюдается в а. н. (a), т. е. иными словами: нормальная а. н. этих крадотных основ подвергается и подвергается сейчас очень большому влиянию а. н. (a) и той группы имен, которые полностью совпадают с а. н. (a), т. е. далотных имен а. н. (b). Раскрытии некоторой неопределенности, которая имеется в рассуждениях фактах, возможно только при тщательном сборе всех примеров такого толка. Необходимо собрать эти варианты (), насколько они широко распространены и какие диалекты они охватывают. М.б. это какой-то диалектный тип (что вполне возможно, потому что в словен. явно разные типы распределения по диалектам наблюдаются в малой степени. В одних случаях мы видим варианты, распределяющиеся как бы по закону Крижанича, а в то же время мы встречаем варианты а. н. (b), т. е. какой-нибудь — пример м.б. неверный, ~~но~~ но он может ^{да} характеризоваться составлением: postím — может быть или такой вариант с конечным ударением, или póstím. Наличие таких двух вариантов в словен. (не гарантирую, что именно

это слово, но такого рода слова много в виду) свидетельствуют как будто бы, что в самом словенском существует две группы диалектов — в одной тип, близкий к восточнославянскому распределению, а в другой был тип Хрижанца. Но это требует большой работы (в словаре ^{Петеринича} фиксируется и такое и такое ударение). К сожалению, я не успел провести эту работу по всему ^{словен.} диалектному материалу, который можно сейчас найти, так что не могу сказать об этом более конкретно. Если я приду к каким-то выводам, я потом сделаю дополнительное сообщение по этому материалу.

Какие же слова относятся к этой краткословной группе а. н. (в)? Их довольно много. и представленных с такими соответствиями у меня 43 примера.

сёр — сѣра ~~ред~~ (есть предположение, что это заимствованное, но ... 'затычка', но оно довольно широко распространено, так что, и. д., это и первично), по правопису меє ег сѣри и сѣри (которые можно расшифровать), так что почти всегда пишется такой вариант в меє ег.

gnèt, gněta, hmělj — hmělja*, klèn — klěna, mès — měša, vòv — vòva, vòk — vòka, vòr — vòra (это слово только словенское, оно очень интересное — это име-действие от глагола "бероться", 'борьба', в отличие от vòr 'соя', которое относится к подвижному типу).

* Открытый характер e указывает на перенесенное ударение. Эта лексема по всем юж.-слав. идет по (в) а. н.

bròč - bròča 'корень, из кот. краску делают', bràj - brója,
 dvòr - dvóra, glòg - glóga (и glóga ^{вариант} с закрытым о,
 следовательно, о том, что там то неподвижное нахо-
 димое ударение, это соответствует русскому как дудноб,
 но, во всяком случае, это говорит о том, что здесь
 неподвижная а. н. 'балеринный', русские 'кирил'),
 gòj - gója, gòzd - gózda, 'лес', gròv - gróva, gròzd - grózda
 (любознательно про а. н. в: с точки зрения моей ^{антропологической} ^{хемии}, которую я при-
 нимала, это производное от живу неверного а. н. ж
 я думаю, что в словен. языке а. н. ж (в) сохраняется в
 большей степени, чем в других языках),

(в итонатском здесь ^{не совсем позднее славянское} внутреннее удвоение), gròzd -
 grózda, klòp - klópa 'клеп', kòt - kóla, kònj - kónja,
 kòš - kóša, kròj - krója, kròv - króva, mól - móla, nòž - nóža,
 ròd - róda, ròp - rópa, ròst - rósta, ròb - róba (róba - это
 фирмный вариант с закрытым о), ròj - rója, ròv - róva,
 skòt - skóta, slòj - slója, slòn - slóna, smòk - smóka,
 snòp - snópa, sòm - sóma, stòt - stóla; stròk - stróka 'смы-
 рок' (это слово вошло в этот тип явно по аналогии,
 с крапками "о" минуса, хотя здесь явно две носовых,
 следовательно, долгий и он г. б. даго о, видимо, две
 пересматривает по аналогии с гр. словами нз = о =),
 stròm - stróma, stròp - strópa, vòt - vóla, óst - óta.

Аналогично ведут себя и многочисленные такого
 же типа ногот, otròk - otróka, sokòt - sokóla,
živòt - živóta (образования с суф. =ov, =ok).

Такими образом, в этой группе словенская норма,

позволено [употреблены] такое ударение. Для образца
это а. н., для показа ее акцентной кривой берется
вѣв

Sg. N. вѣв
G. вѣва
D. вѣви
Acc. вѣв
Instr. вѣвом
Loc. вѣви*

Pl. N. вѣви

G. вѣвѣв — это основной, первый вариант,
но есть и вѣвѣв — с явно отглагольным
ударением, т. е. глагольным отглагольным.

D. вѣвом

Acc. вѣве

Instr. вѣви, вѣви — вариант, но в ряде слов, может быть
тип * вѣви (напр. кѣви).

Loc. вѣвѣх — это, видимо, первое, но возможно
и вѣви — это второе отглагольное ***

* Но наряду с этим в Loc. Sg. есть
вариант вѣви, т. е. такой же тип ударения, как в
именах, восходящих к а. н. (а).

** Есть ли такой вариант * вѣви именно у этого слова,
я не знаю, словари и грамматик не позаботились,
чтобы отметить это. Во всяком случае, правописные не
дают такого варианта. Кстати, в Правописе не
отмечают какое-либо именное в виду ударения
— такое в или ъ.

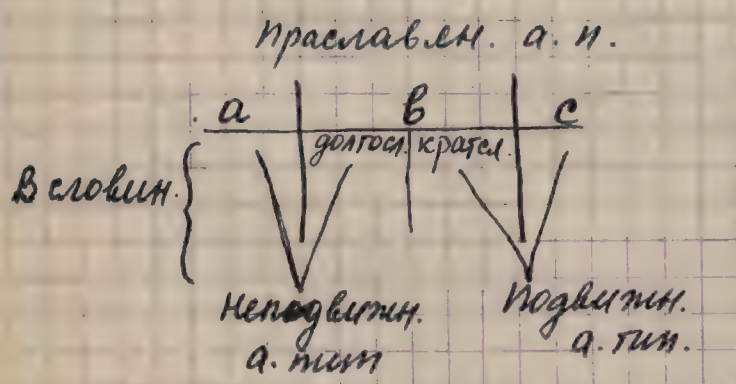
*** В некоторых словах, но опять-таки не в этом,
типа кѣви и т. д. вот внутренне здесь закрытое "о".
Есть ли в этом слове * вѣвѣх — установить
трудно. Чтобы это установить, нужно про-
смотреть много диалектного материала.
Кое-что записано Плензискином, Вацлавцем,
но все очень мало. ~~Или~~

Так что все же за основу сравнения я
принял тот ряд форм, где ред. сущ. вѣвѣв,
[Instr. вѣви], Loc. вѣвѣх. Т. е. на основе настоящего цар.

в Ред. и Мез. ин. и отнесенного в других падежах.

В СЛОВИНСКОМ нарисован кашубского языка мы видим ту же самую картину, что и в словен. Но если в словен. вторичная оттяжка приводит к тому, что краткосложные гласные могут смешиваться с долгосложными и *е а. н. (а)* — с *рефлексом а. н. (а)*, то в словинском процесс шел к полному разнотечиванию форм долгосложных гласных, которые совпали с *а. н. (а)*, (т.е. слова *рина* *vík*, *дѣх*, *кѣс*, *крѣп*, *сѣд* *šětt* *vojšä* ин.?), а краткосложные — с *а. н. (с)* ^(гласный относился к большому гласному ин.) (в *věs* — *besü* Мез.; *vóuv* — *vovjěx*, вен. *vovöu*, *dróuzd* — *drozdöu*, *dvör* — *dvorä*, *göüzž* — *gožž* вен., *väst* — *vöstü* Мез.).

Схематически это можно представить так:

Отличие долгосложных гласных *а. н. (с)* от *а. н. (а)* по долготы гласного корня: гласный *а* стал краткосложным, а *с* сохраняет долготу, поэтому они довольно хорошо отличимы даже в самом словенском.

В общем по составу лексем словен. почти полностью совпадает с словен.

"гроб" — "могила", "хижина" — "дом" "коза" — "лев" "нога" "паук" (вторично сюда вешёе), который восходит к варяжскому.

типа русского наво́к, нави́е (двал.) - и.б. ранняя морфология.
 замена, и.б. в общем параллельно с латер. паук - паузи́
 'рай' 'ров' 'серп' 'шох' ['дракон'] шох стог, (вторично)
 шур, тхеро осёл ери осад и ср. и vòst, vòstic' Лос.
 'ушур'. [и в словенском это пропущено: - явно
 перенесенное ударение].

Напомню как изменилась эта акцентная кривая.
 Эта кривая краткословных искомым (в а.ч.
 в словенском полностью совпадает со словенским,
 кроме Мест. ед. (в котором конечное ударение сохра-
 няется), а в словенском оттенуемое ударение),
 Ред. мн. (- о́у), Дат. мн. (- о́т, в словен. ударение
 оттенуемое), Тв. мн. (- тѝ'), Мест. мн. (ѝх).
 Собственно совпадают со словен. Ред. мн., Тв. мн.,
 Мест. мн.

... надежи можно считать ^{под} вливанием
 подвижного гласа. Но, как мы потом увидим,
 никаких не строгих аргументов, чтобы доказать,
 что в этом падеже было конечное ударение в
 подвижном типе. Вы не привыкаете [во вливание]
 словенского.

В сущности этот процесс практикуется так:
 в словенском ударение сохраняется на новых
 интонациях: на новом акценте, на интонации,
 типа нового акцента, новый акцент радости,
 потому что считается здесь перенос с Ъ.

О слове?

Эта парадигма конечноударенная, но в этих случаях (Род и Даг мн) ударение перенесено: в И.м., Род. (с конца), Даг. (с конца), т. е. в тех случаях, когда мы наблюдаем обычное краинейшее ~~ударение~~ окончание, ударение [с них] перенесено. Ударение не перенесено с долготного окончания Мес. ед., которое и сейчас сохраняет долготный характер, и по-видимому, имеет восходящее ударение. В Тв. мн. мы знаем, что в словен. было восходящее ударение — долгое во всей западной области и юго-западн. Здесь () в а. н. © было восходящее ударение, объединявшее переносам с б. В а. н. © мы не знаем, какое было ударение. Оно совпадает с ударением а. н. © и факт этого совпадения тоже может быть вторичным, потому что раньше они могли разойтись. Но в общем-то, по-видимому, на долгих внутренних слогах еще было и-то ударение, оно было ~~долготным~~ ^{восходящим}. Значит, здесь () было восходящее ударение.

Что касается можно думать, и б., оно перенеслось раньше, а потом по аналогии выравнялось с а. н. ©, ведь оно здесь, было перенесено на -о- и имело восходящий характер. Этот падеж (Род мн. ^{ед.}) — это уже явная аналогия, т. к. на него вышестом и-то. Но в распределении его все сохр-ся, как в словенском. По-видимому, здесь тоже было восходящее ударение.

Я уже показывал раньше: строгий гласный, 7-го
 в а. н. (в) ударение было таким же как в а. н. (с)
 мы не имеем. Беднянский говор как раз не-
 зыбкий в а. н. (в) нисходящее долгие ударение.
 в отличие от а. н. (с), где рифма нового акута.
 Единственный как будто случай, но все-таки
 ранний. Беднянский показывает, ^{другое} ~~иных~~ дом. у.
 Тем это объясняется мне это не совсем ясно.
 Вторичный это процесс, или сохранение нашей-то
 архаики. Потому что вообще-то говор посавет
 обогато приводится как пример диалекта, сохра-
 нившего новую акут. А если внимательно
 рассмотреть посаветский материал, то там, во-
 первых, нов. акут этот сохраняется в гласн
 диалектов, 7-го и, во-вторых, только после
 краткости, а после долготы он переходит в ^{новый} ~~старый~~
 лев. М. б. еще в беднянском говоре тоже
 7-го подобное произошло.

Имена сред. рода а. н. ⑥

Прежде чем непосредственно приступить к их сравнению мы должны вспомнить те историч. из которых возникла эта группа имен по теории В. М. Илья-Ситына. Это, по-видимому, важно и вот почему. Тем больше я занимаюсь этой группой, тем мне меньше ясно становится соотношение в этой группе имен. Дело в том, что та кристаллизованная ясность, которая существовала в классической ахтенологии, сейчас всё время нарушается новыми материалами, который во многом ^{традиционной} претерпевает реконструкцию а. Кри-вой этих имен. А классическая реконструкция их очень проста: считалось, что винд (*vīno) имело конечное ударение в един. числе во всех формах, а во мн.ч. числе проходила перетяжка ударения на винд vīnā — появляется какой-то долгота в Инд. Вин. пад. и во всех остальных падежах. Такое соотношение в этой группе имен рассматривалось как непосредственное продолжение индоевропейского соотношения, хотя новый аспект — это далеко не первичная ин-тонация. Это же самое предполагалось и для краткословного нита selō, selā. Это как будто бы совершенно точно соответствует обратному соотношению в а. н. ⑥: mēso — mēsā (ре), mōze — mōzā. Какие-то семантики какого-то распределения ударения мы встречаем в др.-рус. И то, что так по кон-

трасннмму принципу распределенно ед. и мн. ч. как оу-
то он является общим местом всех антимологических
теорій относящихся к сред. ряду с само давнесовреме-
ны — с его прошлым веком.

Но, что мы наблюдаем при сравнении славянских
языков как будто бы представляет рекомендуемый
именно этого типа (). Этот-то тип у нас сохра-
няется (), а рекомендуемые такого во-
рона () эти факты представляют, как он
их мы интерпретируем. Можно предположить, что
Им. и Выч. мн. — не являются индоевропейскими на-
шим, а как отставка по закону Стана. (с данот,
ну, и там др.). Если даже предположить, как пред-
лагает Стан, что эти долготы вторичны, и здесь
выравнивание, то и. предположить, что в Им. и Выч.
тоже произошло выравнивание по нашим-мноту
мест. и мн. seléxъ, selū — где конечная данота для
незвонкой. И что такое выравнивание могло быть
показывает наличие конечных ударений для слова,
допустим vīno — где долготных мнн в широком
и конечнотударный ритм сохраняется в западнохорват-
ских диалектах и для этой группы слов с крайностью.
Если рассматривать это, исходя из закона Крима-
ниа, и отразив на западнохорватском диалекте и
на болгарском написанием, то мы наблюдаем
следующее. В сред.-бол. это распределение будет
выглядеть так: вѣно — вѣна (мн.).

Но краткое сѣло — сѣла (мн.) — в вост.-бол.

диалектах происходит оттяжка в ед. ч., а во мн. ч. сохраняется такое распределение [по долготе / краткости / корня]. Т. е. распределение как будто по Закону Крижанича.

Этому соответствует положение в диалекте Крижанича: в мн. ч.: лицех но селѣх
аналогично в И. ч. мн. лица но регá рвеса́
Хотя есть несколько наслонот отклонений, вариантов, например, во селѣх (в Пашутике) — но это место, никак не могло это передано. Но на три примера в Пашутике и в Грамматике

В общем, принцип распределения ясен.

Что мы будем восстанавливать две праиндоевропейские? М. б. восстанавливать vīpā и selā или vīpā и selā. Такая () реконструкция, кстати, предполагает полную противоположность во всем а. н., это дополнительно распределено в зависимости от долготы, а если принять Станковскую реконструкцию, то оба будут дополнительно распределены по типу окончаний. Обе эти реконструкции сводятся на достаточно небольшом материале. Я сомневался в обеих реконструкциях и Станковской и своей, потому что сам-то тип этих имен сложился совершенно необычным образом. Об этом я хочу сказать. Как сложилась эта группа имен с точки зрения ее праиндоевропейских корней? Это, что было показано В. М. Чилим-Синтычем.

Или. Считая о формировании а. н. (в) имен
 сред. ряда. Если посмотрим на эту группу имен
 с точки зрения морфологической: имена ж. р. — это
 просто имена жен. р., а если посмотрим на имена
 муж. ряда, то тут уже наблюдается некая-то
 ненормальность. Как показано было В. М. Или. Сви-
 тыми — все хорошо реконструированные имена
 а. н. (в) муж. р. восходят к именам сред. ряда. Он
 приводит следующие примеры * *dvārō* || гр.-инд. *dvāra*
 — сред. ряда (также в греч. латин. ср. р.);
rodō || греч. *πέδον* ср. р.
tōrnō || *tōnam* (этих имен можно найти

в кн. Или. Свитыра „Именные аффиксы-
 аффиксы в балтийском и славянском“ стр. 123 и др.)

Таким образом из категории сред. ряда вышли
 и перешли в муж. ряд все бывшие баритонизованные
 и краткосложные имена сред. ряда, т.е. те, которые
 данты или бн данто оксиметризу. Но имен-но
 существует. Откуда же эти слова, входящие в них?
 Получается такая ситуация — ее можно сов-
 сем иными способами, чем имена а. н. (в) жен. и муж.
 туда входят масса преисведных имен, которые
 сохранили свой ряд, по-прежнему давая рядовую ха-
 рактеристику требованию сурдизации. Но, с другой сто-
 роны, туда входят несколько преисведных имен:
perō, *gnērdō*, *jēdrō* *ōtrō* *silō* *grzno*, *drno* * *vorto*
 * *jētrō* * *plutje* (знаю * отмирает имена, которые
 употребляются только в мн. ч. Или, ж. р. * *vōrta*, * *jētra*,

jetra, plūta). Все эти слова, рассмотренные Илья-Сы-
тычем, восходят, по-видимому, не к баритонизован-
ным сред. р. а к и-е окситонизованным иль-
нам. Правда, ^{т.к. это...} здесь и в других и-е словах тоже
должны соответствовать баритонизованной гл.,
т.е. в соответствии с о. кривой, которую рекон-
струировала традиционная акцентология.

[Ответ на вопрос об акцентном гл. лн. ? об. *vorto,
*jetra и т.п.: в литов. vaĩtai - II-я г. н., т.е. бар-
тонизованная, лит. ėvėra - тоже баритонизованная.
Это соотношение нормальное со всех точек зрения.
Но можно это рассматривать как R-tanvum
с еще с и-е времени с ударением на конечный,
в котором ударение оттянуто по закону
Илья-Сытыча на конечный слог, а потом
оно было оттянуто и получилась новая
акц. Эта гипотеза допускает слишком много
переходов. А иначе мы должны предположить
возникновение нов. акц. каким-то иным
способом].

А этот-то тип () соответствует
окситонизе. Все ильна в балто-славянском, который
в др.-инд. и др.-греч. соответствует окситонизе,
преднамот у нас в качестве подвижного, т.е.
а. тип ©. В данном случае получаемся рас-
цепуха: Это не переходит в а. тип , а
сохраняет своё конечное ударение.

Между тем переход в подвижный тип, ^(по-видимому) ^{6.} существовал
 в шленах сред. ряда, потому что (эта гипотеза И.-
 Св. построена на еще более шабильных основаниях, т. е.
 почти во всех приведенных им случаях строго не-
 зле доказать строгую иттопазию; слова типа
 „мѣсо“; которые относятся к подвижной а. и.
 оказывается, что они соответствуют окситонизованному
 типу и-е языков, вот это уже ненормальность.
 И для того, чтобы попытку объяснить эту
 ненормальность И.-Св. предполагает, что
 тѣзо - шлено первоначальной акуп, но при
 конечном ударении. И.-Св. предполагает пере-
 распределение: все шлена с акцентированным
 слогом и с конечным ударением в слабые.
 языках переходит в подвижный тип - все
 шлена сред. ряда, а с неакцентированным
 корнем сохраняют конечное ^{неподвижное} ударение (на
 слугах, которое я пишу и). И.-Св. считает, что
 так объясняются следующие шлена: тѣзо,
 јаѣ јаго вѣно рѣво зѣто тѣсто лѣдо зѣно (шлена
 подв. типа, первоначально окситонизованные,
 и перешедшие в подв. тип, потому что шлена
 акупно иттопазию корня ^{или} с далоной пер-
 воначальной - добалтославянской. Если мы будем
 считать на том, что существовали иттопазии
 безударного слова, то в этом случае можно предпо-
 лагать на корне - акуп, [а ударение - на конце].
 А если мы будем считать на том же зрении....
 (не продолжил)

Как будто бы в подвижном типе должен был наладиться такой долготный классовый, но в действительности это опять-таки не так. И вот тут возникает в этом же подвижном типе всходит ряд йотированных имен, краткосрочных: *mōje dōje rōje vētje* (это долготный рит, малый). Илья-Святослав считает, что эта группа имен происходит от баритонизированных йотированных асвов, и. е. тех, которые должны были бы дать оксидентальный класс. Но ввиду того, что тут был сред. род (они не перешли в мут. род. и. е. йотированности) [они стали подвижными ритом].

далее
малый
не работал

В др.-рус. памятниках встречаются также варианты с конечным ударением (по мн. ч.) — эти примеры собраны Колесовым. Они говорят о том, что переход ударения к началу слова был довольно поздним.

Сравнительная таблица акцентуации имен сред. рода а. н. (в) в славян. языках

	русск.	с.-х. итот.	чехав.	словен.
Sg.				
N. м.	селó' винó'	сèло вíмо	selò" vīnò"	sé'lo ví'no
G.	села' вина'	сèла вíма	*selà" vīnà"	sé'la ví'na
D.	селу' вину'	сèлу вíму	*selū" vīnū"	sé'lu ví'nu
Instr.	селом' вином'	сèлом вíмом	*selón ⁽²⁾ " *vīnón"	sé'lot ví'nom
Loc.	селé' винé'	сèлу вíму	*selū" *vīnū"	sé'lu ví'nu

В ед. ч. реконструкция ясна, т. е. явлено реконструкция во всех формах оксидентальности.

1) Оттенуемое ударение, о котором свидетельствует отрывистый характер с.

2) Долгое ударение, т. е. механически удлинённое.

	русск.	итонав.	танав.	словен.
Рл.				
N. A.	сѣла вѣна	сѣла вѣна ⁽³⁾	sēla vīna ⁽⁴⁾	sēla ^(sēla) ⁵ vīna
G.	сѣл вѣн	сѣла ⁽⁶⁾ вѣна	sēl(sēl) vīn	sēl(sēl) vīn
D.	сѣлами вѣнами	сѣлыми вѣнами	[seldon] *vīnōn	sēlom(sēlom) vīnom
Тот.	сѣлами вѣнами	— " —	sēdli(sēdli) vīni	sēli(sēli) vīni
Loc.	сѣлах вѣмах	— " —	sēdlih(sēdlih) ⁷ *vīnih	sēlih(sēlih) vīnih

3) Этот материал не отражает закона Криваша, наоборот. Распределение здесь не очень четкое, но краткосильный тип обычно всё же с начальными ударениями сѣла, а долготный — с начальными вѣна.

4) Эта оттяжка, как показывает танавский материал, старая, т. е. результатом её является древний аффикс.

5) Эта словенская форма явно вторичная, по сравнению с долготными славянскими. Долготный тип полностью совпадает с ф. н. (а), т. е. рефлексы нового аффикса замещены на мов. циркулярное. Все формы в Ил.-Вин. мн., кроме итонавской, идут по реконструкции Стома. Диалект Криваша, бакар [паневина] — показывают иное соотношение (при территориальном и хронологическом расхождении).

В словен. — картина сложная. М.б., там распределение идет по зонам $\begin{matrix} \swarrow \\ \text{se}^{\text{la}} \\ \searrow \\ \text{se}^{\text{la}} \end{matrix}$.

16) Здесь в штоклав. Р. мн. — редкое новое ацут, удлинённого.

17) В галлов. sedlīk (Loc. pl.) — сохраняется нов. ацут, некое ударение, но переноски не происходит. В то время как в далотных — ударение на носе.

В словен. долготные основы. В а. н. перенос в а. мн (a), кроме čréslo, želo, которые перенос в краткосильной мн.

Сама эта таблица больше свидетельствует в пользу Стампа. Если бы А. Вилье собрал весь материал в галлов. говоре Нови, то он мог бы дать последний сток чалаверий (крижанин) относительных и широкаверий. Но, м.б., вся эта система была переписана под этот тип отношений?